

РУССКАЯ ОНОМАСТИКА

3

РУССКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

РУССКАЯ
ОНОМАСТИКА
И ОНОМАСТИКА
РОССИИ

РУССКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

И я, оглядев и осмотрев всех,
уви́дел одну ту,
что прекраснее всех...
имя которой была София,
значит Мудрость,
и я ее выбрал.

Житие

Константина-Кирилла III

...Мы народ софийный...

Павел Флоренский

**РУССКАЯ
ОНОМАСТИКА
И ОНОМАСТИКА
РОССИИ**

Словарь

Под редакцией академика РАН
О. Н. Трубачева

МОСКВА
«ШКОЛА-ПРЕСС»
1994

ББК 81.4
Р 89

Ответственный за выпуск И. Б. Еськова

Р 89 **Русская ономастика и ономастика России.**
Словарь /Под ред. О. Н. Трубачева.—М.: Школа-
Пресс, 1994. — 288 с.— («Русская энциклопедия»).

ISBN 5-88527-066-х

Основываясь на достижениях ономастики — науки о собственных именах — словарь дает представление о происхождении названий рек и гор, городов и сел различных регионов России, об именах, отчествах, фамилиях, прозвищах русских людей, именах древних богов, кличках животных, названиях ветров, наименованиях звезд.

История слов излагается в теснейшей связи с краеведением, статьи словаря содержат сведения по истории и культуре русского народа, знакомят с именами заслуженных монахов-летописцев, названиями племен и народов России и т. п.

Книга открывает серию специальных словарей, реализующих материалы академического проекта «Русская энциклопедия».

Р 4602030000 — 050
С79 (03) — 93

ББК 81.4

ISBN 5-88527-066-х

© Издательство «Школа-Пресс», 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Имя собственное (предмет ономастики) — визитная карточка, с нее приличествует начинать знакомство, в данном случае — со страной, ее регионами, городами, селениями и, главное, с населяющими и населявшими ее людьми. Сборник этот — первый в своем роде. Он не охватил, да и не мог охватить весь гигантский именовослов, адекватный русской культуре и — шире — русской картине мира, хотя задача такая перед нами стоит. И все же этот труд знаменателен тем, что, пожалуй, впервые выделил задачу полной инвентаризации русского ономастического богатства. Не претендуя на полноту, ономастический сборник РЭ — впервые для универсальных энциклопедий — дает ценнейшую систематическую информацию по целому ряду разделов, практически н и к о г д а прежде не освещавшихся в энциклопедиях вообще: русские отчества (а ведь сама категория отчества — яркая особенность именно русской общественной культуры!), фамилии донского казачества, традиционные народные названия ветров, клички животных (зоонимия), имена языческих божеств (теонимия) Древней Руси, названия племен и народов. Все это выполнено специалистами, которым мы выражаем живейшую благодарность.

Мы лишены пока возможности начать систематическую — том за томом — алфавитную публикацию всей РЭ. Но тот факт, что мы прибегли к оперативному изданию сборников по специальным дисциплинам (алфавитное расположение материалов внутри сборников призвано как бы приблизить облик будущей

РЭ), свидетельствует прежде всего о нашем горячем желании не откладывать дела в долгий ящик.

Разумеется, мы не скрываем от наших читателей, что статьи предлагаемого сборника — это п р о б н ы е статьи будущей энциклопедии (что вовсе не делает их менее интересными и ценными). Поиск разумного баланса разных компонентов сообщаемой информации будет продолжен. Связь названий населенных мест, водных объектов, рельефа местности (гор и т. п.) с самими обозначаемыми объектами столь тесна и неразрывна, что не следует удивляться тому, что за кратким порой объяснением, толкованием происхождения (этимологией) самого названия идет чисто краеведческий очерк, даются сведения по географии (исторической, экономической, физической). Симбиоз ономастики с краеведением (кстати, умышленно запущенным у нас за прошедшие десятилетия) и географией продиктован самой природой этих знаний.

В число наших авторов входит немало солидных географов. По-своему любопытным опытом являются отдельные статьи (см. ниже) — не столько по древнерусской антропонимии (личным именам людей), сколько по просопографии (индивидуальным портретам поименованных лиц); таковы, например, статьи об именах заслуженных монахов-летописцев (*Лаврентий, Павел Высокий*). Названия мест, регионов вынужденно освещены выборочно, «кустами»: нижегородский историко-культурный регион, старинное Радонежское княжество, Верхняя Волга, западносибирский регион, добрых два десятка подмосковных городов... Любознательного читателя, думаю, заинтересует и такой не очень известный сюжет, как «Камаринская волость». Названия статей *Санкт-Петербург, Северский Донец, Сибирь, Обь, Таганрог* говорят сами за себя. Сделаны заявки примерно на полторы сотни статей нашей будущей Русской энциклопедии.

Ограничив этим кратким словом свое обращение к читателю, должен откровенно признаться, что, как и всякое вообще начало (а может быть, и потруднее, чем многое иное), это начало было нелегким. Тем выше наша благодарность издателям.

Академик О. Н. Трубачев

РУССКАЯ ОНОМАСТИКА В РУССКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Наука о собственных именах — ономастика (в первую очередь ее наиболее развитые отделы — топонимика и антропонимика) — очень близка к общей гуманитарной направленности Русской энциклопедии своей обращенностью к истории, среде бытования и культуре русского народа.

Широкое включение ономастического материала в национальную энциклопедию, непосредственное участие в ней высококвалифицированных ономастов не имеет прецедентов в истории отечественного словарного дела. Причиной этому было не столько непонимание информативной ценности собственного имени как своеобразного компонента национальной культуры, сколько то, что прежние энциклопедические издания (например, Большая советская энциклопедия) выходили в свет, когда ономастика еще не сформировалась как самостоятельная отрасль языкознания. Еще не было, наконец, богатого материала, которым она располагает в наши дни. Сравнительно немногие топонимические этимологии имели поверхностный характер. В них не раскрывалась история развития географических названий, неглубоко объяснялись их формальные изменения. В краеведческой литературе господствовали «народные этимологии», топонимические легенды.

В настоящее время положение изменилось: резко увеличилось количество теоретических и историко-этимологических исследований по ономастике, сформировались ономастические кадры, поэтому естественно участие ономастов в подготовке Русской энциклопедии.

Необходимо установить принципы отбора ономастической лексики и относящейся к ней терминологии, а также описания их в РЭ. В нее, безусловно, войдет несколько десятков узловых статей, как посвященных некоторым теоретическим вопросам ономастики и ее важнейшим терминам,

так и обобщенно характеризующих категории собственных имен.

В РЭ должна быть раскрыта не только русская ономастика в ее пространственно-временных пределах, но и собственная русским ономастическая картина мира. Основной массив собственных имен — онимов, который должен быть описан в РЭ, очевидно, составят топонимы, содержащие наиболее ценную и богатую этнолингвистическую и историческую информацию. В топонимическую часть словника включаются географические имена, отражающие формирование русской этнической общности. В нее должны войти названия географических объектов, с которыми связаны определенные события русской истории (*Калка, Куликово поле, Непрядва* и т. д.), жизнь и деятельность известных представителей русской культуры, наименования мест развития промыслов, ремесел и т. д.; топонимы, отразившие реалии социально-экономического и духовного развития русского общества. Например, топонимия подсечно-огневого земледелия, древних водных путей (*Волоколамск, Вышний Волочек, Мытищи*), так называемые агитопонимы (*Златоуст, Бороголебск* и др.), мифологические топонимы русского фольклора (*Пучай-река, Смородина-река* и т. д.).

Необходим топонимический комментарий и для названий населенных мест, получивших в старину так называемые главные гербы, символы которых прямо говорят о названии городов, которым они принадлежат. Если взять за основу известную книгу Н. Н. Сперансова «Земельные гербы России XII — XIX вв.» (М., 1974), то, по нашим подсчетам, главные гербы составляют примерно шестую часть представленного здесь гербовника. В словарных статьях о топонимах, предопределивших геральдический символ, необходимо показать, насколько точно отражает он смысловую сторону названия. Эта связь может быть прямой и точной (например, на голубом щите города Медыни — золотые пчелы, Лебедяни — лебедь в голубом поле), но отмечаются и геральдические рисунки, ориентированные на неверное, уже «смещенное» восприятие изменившейся мотивации топонима. Так, в гербе Великих Лук помещены были три золотых лука, тогда как в основе топонима лежит местный географический термин *лука* — «изгиб реки». Несоответствие первичной мотивировке географических имен геральдических символов отмечается и в других случаях (*Курск, Ветлуха, Рьльск, Рогачев, Рязск* и т. д.).

Способы подачи топонимического материала могут быть следующие:

1. В виде самостоятельной словарной статьи, посвященной отдельному названию (с пометой «топ.», т. е. топоним).

В ней содержатся историко-этимологические и другие сведения о названиях крупных рек, водоемов, например *Волга*, *Селигер*, *Азовское море*, *Белое море*, исторически ценные гидронимы — *Калка*, *Каяла*, *Яик* и т. д. Отдельными статьями целесообразно подавать топонимические сведения о названиях столиц как административных центров, входящих в состав РФ национальных республик, краев, областей и округов, областных и некоторых районных центров и крупных городов (*Абакан*, *Ижевск*, *Барнаул*, *Ростов-на-Дону*, *Таганрог* и т. д.); горных хребтов, возвышенностей (*Алтай*, *Урал*, *Жигули*); областей, территорий (*Северская земля*, *Россия*, *Украина*, *Беларусь*, *Кубань* и т. д.).

2. В составе комплексной статьи — в виде краткой ономастической справки, которая предпосылается энциклопедическому корпусу статьи, посвященной различным географическим объектам природного и антропогенного происхождения (например, только для ойконима *Москва*, тогда как гидрониму *Москва* посвящается отдельная топонимическая статья; *Звенигород*, *Волоколамск*, *Сызрань*, *Камышин* и т. д.). Топонимист выступает здесь как соавтор такой комплексной статьи или же в качестве рецензента, если объяснение топониму дает не специалист по русской ономастике. Объем топонимического комментария должен быть невелик (абзац). Список авторов, принявших участие в составлении таких историко-этимологических справок, может быть приведен в предисловии к соответствующему выпуску (тому) РЭ или в его конце.

Сведения о топониме могут быть следующего характера.

1. Самая ранняя засвидетельствованная источниками форма, затем варианты (фонетические, структурные, морфологические) и лексические дублеты в разные периоды существования.

2. Этимология, т. е. сведения о происхождении топонима: при наличии нескольких гипотез указываются самые достоверные. Автор имеет право на изложение собственной гипотезы, построенной на уровне современного развития ономастики. Приводятся также «народные этимологии» топонимов, связанные с ними топонимические легенды, разъясняется их научная несостоятельность. Выясняются мотивы названия в период зарождения географического имени, предлагается реконструкция первичной мотивации.

3. Морфемная и словообразовательная структура топонима.

4. В случаях смены имени объекта — последовательность номинаций и причины переименований.

Факультативно — ареалы распространения топонимных основ и формантов.

В тех случаях, когда в процессе длительного употребления в русскоязычной среде те или иные топонимы приобрели какие-то дополнительные значения и коннотации, сведения о них приводятся в конце словарной статьи с иллюстративным материалом из литературных и народно-разговорных источников: *Соловки, Камчатка, Ходынка* и др.

Дискуссионным представляется вопрос о включении в словник РЭ распространенных у русских личных имен со сведениями об истоках и этимологии, официальной и неофициальной формах, «сокращенных» именах — гипокористиках. Однако в ономастическую часть словника РЭ необходимо ввести наиболее частотные и характерные для русских личные имена, которые могут выступать как синонимы русского человека вообще, указывать на его социальную принадлежность и т. д. *Иван, Марья*, фамилии *Иванов, Сидоров* и др. Объяснить следует и личные имена типа *Светлана, Людмила, Руслан* и т. д.

Самостоятельная словарная статья об антропониме *Иван*, например, будет содержать исключительно важную информацию об этом типично русском имени не только в его собственном антропонимическом употреблении, но и в его многочисленных значениях, о проникновении в русскую фразеологию, народную ботаническую номенклатуру и т. д., что также свидетельствует о «русскости» этого личного имени, о связях его с различными сферами духовной культуры русского народа.

Учитывая тесную связь названий народов — этнонимов с топонимами и антропонимами, а также то, что этнонимы традиционно являются объектом изучения ономастики, подготовку словарных статей по названиям этноса целесообразно поручить секции ономастики. Статьи по этнонимам могут быть посвящены как названиям народов и этнических групп, населяющих или населявших в прошлом территорию нашей страны (прежде всего России), так и этнонимам, обозначающим народы за ее пределами, с которыми русские имели контакты в разные периоды своей истории.

Из других собственных имен, которые избирательно должны войти в ономастический словник РЭ, необходимо назвать агионимы (имена святых православной церкви или религий народов, населяющих Россию) и теонимы (имена божеств в славянском языческом пантеоне, например: *Велес, Дажьбог, Лада, Перун, Переплут, Сварог, Стрибог, Хорс, Ярило* и др.), мифонимы — имена персонажей русских народных сказок, былин (*Кощей, Яга, Лель, Тугарин, Садко, Скимен-зверь, Сухман* и др.), космонимы (особенно русские народные названия планет, звезд и созвездий), названия явлений стихии — анемонимы (особенно названия «местных ветров», например, на Байкале — *баргузин, сарма* и др., на

Селигере — *женатый ветер* и др.; на Черном и Азовском морях, в том числе и итальянские и т. д.), обязательно названия, связанные с русской конфессиональной культурой, например экклезионимы — названия церквей, монастырей, пустыней и других мест свершения обрядов поклонения (*Пирогоща, Оптина пустынь, Гефсиманский скит* и др.), народные названия праздников дохристианского и христианского происхождения (*Масленица, Сочельник, Авдотьи-плющихи, Параскевья-грязная*).

В Русскую энциклопедию должны войти статьи и об ономастических научных организациях и периодических изданиях не только отечественных, но и зарубежных, сведения о том, где проводится изучение русской ономастики, а также статьи-персоналии. Таковы в общих чертах ориентиры для авторов будущей Русской энциклопедии.

Е. С. Отин

А

АГАН — поселок в Сургутском р-не Тюменской обл., Россия. Возник в 1965 г., леспромхоз, Аганское нефтяное месторождение с начальным дебитом скважины (объем нефти, поступающей из скважины в единицу времени) в сутки 55—170 т; поселок назван по р. Аган, левому притоку Тромъегана (правому притоку Оби).

Название *Аган* — русская модификация хант. *ехан* 'река', где начальные *из* изменились в *а*, а срединный *х* в *г*. Гидроним (название реки) фиксируется на русских географических картах с XIX в.

И. К. Фролов

АГИОНИМ — от греч. *ἅγιος* 'святой' и *ὄνομα* 'имя, название'; ср. *агиография* — жизнеописание святых. Очень часто А. сопровождается вторым компонентом-определением, который по своей сути либо является редуцированным мифом, связанным с деятельностью святого, либо отражает его календарную приуроченность: *Иоанн Креститель*, *Аграфена-купальница*, *Илья-пророк*, *Симеон Столпник*, *зимний Никола* и т. п. Каждый А. приурочен к определенному дню годового цикла, что отражается в святцах. Второй компонент имени позволяет различать одноименных святых.

В связи с церковными требованиями нарекать че-

ловека при крещении именем одного из святых, день которого совпадал с днем рождения человека либо был близок к нему в установленных пределах, А. оказали решающее влияние на формирование имени в христианском мире. Календарная привязка А. отразилась в богатой восточнославянской календарной фразеологии: *у Евдокеи вода, у Егорья трава; с Петрова дня пожня* (т. е. покос, косьба). Отсюда вообще один из активных источников фразеологизмов, содержащих в своем составе антропонимы.

С А. связаны и так называемые народные значения личных имен: *Касьян на что ни взглянет — все вянет*. В данном случае представления связаны с високосным годом, который считается тяжелым, а так как день св. Касьяна приходится на 29 февраля, то и признак «нехороший», «недобрый» переносится на носителя антропонима.

После принятия христианства на Руси агиографическими персонажами были вытеснены представления о некоторых языческих божествах (см. *Перун, Волос, Мокошь*). Можно предполагать и обратный процесс появления новых языческих именовании в рамках бытового христианства (см. *Антипка, Анчутка, Купала*). Указанные особенности позволяют очертить А. как особую группу антропонимов — агионимию.

Н. И. Зубов

АЗОВЫ — село, Шурышкарский р-н Тюменской обл., Россия. Леспромхоз; добыча и переработка рыбы; село расположено на Азовской (Азевской) протоке, известной в русских источниках XVII в., впадает ниже с. Азовы в р. Обь.

Первичное имя собственное *Азовы* соотносится с хантыйским словосложением *Ас+ов*, где хант. *ась*, манс. *ас* — общее название р. Оби (буквально 'большая река') и хант. *-ов(-ев)* 'русло, течение'. Название созвучно с оронимом *Азов* Свердловской обл., соотносимым А. К. Матвеевым с тат. *азу* «коренной зуб, острие, жало» [1], а также полисонимом *Азов* Ростовской обл., первоначальное значение которого возводится В. А. Никоновым к черкес. *узев* (по Д. Кокову) 'горловина' либо к тюрк. *азан* (по В. В. Радлову) 'нижний'.

Л и т е р а т у р а: 1. Географические названия Урала. Свердловск, 1980.

Н. К. Фролов

АЛАТЫРЬ — мифоним. Бел горюч камень в русском фольклоре, обычно находится в море Окиане (на его берегу) или на о. Буяне. В записях XIX—XX в. известен также в формах: *Алабор, Алабырь, Алатр, Балатырь, Златарь, Латарь, Латер, Латырь, Латыш, Олатырь*. В рукописях второй четверти XVII в. зафиксирована форма *олатер*. Встречаются названия: *Янтарь — камень, белый (синий) камень, Кип-камень, Китра, золотой, железный камень* и др. Существует много этимологий мифонима, но надежной пока нет. Высказывались мнения о связи слова *А.* с гр. *αλαβαστρος* 'алебастр', *ηλεκτρον*, лат. *electrum* 'янтарь', гр. *ηλεχτωρ* 'лучезарный, сияющий'; с этнонимом *латыгор* 'латыш' при *камень 'гора'* («Латышская гора»); со словом *алтарь* (лат. *altare*, церк. слав. *ольтарь*, др.-исл. *altaristeinn*); с др.-исл. *leidarsteinn* 'магнит', но фонетически название *А.* из этих слов невыводимо. Были указания на вероятную связь мифонима *А.* и древнего названия Балтийского моря — «Алатырское». Мало дает сопоставление *А.* с географическим названием *Алатырь* (город в Чувашии).

А. Н. Афанасьев считал *А.* метафорой солнца, огненного камня, плавающего в воздушном океане, выражением крепости и могущества жизненных сил, тающихся на о. Буяне. А. Н. Веселовский и др. отождествляли *А.* с чудесным камнем, положенным Спасителем в основание Сионского храма, камнем, снесенным с Синая и положенным в этом храме на место алтаря. Сближения эти едва ли вероятны.

В фольклорных текстах с *А.* связан сложный комплекс представлений. В украинских колядках космогонического содержания белый камень в синей воде был «с начала света», до творения. Встречается он и в русских песнях. В былинах *А.* связан с чуждым миром, не-Русью. У этого камня ставит шатер Илья Муромец, выехав за пределы Руси; он же стоит с надписью на распутье трех дорог; от него и от бабы Латыгорки приходит сын Ильи для боя с отцом.

В духовных стихах А. — место, где выпадает из тучи «Голубиная книга». Он сближается с Адамовой головой, т. е. с Голгофой, и с каменными скрижалями, полученными Моисеем от Бога на горе Синай (иногда «Голубиная книга» оказывается написанной на А. камне). Сам А. часто лежит на Фаворской или Сионской горе. На нем Христос беседовал с апостолами, утверждая веру. В вопросно-ответной части Стиха о «Голубиной книге», восходящей (по В. Н. Топорову) к ритуальному тексту, произносимому у мирового древа над расчлененной жертвой, А. — «всем камням отец», т. е. первый элемент в классе камней (как Иерусалим — в классе городов, кипарис — деревьев и т. д.), один из основных элементов космоса, соответствующий костям (зубам) первочеловека и из них образовавшийся.

В заговорах А. — центр магических координат мира, характеризующийся максимумом сакральности. На нем могут находиться дерево, столб, терем, церковь, золотой престол, функционально аналогичные мировому древу. На него помещены (или из-под него появляются) волшебные «помощники», обеспечивающие успех заговора: Христос, Богородица, святые, птицы, змеи, ветры и др. Крепостью камня А. закрепляются слова заговора. В западноевропейских традициях А. обычно соответствует мраморный камень (фр. *la pierre de marbre* и т. п., ср. также *камінь мармуровий* украинских заговоров).

Л и т е р а т у р а: 1. Афанасьев А. Н. Языческие предания об острове Буяне // *Временник Общества истории и древностей Российских*. Кн. 9. М., 1851. 2. Он же. *Поэтические воззрения славян на природу*. Т. 2. М., 1868. 3. Веселовский А. Н. *Разыскания в области русского духовного стиха*. III-У. СПб., 1881. 4. Соболевский А. И. *Камень-латырь* // *Этнографическое обозрение*. 1891, № 1. 5. Коробка Н. «Камень на море» и камень алатырь // *Живая старина*. 1908, Вып. 4. 6. Бодуэн де Куртэнз И. А., Фасмер М. *Камень-латырь и город Алатырь* // *Изв. отд-ния рус. яз. и слов.* АН. 1914. Т. XIX. Кн. 2. 7. Познавский Н. *Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул*. Пг., 1917. С. 63, 264—272. 8. Топоров В. Н. *О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового древа»* // *Учен. зап. Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам V*. Тарту, 1971. 9. Архипов А. А. *Голубиная книга: Wort und Sache* // *Механизмы культуры*. М., 1990.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОЛЬШОЙ ГОРЯЙ — младший брат великого московского князя Ивана III Васильевича, удельный князь угличский с 1462 по 1492 г. (родился в 1446 г. в г. Угличе, умер в 1493 г. в заточении в Москве). Совместно с братом Юрием ему приходилась треть всех доходов в Москве. Он активно соперничал с Иваном III, стремился вести независимую политику: особую позицию занимал в борьбе Ивана III с новгородцами (1471—1479); самостоятельно сносился с Литвой (1492); уклонялся от военной помощи Ивану III в борьбе против татар (1492), выстроил в Угличском кремле новое кирпичное здание Спасо-Преображенского собора вместо обветшавшего; воздвиг новый жилой кирпичный дворец со сводчатой архитектурой типа новгородской и московской грановитых палат; поощрял развитие в Угличе рукописного книжного дела, некоторые образцы его (Паисиевское евангелие конца XV в. и Шарапова псалтирь 1485 г.) сохранились до сих пор (см. ст. *Паисий Угличский* и *Федор Клементьевич Шарапов*). Весьма вероятно, что даже распространявшуюся балканскими выходцами при дворе Ивана III идею «Москва — третий Рим» Андрей Васильевич Большой Горяй стремился «подправить» на «Углич — третий Рим», так как, по видимому, с этой целью значительную группу монахов балканского происхождения во главе с Касьяном Греком из Феррапонтова Белозерского монастыря пригласил в свое княжество и основал для них новый монастырь на р. Учме (см. *Касьян Грек*). Благодаря всему этому г. Углич как центр удельного княжества достиг во второй половине XV в. очень высокого культурно-экономического расцвета.

Андрей Васильевич Большой Горяй именовался Большим в отличие от своего родного брата — тоже Андрея Васильевича, но Меньшого (род. в 1452 г.). название же *Горяй* применительно к Андрею Васильевичу Большому можно объяснить двояко. В языковой истории славян XV век — время, когда в их речи еще были обычны нестрадательные причастия. В им. пад. ед. ч. мужского рода настоящего времени они имели такие формы: *веля* 'велящий' — от *велит*, *кипя* 'кипящий' или 'кипучий' от *кипит*, *коля* 'колющий' или

'колючий' от *колет*, *ходя* 'ходящий' или 'ходячий' от *ходит* и т. п. В этот ряд образований входило и *горя* 'горящий', 'горячий' или 'горючий' от *горит*. Полные формы получались прибавлением к краткой -й: получалось *веляй, кипяй, коляй, ходяй* и т. п. Отсюда вполне возможно и прозвание угличского князя — Горяй: князь имел к тому же горячий (вспыльчивый, порывистый, напористый, непокладистый) характер. Другая причина, возможно, состояла в том, что на Руси в XV в. существовала традиция именовать новорожденного не только христианским именем, но еще и бытовым, некалендарным. Правда, этому предположению как будто противоречит то, что в летописях о рождении Андрея Большого под 1446 г. читается следующее: «Того же лета родися великому князю на Угличе сын Андрей августа 13». О том, что этому Андрею тогда дали еще и второе имя — Горяй, в летописях, как и в иных источниках, ничего не сказано.

В нелингвистической литературе по угличской истории распространено мнение, будто князь Андрей Васильевич Большой получил прозвище Горяй после смерти: был вероломно замучен в темнице по приказу Ивана III; в этом случае *Горяй* толкуется как производное от *горе*. Но это мнение ошибочно. Оно не соответствует русским словообразовательным нормам XV в. и противоречит историческому факту: *Горяй* в составе указанного наименования употреблялось в письменности при жизни князя. В Синодальном списке второй Псковской летописи, возникшем в 80-е гг. XV в., сказано под 1480 г.: «Разгневашася на князя великого Ивана Васильевича на брата своего князь Андрей Горяй и Борис».

Литература: 1. Киссель Ф. Х. История г. Углича. Ярославль, 1844. 2. Русинов Н. Д. Лингвистический очерк истории средневековой культуры в Угличском Верхневолжье. Горький, 1988 (депонировано в ИНИОН АН СССР, № 37967. 1989, 19 мая).

Н. Д. Русинов

АРЗАМАС — город (районный центр в Нижегородской обл.). Расположен на р. Тёше, правом притоке Оки. Первоначально был мордовским селением —

Арзамасским мордовским городищем. Имел и другие варианты наименования — *Арземас*, *Орземас*. Местность, в которой возникло поселение, как и все междуречье Оки, Волги и Суры, была исконной территорией расселения мордовских племен эрзя. В IX—XI вв. она находилась в зоне влияния волжских булгар. Во время монголо-татарского владычества входила в состав Золотой Орды, в XIV в. оказалась под игом Казанского ханства, а во второй половине XV в. вошла в состав Русского государства.

Первые упоминания об А. как русской крепости и административном центре большого уезда относятся к 70-м гг. XVI в. Официально, по документам (духовная грамота Ивана IV, поместные акты) известен с 1578 г., который и считается годом основания Арзамаса — военной пограничной крепости на юго-востоке Московского государства, созданной для защиты его от набегов ногайцев, казанских, астраханских, крымских татар. А. оставался важным оборонным пунктом, даже когда границы Русского государства продвинулись дальше на восток и юг. Позднее усилилась его роль как торгового и промышленного центра, особенно в XVIII в. и первой половине XIX в., в период развития капитализма в России.

Предание связывает название г. Арзамаса с именами двух братьев мордвинов — Арзя и Масая или, по другим признаниям, Эрзя и Масяя, бывших проводниками у Ивана Грозного во время его похода на Казань, по другой версии — предводителями жителей мордовского поселения. Царь Иван Васильевич якобы, проходя со своим войском через это поселение, повелел заложить здесь город-крепость и назвать его Арзамасом в честь братьев-проводников или братьев-предводителей мордвы за то, что встретили царя и его войско с покорностью.

Специалисты-нефилологи (историки, краеведы) возводят этот урбоним к двум мордовским словам: *эрзя* (название мордовского племени) и *мазый* 'красный, красивый' или *мас* 'красота', а также усеченное *мас-тор(о)* 'земля, земельное владение' — и толкуют его буквально как 'самое красивое место племени эрзя' или 'поселение на земле эрзи, в эрзянской земле'.

Некоторые (например, Л. М. Каптерев) признают это имя «искаженным, отатаренным наименованием древнего эрзянского городка «Эрзе-Мас» с упомянутым уже значением 'красный (красивый) город племени эрзя'.

В. А. Никонов допускает возможность связи первой части названия *А.* с названием жившего на соответствующей территории мордовского племени *эрзя*. Однако выведение второго элемента из мордовского *мас* считает неправильным и в словарной статье своего «Краткого топонимического словаря» помещает мнение Б. А. Серебренникова, сопоставившего *мас* с венг. *mező* 'поле'.

Г. Е. Корнилов признает этимологию В. А. Никонова безупречной и с лингвистической, и с исторической точки зрения, но нуждающейся в «дополнительных комментариях». Он считает, что в русский язык слово *Арзамас* пришло из болгарского (древнечувацкого) языка, и оперирует при этом обязательными пространственно-хронологическими вариантами *Арзамас* и *Эрзамас*, в которых якобы проявляется закономерная для тюркских диалектов, особенно болгаро-чувацких, мена инициальных *А — Э(И)*. Первая часть наименования *эрзя* в переводе с древнечувацкого буквально означает 'мяльщик'. Чувацкий разговорный язык еще в XVIII—XIX вв. имел в своем составе слово *эрзя* с буквальным значением 'скорняк'.

Элемент же *мас* в составе урбонима, по его мнению, являлся очень употребительным в древности суффиксом, указывавшим на наличие или изобилие того, что значилось в предшествующей части основы. И таким образом, топоним *Арзамас* буквально означал 'место, где много эрзи; место обитания эрзи (исначально — скорняков, мяльщиков)'.

Вполне приемлемым является толкование топонима *Арзамас* через эпоним — личное мордовское имя *Арзамас (Орземас)*. Ср.: «А на отделе были... сторонние люди... да сыресеvский мордвин Орземас Вешкомасов» [1]. В основе этой этимологии лежит знание и учет того, что мордовские селения получали свое название или от урочища, с которым были связаны, или

от старинных мордовских личных имен: *Ардатово* — *Ардат*, *Алемаево* — *Алемай*, *Атемасово* — *Атемас* и др. Что же касается варианта *Орзemas*, то он, вероятно, возник уже на русской почве под влиянием оканья, характерного для русских.

Данный топоним вошел в основу нескольких известных наименований:

«Арзамас» — название литературного кружка в Петербурге, членами которого были Жуковский, Батюшков, Вяземский, Пушкин; был направлен против литературного общества «Беседы любителей русского слова», в которое входили ревнители классицизма; выступал в защиту сентиментализма и романтизма.

Арзамасская школа живописи — первая в России частная провинциальная художественная школа (1802—1862), основана в Арзамасе А. В. Ступиным; способствовала развитию демократической жанровой живописи.

Алёна Арзамасская — монахиня из крестьян, возглавившая крупный отряд беглых и крепостных людей Арзамасского уезда во время крестьянской войны 1670—1671 гг. под предводительством Степана Разина. Была выдана заговорщиками, мужественно перенесла допросы, пытки, казнена — заживо сожжена. В г. Темникове и Саранске героине поставлены памятники.

Арзамасские гуси — гуси местной высокопродуктивной породы, выведенной в Арзамасском уезде. Широко славились по всей России, их разводили тысячами и отправляли на продажу в Петербург и другие города.

Л и т е р а т у р а: 1. Арзамасские поместные акты 1578—1618 гг. / Собрал и редактировал С. Б. Веселовский. М., 1915. 2. Гераклитов А. А. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII—XVIII вв. // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1930. Т. 8. Вып. 2. 3. Каптерев Л. М. Нижегородское Поволжье X—XVI вв. Горький, 1939. 4. Корнилов Г. Е. Продолжение пробных статей этимологического «Словаря собственных имен Поволжья и сопредельных территорий» // Диалекты и топонимия Поволжья (Материалы и сообщения). 1975. Вып. 3. Чебоксары. С. 124, 130. 5. Мельников П. Очерки мордвы // Русский вестник. 1867. Т. 69. 6. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. 7. Очерки истории Арзамаса. Горький, 1981. 8. Грубе Л. Л. Как возникли географические названия Горьковской области.

Горький, 1962. 9. Щегольков Н. М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас, 1911

Л. А. Климова

АСТРОНИМИКА (от гр. *ἄστρον* 'звезда' и *ὄνομα* 'имя') — раздел ономастики, изучающий собственные имена небесных тел и их совокупностей. Первоначальная конкуренция двух терминов для обозначения этого раздела — *А.* и *космонимика* — привела ономастов к идее их смыслового разграничения: *А.* изучает именованя «точечных» небесных тел, т. е. названия звезд, планет, их спутников, астероидов, метеороидов (метеорных потоков) и метеоритов (*Сириус, Юпитер, Амальтея, Ланселот*, комета *Неуймина, Персеиды, Горловка*), а *космонимика* — именованя пространственных объединений небесных тел, как они видятся земному наблюдателю: обозначения созвездий и их частей, звездных скоплений и галактик (*Большая Медведица, Орион, Палица* — часть созвездия Геркулес, *Плеяды, Млечный Путь*, туманность *Андромеды*). Это разграничение последовательно проводится в словаре Н. В. Подольской (хотя он и не содержит самого термина *космонимика*) и ряде ономастических публикаций начиная с 80-х гг. XX в. Впрочем, часто термины *А.* и *космонимика* (и их производные) продолжают употребляться как равнозначные, а разные ученые отдают предпочтение то термину *А.* (М. Э. Рут), то термину *космонимика* (В. Д. Бондалетов). Объяснение терминологической разногласности — в отсутствующей пока, но необходимой иерархизации терминов. Небесная отрасль ономастики может быть только одна. А уж она, в свою очередь, вполне может делиться на группы (изучение точечных и пространственных объектов).

Астрономы и популяризаторы астрономии издавна обращаются к толкованию небесных названий, чаще всего ограничиваясь ссылками на античную мифологию (Д. О. Святский, В. П. Цесевич, Ф. Ю. Зигель, Г. А. Бурба). Интерес к небесным названиям проявляют также этнографы, фольклористы. Однако научная разработка *А.* началась лишь после подключения к ней лингвистов (В. А. Никонова, В. Д. Бондалетова,

А. В. Суперанской, М. Э. Рут, Л. Ф. Фоминой и др.), так как названия небесных объектов — слова, а поэтому они должны изучаться лингвистическими методами. Становление научной А. приходится на 60—70-е гг. и продолжается до сих пор.

Среди астронимов — названий небесных объектов — целесообразно различать старые (возникли до открытия телескопа) и новые, а также научные (кодифицированы наукой и стали астрономическими терминами) и народные. Последние, разумеется, возможны только для объектов, видимых невооруженным глазом. Большинство старых научных названий сформировалось на базе народных.

Возникновение старых астронимов теряется в глубине веков, так как звездное небо давало древнему человеку возможность прекрасно ориентироваться ночью и во времени, и в пространстве. Так, можно утверждать, что названия самого яркого северного созвездия типа нашего *Большая Медведица*, бытующие не только как научные, но и как народные во многих странах, в том числе в ряде индейских языков Северной Америки, возникли приблизительно 100 тыс. лет назад. Дело в том, что собственное движение, присущее всем звездам, в Большой Медведице особенно заметно. И 100 тыс. лет назад конфигурация этого созвездия походила на профильное изображение медведя, причем медведя длинношерстного, пещерного, а примерно около 80 тыс. лет назад такое сходство было утрачено.

Из 88 выделяемых ныне созвездий старыми являются 48. Названия им давались, как правило, по сходству, на основе метафоры, причем источниками именований служили существенные, социально значимые реалии. Как заметил В. А. Никонов, «охотничьи племена дали созвездию название Стрелец, скотоводческие заселили небо табунами коней». 25 названий старых созвездий, т. е. более половины, взяты от животных. Наряду с *Большой* и *Малой Медведицами*, *Большим* и *Малым Псами* есть созвездие *Малый Конь*, по именованию находящееся в оппозиции с названием созвездия *Пегас*, которое ранее у греков именовалось 'ἵπλοζ. 'Конь', и стало Пегасом позже, в связи с общей

мифологизацией астрономии. Есть также созвездия *Волк, Заяц, Лев, Ворон, Лебедь, Орел, Кит, Дельфин* и др.

Преобладание у старых созвездий «звериных» имен свидетельствует, что небо было разделено на созвездия охотничьими и скотоводческими племенами в первобытно-общинные времена, а зафиксированный на небе комплект животных подсказывает, что это произошло в Двуречье. Изначально не имея никаких мистических мотивировок, обозначения созвездий постепенно мифологизировались, а придя из Ассирии-Вавилонии и Древнего Египта в Грецию, практически целиком влились в античную мифологию. Таким образом, мифологические объяснения названий старых созвездий вторичны и появились после возникновения самих этих названий. При этом и название могло измениться, как *Конь* превратился в *Пегаса*. Таковы, можно думать, все названия созвездий по собственным именам античной мифологии: *Андромеда, Геркулес, Кассиопея, Орион, Персей, Цефей*. В конфигурации звезд можно увидеть человека (так возникло, например, название *Близнецы*), но конкретную, скажем, *Кассиопею* — нет.

Из Греции названия созвездий были усвоены римлянами, с переводом их на латинский язык, из которого уже в качестве научных терминов они распространились по всему миру. В славянской традиции названия созвездий, образованные от нарицательных слов, переводятся (*Дева, Водолей, Телец, Весы, Чаша*), а названия от собственных имен усваиваются в своем звучании (*Эридан, ср. Волосы Вероники*). 40 новых созвездий выделены в основном на южном небе, в XVI—XVIII вв. Самое знаменитое из них — *Южный Крест* — зафиксировано в 1520 г. во время плавания Магеллана. 13 новых созвездий впервые поместил в своем звездном атласе И. Байер (1603). Продолжая традицию именования созвездий по животным, Байер и другие астрономы подбирали в основном экзотические имена, что соответствовало эпохе великих географических открытий и подчеркивало удаленность объектов от европейского наблюдателя: *Хамелеон, Павлин, Тукан, Райская Птица, Золотая Рыба*, также

Журавль, Голубь, далее *Жираф, Единорог* и др. Ряд новых созвездий на северном небе ввел Я. Гевелий (его атлас вышел в 1687 г.). Из них доныне сохранилось семь: *Малый Лев, Гончие Псы, Рысь, Лисичка, Ящерица* и, с отступлением от анималистической традиции, *Щит, Секстант*. Последнее название зародило новую традицию, которую подхватил Н. Лакайль (1752); 14 введенных им новых созвездий южного неба получили имена во славу науки и искусства: *Октант, Телескоп, Циркуль, Наугольник, Часы, Микроскоп, Насос, Резец, Скульптор* и др. Все названия Лакайля однословны, но часть из них стала таковой уже в процессе позднейшего функционирования: *Химическая Печь* превратилась просто в *Печь*, *Мольберт Живописца* стал *Живописцем* и т. д.

Окончательное число 88 созвездий, понимаемых как участки, на которые разделена вся небесная сфера, утверждено в 1922 г. I съездом Международного астрономического союза (МАС), который при этом отказался от 27 созвездий, фигурировавших в различных звездных атласах. С этого времени МАС (или, по его поручению, другие астрономические институты) утверждает, а при необходимости корректирует все новые научные названия небесных объектов.

Словесные названия звезд (их функционирует, с разной степенью известности, около 300), как правило, вторичны относительно именовании созвездий и опираются на эти названия. От греков обычай именовать звезды по месту в созвездии переняли арабы, а от них — средневековая Европа. Так, звезда δ Большой Медведицы (обозначение ярчайших звезд созвездия греческими буквами ввел И. Байер) у Птолемея названа «Ближайшая в хвосте», в атласе Бируни — «Начало хвоста». Ныне она именуется непонятно — *Мегрец*, что, однако, в переводе с арабского означает все то же — «начало хвоста». Связь именовании звезд с созвездиями оказалась для астрономов обременительной, когда они после открытия Н. Коперника осознали, что каждая звезда — это особый мир, что звезды входят в состав созвездия лишь для земного наблюдателя, а фактически никак между собой не связаны. Возникшая потребность разграничить назва-

ния звезд и созвездий привела к тому, что в XVIII—XIX вв. астрономы отказались от перевода описательных обозначений и стали применять их на языке оригинала — по преимуществу арабского: *Бетельгейзе* и *Ригель* (α и β Ориона) — «подмышка великана», «нога», *Мерак* (β Большой Медведицы) — «брюхо», *Денеб* и *Садр* (α и γ Лебеда) — «хвост», «грудь». Благодаря такой разноязычности оказалось возможным даже совпадение названий созвездия и его ярчайшей звезды — α : *Альрами* 'стрелец' в созвездии Стрелец. *Арнеб* 'заяц' в созвездии Заяц, *Дубге* 'медведь' в созвездии Большая Медведица и др. Около 80 процентов поименованных звезд имеют арабские названия (15 процентов — греческие и 5 процентов — латинские).

Зависимость названия звезды от созвездия может оказаться завуалированной. Так, названия *Альтаир* и *Вега* восходят к арабским словам со смыслом 'летающий' и 'падающий', поскольку арабы именовали созвездия Орел и Лира *Летящим Орлом* и *Падающим Орлом*, а α Льва — *Регул* взято от лат. *regulus* 'царек' по метафоре «лев — царь зверей». Некоторая часть названий звезд имеет отношение не к своим созвездиям, а к другим небесным объектам. Так, α Волопаса — *Арктур*, нацеленная на хвост Большой Медведицы, имеет смысл 'страж медведя', α Скорпиона — *Антарес* соотносится с планетой Марс, означая по-гречески 'вместо Марса'. Лишь немногие звезды имеют названия безотносительные, полученные по их собственным свойствам. Это прежде всего *Полярная звезда*, находящаяся вблизи северного полюса мира и потому остающаяся на небе неподвижной (всегда указывает на север). Самая близкая к нам звезда (α Центавра) именуется по-латыни *Проксима* 'ближайшая'. Ошибку древних обнаруживает греческое название самой яркой звезды небосклона *Сириус* 'знойная'. Его смысл объясняется тем, что звезда появлялась на ночном небе в период наибольшего зноя (июль — август) и, как наивно полагали, вызывала этот зной.

Планеты в Древней Греции первоначально имели названия огненного цикла (Юпитер — *Фэтон* 'блистающий' и под.), но под влиянием Вавилона, где планеты были хорошо изучены и именовались по

главнейшим богам, получили затем божественные названия: *Гермес, Афродита, Арес (Арей), Зевс, Крон*. Усвоив вместе с астрономической мудростью эти названия, римляне заменили их именами соответствующих своих богов. Так появился ныне употребительный ряд *Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн*. Древние знали только эти 5 планет. Остальные планеты — новые, открытые с помощью телескопа. Впрочем, планету *Земля* Коперник «открыл» в XVI в. путем построения своей гелиоцентрической системы. Понятно, что это название, идущее в большинстве языков от смысла 'почва' и звучащее в разных языках по-разному, является очень древним и со времен Коперника получило лишь новую семему 'планета'. Члены Солнечной системы, находящиеся за Сатурном, были открыты с помощью математических расчетов и телескопа: *Уран* — в 1781 г. (В. Гершель), *Нептун* — в 1846 г. (по расчетам У. Леверье), *Плутон* — в 1930 г. (К. Томбо по расчетам П. Лоуэлла). Эти три названия, так хорошо вписывающиеся в традиционный божественный ряд, утвердились отнюдь не сразу, будучи длительное время предметом споров среди ученых. При этом попытки использовать имя первооткрывателя относительно Урана и Нептуна успехом не увенчались, и лишь именование *Плутон*, не нарушающее мифологического ряда, было подобрано таким образом, чтобы два первых его звука указывали на инициалы Персиваля Лоуэлла.

Свои особенности есть у именовании спутников планет, первые из которых (помимо извечно знакомой людям Луне) открыл в 1610 г. Г. Галилей (спутники Юпитера *Ио, Европа, Каллисто* и *Ганимед*). Открытия спутников планет, особенно Сатурна и Юпитера, продолжают и в наши дни, причем традиция их именовании, идущая со времен Галилея и ориентированная на античную мифологию, в целом сохраняется.

Особый интерес для астрономии представляет динамика названия малых планет (астероидов) благодаря многочисленности этих небесных тел (на 1 января 1991 г. их открыто 4645, а поименовано 3577) и длительности процесса их номинации (с 1801 г. до на-

ших дней). Начав с имен античных богинь (первые астероиды: *Церера, Паллада, Юнона, Веста, Астрея*), астрономы довольно быстро перешли на имена земных женщин (астероиды *Вера, Зоя, Инна, Катя, Лена, Люда, Марина, Мариетта, Надежда, Наташа, Ольга, Тамара* и др.) и античных персонажей мужского пола (*Аполлон, Амур, Эрот, Эндимион, Дедал, Ахиллес, Гектор, Приам* и т. д.). В XX в. главным источником названий малых планет стали фамилии — сначала астрономов, мужчин и женщин: а) *Бредихина, Бодea, Галилея, Ольберсия, Пиация, Шеплия, Вольфиана* (с трансформацией мужских фамилий в женские формы с помощью аффиксов *-а, -я, -ия, -иана*); б) *Бессель, Гершель, Койпер, Коперник, Орлов, Чеботарев* (без изменений мужских фамилий); в) *Кеннония, Яхонтовия* (с трансформацией женских фамилий); г) *Боева, Жилова* (без трансформации женских фамилий). Многие астероиды стали называться по фамилиям и других знаменитых людей: *Амундсеня, Нансеня, Моцартия, Павловия, Руставелия* и другие. Множество астероидов взято от топонимов (Россия, Украина, Одесса и т. д.), а также различных нарицательных имен — абстрактных и конкретных.

В сферу астрономии как раздела ономастики входит и астротопонимия — обозначение объектов на поверхности планет (кроме Земли) и их спутников. Благодаря выдающимся космическим успехам человечества таких объектов, подлежащих именованию либо уже поименованных, становится все больше. Ныне известно около 1300 объектов, в основном кратеров, на Луне (в том числе на ее обратной стороне), около 400 названий на Марсе (здесь также преобладают кратеры, а не знаменитые некогда, но так и не обнаруженные каналы, ср. названия территорий на Марсе: *Аракс, Ганг, Евфрат, Окс, Танаис*). Львиная доля именованных объектов на Луне и Марсе образована от фамилий ученых, прежде всего астрономов. На Луне и на Марсе есть посвященные астрономам кратеры: *Антониади, Араго, Барнард, Браге, Галилей, Галлей, Гиппарх, Кассини, Коперник, Ломоносов, Перепелкин, Птолемея, Тихов, Фесенков, Фламарион, Шаронов* и др.

Поэтому объекты на Меркурии (около 300) и Ве-

нере (более 300), открытые отчасти с Земли, но в основном со спутников, получили иную базу номинации. Разные типы объектов здесь именуются по разным принципам, но преобладающий тип — все те же кратеры — называются на Меркурии по фамилиям деятелей культуры, а на Венере — знаменитых женщин. В обоих случаях рабочая группа МАС по планетной номенклатуре тщательно следит за сохранением интернационального подхода, поэтому на Меркурий и Венеру попадают имена деятелей разных стран и народов и разных эпох. Вот некоторые названия кратеров, данные в честь русских деятелей: на Меркурии — *Державин, Достоевский, Лермонтов, Мусоргский, Пушкин, Репин, Суриков, Толстой, Чайковский*; на Венере — *Ахматова, Голубкина, Дашкова, Мухина, Орлова, Павлова, Русланова, Цветаева*.

Литература: 1. Бэнов А. *Мифы и легенды о созвездиях*. Минск, 1984. 2. Бондалетов В. Д. *Русская ономастика*. М., 1983. 3. Карпенко Ю. А. *Названия звездного неба*. М., 1985. 4. *Назвы об'ектив на поверхні планети Венери // Мовознавство*. 1989. № 5. 5. *Марсианские названия // Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rođenja*. Zagreb, 1985. 6. *Toponymie des Planeten Merkur // Namenkundliche Informationen, Beiheft 13/14*. Leipzig, 1990.

Ю. А. Карпенко

АЧИНСК — город, который называют западными воротами Красноярского края. Сегодняшний облик А. позволяет говорить о нем как о молодом и быстро-растущем промышленном городе. И действительно, даже внешние приметы — рост численности населения — свидетельствуют об этом: число его жителей увеличилось со 117 тыс. до 122 тыс. (соответственно: 1979 — 1989).

И все-таки Ачинск — старый город, он был построен как острог 350 лет назад. В Грамоте царя Михаила Федоровича томскому воеводе Ивану Гавриловичу Бобрищеву-Пушкину от 25 августа 1644 г., в которой подробно описываются походы русских служилых людей в Ачинскую волость — в земли енисейских киргизов, кочевавших в степях южнее нынешнего Красноярска, есть сведения и о постройке Ачинского острога: «... в прошлом же во 150-м (1641 — 1642) году

писал к нам из Сибири ис Киргизской земли Яков Тухачевский: и Божию де милостию, а нашим счастием наши служилые люди киргизских князцов Ишеев и Ченеев улусы повоевали..., да и он же де Яков, отыскав в Киргизской земле угоднее место, поставил... среди Киргизские земли в Ачинской волости на реке на Белом Июсе и на Сызырима озере острог... и кто имены служилые люди с ним Яковом тот ачинский острог ставили, и тем служилым людям прислал имянную роспись».

Об этой крепости известный исследователь Сибири Г. Ф. Миллер писал следующее: «Ачинский острог... был построен тогда у Сызырима, к востоку от реки Июса, примерно в 60 верстах к северу от большой Красноярской дороги и перевоза на этой реке. Нападение киргизов в 1682 году, во время которого Ачинский острог был полностью разрушен и сожжен, явилось причиной того, что новый острог был поставлен уже ниже по течению Июса, на его восточном берегу, на расстоянии приблизительно 100 верст от Мелесского острога». Таким образом, Ачинский острог через 40 лет после своего основания был перенесен чуть ниже по течению реки и оказался в том месте, где от слияния Белого и Черного Июсов образуется Чулым, но при этом сохранилось его старое название.

Возникает естественный вопрос: почему острог был назван Ачинским? Возможно, это идет от именованья самой волости или речки Ачинки, которая здесь впадает в Чулым. Однако следует заметить, что названия и волости, и речки образованы, в свою очередь, от старого русского имени хакасов — ачинские татары.

Ачинский острог был построен в виде треугольника неправильной формы, его территория не превышала 16 десятин. Он был обнесен высокой оградой из лиственничных островерхих бревен; в основание береговой стены были уложены для крепости большие плиты известняка и крупные речные валуны.

Жители появившегося вокруг острога селения занимались охотой, рыбной ловлей и земледелием. Изредка ачинцы снаряжали обозы в Тобольск для до-

ставки в государеву казну дани ясачных татар и своих податей — мехов собольих и лисьих да бочек с салом, с красной рыбой, со смолой. И почти до конца XVIII столетия Ачинск относился к числу сел.

Заметное оживление в жизнь Ачинска внесло развитие транспортных путей, прошедших через него. Так, в середине XVIII в. он становится узловым станцией на Московском столбовом тракте, соединившем центр России с Сибирью. И это во многом определило специфику занятий жителей Ачинска. Для большинства из них Московский тракт стал «и кормильцем, и поильцем»: ачинцы держали на этом сквозном сибирском пути постоялые и заезжие дворы, мужчины работали ямщиками, занимались подвозом сена и овса. Через Чулым была только паромная переправа, поэтому перевозом занимались также и владельцы лодок. Ачинск стал одним из узловых пунктов на Московском тракте еще и потому, что позднее он был соединен грунтовыми дорогами с такими центрами края, как Минусинск и Енисейск.

Только в 1782 г. Ачинск стал уездным городом (он относился к Томской обл. Тобольского наместничества); население его тогда составляло 575 человек обоего пола. В 1797 г., по очередной реформе, он был преобразован в Ачинский посад, но уже в 1822 г. вновь получил статус города и вошел в Енисейскую губернию. И к середине XIX в. Ачинск становится уже заметным городом Сибири: в нем было 336 домов, три церкви (две каменные и одна деревянная), одно уездное училище, открытое в 1832 г., и даже своя бумажная фабрика, которая выпускала оберточную и писчую бумагу.

И хотя Ачинск стоял на скрещении сухопутного и водного путей, на его экономическое и культурное развитие в большей степени повлияло то, что через этот город прошла линия Транссибирской железнодорожной магистрали. Ее строительство началось во Владивостоке в 1891 г., но уже через три года Ачинск стал железнодорожной станцией. О значительных переменах в жизни города свидетельствуют такие данные: в 1890 г. в нем было чуть более 5 тыс. жителей, к 1911 г. их число увеличилось до 10 тыс., в 1900 г. бы-

ло три учебных заведения (трехклассное мужское училище на 69 человек, начальное церковноприходское на 60 мальчиков и прогимназия на 50 девочек), к 1911 г. число их достигло шести, а количество учащихся — 830 человек.

К началу XX в. хозяйство Ачинска имело торговый характер: в городе было 62 торговые лавки, 10 магазинов, 9 ренсковых погребов, 4 винных склада; промышленные предприятия в основном были полукустарного типа, они специализировались на выделке кож и мехов, изготовлении свечей, мыла и гончарных изделий. По окраинам Ачинска располагались кирпичные заводы-сарай. В 1900 г. таких заводов было пять, по-видимому, они вполне удовлетворяли потребности города в кирпиче.

Современный Ачинск — это крупный промышленный центр Красноярского края. Следует сказать, что в нем сохраняется в какой-то мере и традиционная местная промышленность: действует капитально отреставрированный в 40—50-е гг. кирпичный завод, снабжающий сейчас своей продукцией почти всю южную часть Красноярского края; один из его цехов выпускает гончарные изделия; работают меховая и обувная фабрики; есть даже воскозавод.

Но более всего современный Ачинск характеризуют новые предприятия, такие, как мощный глиноземный комбинат, построенный в 50—70-е гг., который поставляет глинозем на Красноярский алюминиевый завод; завод железобетонных конструкций; слюдяная фабрика, где способом ручной щипки получают электроизоляционный материал — слюдяные пластинки микроскопической толщины (20—30 микрон) и др.

Л и т е р а т у р а: 1. Ачинск. Красноярск, 1976. 2. Лыжин К. Красноярский край. Красноярск, 1958. 3. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. М.; Л., 1941. 4. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

З. С. Дерягина

Б

БАРНАУЛ — топоним, название административного центра Алтайского края. Расположен в верхнем течении р. Оби при впадении в нее притока Барнаулки. Б. насчитывает в настоящее время более 650 тыс. населения, вырос из поселка при Барнаульском сереброплавильном заводе. Годом рождения Б. условно считается 1730. Его указал И. Гмелин [1]. Однако первые русские поселенцы — крестьяне завели свои деревеньки — Усть-Барнаульскую и Верх-Барнаульскую еще в 20-х гг. XVIII в. [2]. В конце 30-х гг. этого века приказчики известного уральского заводчика Акинфия Демидова нашли, что устье р. Барнаулки удобно для строительства завода, который и начал действовать в 1744 г. Работали здесь привезенные демидовские мастеровые, а также бежавшие в Сибирь от помещиков и чиновников крестьяне. В 1747 г. по указу Елизаветы Петровны алтайские заводы перешли в собственность царского Кабинета. Барнаульский медеплавильный завод стал крупным сереброплавильным заводом и занял главенствующее положение на Алтае. Поселок же превратился в административный центр Колывано-Воскресенских заводов, а заводской посад в 1771 г. был переименован в горный город Барнаул.

Свое название Барнаул получил по реке, которая в «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова (1701) указана как *Бороноур*, позднее — *Бараноул*, *Барнаул* [3]. Есть много попыток обосновать это название, в том числе и как *аул Барны*, но все они находятся на уровне «народной этимологии». Достоверным представляется мнение проф. А. П. Дульзона, относящего это слово к ассанскому (одному из кетских диалектов), где *ур(ул)* обозначает 'река', а *Баран*, *Барна* — 'волки', т. е. 'Волчья река' [4].

Современное название реки — *Барнаулка* — с русским суффиксом *-к(а)* появилось на картах лишь в начале XIX в. [5], чтобы избежать совпадения с названием города. Такое явление в топонимии Западной

Сибири в целом и Алтая в частности наблюдается повсеместно [6].

Литература: 1. Gmelin J. *Reise durch Sibirien...* Göttingen, 1751. S. 261. 2. Булыгин Ю. С. *Первые крестьяне на Алтае*. Барнаул, 1974. 3. *Атлас Российский, 1745*. 4. Дульзон А. П. *Кетские топонимы западной Сибири // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. 1959. Т. 18. С. 96*. 5. *Генеральная карта Азиатской России, 1825*. 6. Воробьева И. А. *Русская топонимия Алтая*. Томск, 1983.

И. А. Воробьева

БЕЛОЗЕРСК — один из самых древних городов России. Впервые он упоминается в Начальной летописи под 862 г.: «... князь... роздал мужем своим грады... Полотеск... Ростов... Белоозеро». С IX по XVIII в. город назывался по озеру — просто *Белоозеро*. В IX в. он находился на северном берегу озера, у современного села Троицкого, которое до XVI в. именовалось *Киснемой, Киснемским погостом*. В X в. город перенесли на южный берег Белого озера, к тому месту, где из озера вытекает р. Шексна. По предположению ученых, перенесение города было связано с естественным повышением уровня озерной воды.

Археологические раскопки, сделанные в 1949 г. сотрудниками Государственного Исторического музея, показали, что территория г. Белоозера шла вдоль р. Шексны. Поселение это было славянским, здесь не обнаружено никаких следов скандинавского влияния, хотя по варяжской легенде считается, что на Белоозере княжил один из трех братьев — Синеус. Местоположение у истока р. Шексны было выгодным: река соединяла этот край с Поволжьем, с Новгородом и Двинской землей. В торговый и ремесленный город Белоозеро приплывали даже заморские купцы. Здесь они сбывали свои товары, а взамен их покупали мягкую «рухлядь», т. е. меха. При раскопках в слоях XI—XII вв. обнаружены остатки деревянных мостовых. Такие мостовые в это время были только в Великом Новгороде. В Западной Европе они появились на 200—300 лет позднее.

Город первоначально, как и все западные и северо-западные земли, принадлежал Великому Новгороду.

ду. Но уже со второй половины XII в. Белоозеро входит в состав Ростово-Суздальской земли. Правда, с начала XIII в. и до конца 30-х гг. XIV в. Белозерье являлось самостоятельным удельным княжеством с центром — Белоозеро. Территория княжества охватывала весь бассейн Белого озера, течение р. Шексны и даже Кубенское озеро. Первый белозерский князь Глеб Василькович ходил в дальние походы, пытался укрупнить свой удел, даже овладевал Ростовом. Другой белозерский князь, Константин Иванович, в войне Новгорода с Москвой командовал новгородскими полками.

В середине XIV в., в 1352 г., моровая язва уничтожила почти все население г. Белоозера, и он в 1363—1364 гг. сменил свое местоположение, на этот раз его перенесли на 17 км к западу, сохранив прежнее название. Поскольку город и здесь имел удобное положение (через него торговые пути шли по Шексне на Волгу, а также по Шексне на Сухону и Северную Двину), то он быстро оправился и снова стал крупным торговым центром на севере Руси.

В 1388 г. Белозерское княжество с удельным городом Белоозером подчиняется Москве. Возможно, это было связано еще и с тем, что в Куликовской битве погибли все белозерские князья, т. е. собственная линия белозерских князей утасла, и ее сменила ветвь московского княжеского дома. По духовной грамоте князя Дмитрия Донского белозерские земли переходят в руки его сына — Андрея Дмитриевича, князя Можайского.

В последней четверти XV в. (1485) при великом князе Иване III Белозерское княжество уже окончательно утрачивает свою политическую самостоятельность и сливается с прочими владениями Московского государства. И уже в 1487 г. по указу Ивана III Белозерск, как северный московский форпост, укрепляется: был насыпан земляной вал высотой до 30 м, перед которым был выкопан глубокий ров. Поверх земляного вала была поставлена крепостная деревянная стена (ее высота достигала 30 м, а длина — 1,5 версты, т. е. более 1,5 км), с восьмью деревянными четырехгранными башнями, крытыми тесом. Две из них были

проезжими (воротными) и имели по три яруса, остальные, глухие, — по два. К воротным башням вели деревянные подъемные мосты. Эта крепость (с площадью в пределах земляного вала 19 га) получила название *Рубленого города*. В центре ее были поставлены дом воеводы, приказная изба, погреба с оружием, боеприпасами и продовольствием.

Вокруг Рубленого города разместились посады, где жили ремесленники, торговый и служивый люд.

С течением времени крепостная стена сильно обветшала и в XVIII в. (1758) была снесена, тогда же через ров был построен каменный трехпролетный арочный мост. Земляные валы сохранились до наших дней, но высота их уменьшилась до 18—20 м.

Белозерье и его центр — г. Белоозеро — к XV в. достигают своего расцвета. По данным Таможенной книги за 1497 г., сюда приезжают торговать «изо всея Московские земли, и из Тферские земли, и из Новгородские земли».

О значимости Белоозера в XVI в. говорит тот факт, что в нем было 19 церквей. Во второй половине XVII в. к ним прибавился Преображенский собор, возведенный в крепости «казною великого государя и подаением всяких людей».

Белозерский край очень пострадал от польско-литовского нашествия. После изгнания поляков из Москвы один крупный отряд их прорвался к Белоозерску, захватил и разграбил его. Не спасла город и построенная в середине XV в. мощная крепость. Из дошедшей до нас писцовой книги известно, что даже через 60 лет после нашествия польско-литовских интервентов многие дома Белоозерска оставались пустыми. Память о польско-литовских ворах жива еще и сейчас в деревнях близ Белоозерска.

Белозерцы издавна занимались рыбным промыслом. В старинном гербе города изображены две стерлядки, положенные крест-накрест. В Москву к государеву двору доставляли знаменитый белозерский снеток. Сейчас в Белоозерске есть судоремонтные мастерские, рыбный завод, маслозавод, хлебокомбинат, швейная фабрика. Через Белоозерск идет еще и лес.

Литература: 1. Бочаров Г. Н., Выголов В. П. *Вологда. Кириллов. ФерAPONTOBO, Белоозерск. М., 1979.* 2. Малков В. *По земле Во-*

логодской. Архангельск, 1972. 3. Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области. Архангельск, 1986.

З. С. Дерягина

БЕЛУХА — гора. Самая высокая вершина Южной Сибири в составе Катунского хребта Алтая. Она имеет две острые пирамиды, разделенные широким седлом. Восточная пирамида, более высокая, поднимается на 4506 м над уровнем моря. Обе вершины и седло Белухи покрыты снегом. В районе Белухи находится главный центр оледенения Алтая. Со склонов Белухи спускается шесть больших длинных ледников и более двадцати малых. Первые ледники Белухи открыл Ф. В. Геблер в 1835 г. Его именем назван один из открытых им ледников. Высоту многих горных вершин, включая Белуху, определил известный сибирский исследователь, профессор Томского университета В. В. Сапожников.

Свое название Белуха получила из-за своего снежного белого покрова. Оно произведено от слова *бел(ый)* помощью суффикса *-ух(а)*. Наличие топонимов с этим суффиксом отметил другой известный исследователь Сибири — Г. Н. Потанин: «Названия гор на Алтае часто оканчиваются на *-ух(а)* и основываются или на наружном виде их, или на господствующей растительности» [1]. Однако появились подобные топонимы на Алтае не ранее самого конца XVIII в. По картографическим материалам, только в начале XIX в. впервые стали фиксироваться названия гор с суффиксом *-ух(а)*: *Мохнатуха*, *Каменюха*, *Толстуха*, *Кремлюха*, *Мокруха*, *Воструха*, *Белуха*, *Козлуха*, *Щебенюха*.

Топоним *Белуха* не сразу утвердился как наиболее известное наименование этой горы. Так, П. А. Чихачев, предпринявший путешествие на Восточный Алтай в 1845 г., еще называет Белуху *Катунскими Столбами*, а Геблер дает два названия этой горы: *Белуха*, и *Катунские Столбы* [2]. Свое второе название (возможно, по времени появления и первое) эта гора получила от контура ее вершин. С южного склона одного из ледников берет начало известнейшая река Алтай — Катунь.

По предположению Т. В. Чернышовой, занимающейся изучением алтайской оронимии, названия гор с *-ух(а)* появились на Алтае в конце XVIII в. в связи с переселением на Алтай южнорусов: с одной стороны, возвратившихся в Россию, а затем переехавших в Сибирь из Стародубья и Польской ветки старообрядцев, а с другой — значительного числа переведенных на сибирские оборонительные линии донских казаков. Первоначально этот суффикс использовался в названиях рек, позднее перешел на формирование наименований гор [3].

У алтайцев гора Белуха имеет свои названия. Самое употребительное из них — *Кадын-Бажы* 'вершина Катуня'. Встречается в Южном Алтае и другое имя — *Музду-Туу* 'ледяная гора', а еще — *Уч-Айры* 'гора с тремя разветвлениями' [4]. Все эти названия также опираются на характерные признаки горы Белухи.

Л и т е р а т у р а: 1. Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сб. СПб., 1864. 2. Геблер Ф. В. Замечания о Катунских горах... // Горный журнал. СПб., 1836. Ч. 2. 3. Русская топонимия Алтая. Томск, 1983. 4. Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.

И. А. Воробьева

БИЙСК — город в Алтайском крае, районный центр, второй по величине после Барнаула (в 1977 г. — 212 тыс. жителей) и один из старейших городов Западной Сибири. Основан в 1709 г. в междуречье Бии и Катуня как крепость, защищающая границы русских владений в Западной Сибири от джунгарских ханов (Биекатунская крепость). Вскоре крепость была разрушена кочевниками и вновь была построена в 1718 г. в 18 км от прежней, на берегу реки Бии, где и находится в настоящее время г. Бийск. Вокруг крепости рос посад, возникали деревни. Бийская крепость оказалась на торговых путях в Монголию и Китай, имела благоприятные условия для земледелия и животноводства, поэтому быстро росло ее население, возникали ремесленные предприятия.

В 1782 г. Бийская крепость с возникшим поселком

была возведена в ранг окружного города Кольванской губернии, а в 1827 г. Бийск стал уездным городом Томской губернии. До 1917 г. Бийск представлял собой торгово-купеческий центр Алтая, где была сосредоточена вся торговля с Горным Алтаем и Монголией. С Бийска начинается Чуйский тракт, изысканиями которого руководил в мае 1913 г. известный писатель Вяч. Шишков. Это одна из важнейших автомобильных магистралей России.

Современный Бийск — крупный промышленный центр, развитие которого началось с небольших фабрик и заводиков, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, и мастерских, производящих примитивную металлообработку. Сейчас в Бийске крупнейший котельный завод, заводы «Продмаш», «Молмаш», «Электропечь», обувная и швейная фабрики, мяскокомбинат с мясоконсервным цехом, сахарный завод, льнокомбинат, витаминный завод, изготавливающий целебное масло из облепихи. Со времен Великой Отечественной войны широкую известность получила бийская махорочная фабрика.

Бийск выступает как культурный центр: в нем работает педагогический институт, несколько техникумов, имеется драматический театр. Хранителем истории города и края является Краеведческий музей им. В. В. Бианки (во время гражданской войны писатель находился в течение нескольких лет в Б., работал инструктором-краеведом в местном земстве, участвовал в работе Общества любителей природы и положил начало музею, названному позже его именем). В Б. родился писатель И. А. Мухачев (1896 — 1958), здесь же в автодорожном техникуме учился В. М. Шукшин, родина которого — Сростки — находится в 40 км от Б. Имя Шукшина присвоено старейшей Бийской центральной библиотеке.

Свое название город получил по р. Бие, на правом берегу которой он в основном и расположен. Сейчас город перешел и на левый берег, непосредственно подходя к сосновым борам. Правобережная и левобережная части города соединены железобетонным мостом.

Для объяснения названия реки существует множество легенд, подобных той, которую привел Н. М. Ядринцев: «Названия *Бия* и *Катунь* в переводе обозначают «господин» и «госпожа». Направление течения Бии и Катуня объясняют тем, что женщина и мужчина хотели посоперничать, кто кого перебежит. Катунь пробовала перебежать Бия, тогда оскорбленный мужчина Бий пересек ей дорогу». Эту легенду приводит и О. Т. Молчанова, рассматривая и другие объяснения,

в том числе и такое: *Бий* из самодийского *ба* 'река', с чем она согласиться не может, так как сходство между *Ба* и *Бий* обнаруживает только в одном согласном. Объяснение из южносамодийского слова со значением 'река' все же нельзя сбрасывать со счетов: во-первых, это район действительного проживания южносамодийских племен, о чем свидетельствуют исторические и топонимические факты; во-вторых, южносамодийское слово *ба* звучало у камасинцев как *бу*, а у моторов — *бы*, что уже ближе к *Бий*, *Бия*; в-третьих, русская адаптация односложных нерусских топонимов на гласный при переводе в женский род происходила с добавлением *-я*, о чем не раз говорил А. П. Дульзон (ср. *Чуя*, *Кия*, *Яя*, *Зея*). Южносамодийская трактовка хороша и с географо-топонимической точки зрения, ибо укладывается в уже известные топонимические законы.

О. Т. Молчанова нашла, что в негидальском языке, представителе северной группы тунгусо-маньчжурских языков, существует слово *бийа* 'река, ключ', не утверждая, что это имеет прямое отношение к этимологии алтайского гидронима. Поэтому этимология гидронима *Бия* еще нуждается в уточнении и проверке.

Л и т е р а т у р а: Молчанова О. Т. *Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.*

И. А. Воробьева

БОЖЕНКА — деревня в Бежецком р-не Тверской обл. вблизи р. Сити. Не исключено, что свое название получила по «боженке», «божнице». Одна из местных легенд повествует, что битва воинов владимирского князя Юрия Всеволодовича с татаро-монголами на Сити в 1238 г. происходила именно у деревни Боженки и что якобы на этом месте была установлена икона, «боженка». С этим и связывают название деревни. Или еще с тем, что будто бы на этом месте Батый «побожился» (дал зарок) «больше на Сить не ходить».

Л и т е р а т у р а: Гациский А. С. *О месте битвы на берегах реки Сити // Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. I. Н. Новгород, 1888; Русинов Н. Д. Углич — древнейший русский город на*

берегах Волги // Материальная и духовная культура феодальной России: Межевзювский сб. Горький, 1990.

Н. Д. Русинов

БОЛЬШОЙ КИТЕЖ — легендарный город, якобы опустившийся на дно озера Светлояра, чтобы не быть захваченным войсками хана Батыея (см. *Китеж*).

Н. Д. Русинов

БРАТСК, как и многие другие сибирские города, возник в эпоху освоения Сибири русскими землепроходцами, но тогда он назывался иначе — *Братский острог*. В XVII в. земли по обе стороны Байкала русские называли «Брацкой землей», а бурятские племена, населявшие эту территорию, — «брацкими людьми» (перед нами переосмысление слов *буряты* — *бра-ты*, *бурятский* — *братский*).

До постройки Братского острога известно несколько неудачных походов русских казаков в долину р. Ангары. Все они совершались из Енисейского острога, построенного еще в начале XVII в. Путь этот шел до р. Илима, а оттуда посуху — в «Брацкую землю», но по самой Ангаре русские не сразу добрались до того места, где был позже поставлен Братский острог: мешали очень большие пороги. Строительство военной крепости в «Брацкой земле» в 1631 г. свидетельствовало о том, что енисейские казаки окончательно здесь укрепились. Причем они не столько собирали ясак с местного населения (в основном в виде пушнины), сколько осваивали новые земли. Исследователь Сибири А. П. Окладников пишет, что «в экономическом отношении Сибирь не была для России такой заморской колонией, как американские владения для Англии или Испании. Русская колонизация была не узкоколониальной, рассчитанной только на ограбление коренного населения и безжалостное расширение природных богатств, а аграрной в своей основе... Крестьянин строил деревни и города, рубил высокие стены острогов, заводил пашню...».

До наших дней дошли довольно противоречивые сведения о том, на каком месте стоял Братский острог. По одним сведениям, в 1631 г. острог был зало-

жен «на половину пути далее при большом пороге Падуне». В 1646 г. он был уже перенесен на восточный (правый) берег Ангары, а в 1654 г. его вновь передвинули — теперь уже на левый берег Оки (притока Ангары), где он и стоял до своего затопления в 1955 г. водами Братского водохранилища.

Братский острог представлял собою деревянную крепость. Место постройки было выбрано удачно — на холме, с широким обзором на Ангару и на Оку. Острог стоял примерно в 60 м от устья Оки. Главный вход в него был в крепостной стене со стороны реки, так что к острогу было удобно подплывать на лодке. Местные историки отмечают, что он был поставлен в юго-западном направлении и не был ориентирован по сторонам света.

В 1927 г. в центре тогда еще села Братска можно было видеть две почерневшие, покосившиеся угловые башни Братского острога. Они были тщательно обследованы, и есть их подробное описание:

«Башни сложены из бревен толщиной 22 — 24 см, нижняя часть башен состоит из 20 венцов, а верхняя (более низкая, выступающая) — из пяти венцов. В пазах между бревнами — мох. Срублены башни «с остатком». Концы выступают сантиметров на 25, а там, где эти выступающие концы образуют кронштейн, на котором лежит более низкая верхняя часть башни, они выступают почти на полметра. Между башнями есть разница в некоторых деталях постройки. Расстояние между башнями — около 54,5 м, а общая длина юго-западной стены, включая протяженность двух башен, равна 66,3 м. Размеры башен: длина сторон у первой — 5,96 м, у второй — 5,87 м, высота первой — 6,85 м (до конца крыши), второй — 4,4 м до облома, а стенки облома — 1,3 м. В башне два этажа: нижний — 2,75 м, верхний (до крыши) — 3,75 м. Потолка в верхнем этаже нет, видны стропила. Там, где верхняя часть башни образует выступ, на кронштейне лежат по два бревна (во второй башне) и по одному (в первой). Между ними и стеной башни — щель примерно 15 см. В нее лили горячую смолу и стреляли при приближении неприятеля. Таким образом, более широкий верх башен имеет оборонительное назначение.

Бойницы в верхнем этаже — это небольшие квадратные окошечки в 15 — 18 см, в наружных стенах башен — их по три в каждой стене и по одной в стенах, выходящих внутрь острога. От пола верхнего этажа эти бойницы невысоко, т. е. стреляли, стоя на коленях.

В нижнем этаже прорезаны большие бойницы (40×22 см), по одной с каждой стороны. Видимо, они предназначались для пушек, так как расположены в 75 см от пола и довольно велики. С внутренней стороны они задвигались ставнями и припирались. По своей конструкции эти бойницы напоминают волоковые окна в современных таежных зимовьях. Окон в башне нет. Пол — земляной.

Крыши башен довольно плоские, «колпаком», образованы из восьми соединяющихся в конце балок, а две горизонтальные балки лежат вместо потолка. Крыша покрыта в два ряда тесин, причем верхние тесины вырезаны в виде копий и имеют свес в 36 см. Элемент украшения башен только в этих концах-копьях и в резном столбике-шпиле на крыше».

Есть еще несколько описаний Братского острога. Вот дневниковые записи Н. Спафария, проезжавшего с посольством в 1675 г. через Сибирь в Китай: «А острог стоит на ровном месте. А в острогу церковь во имя Пресвятой Богородицы Владимирской. А жилых дворов казачьих с 20. Да под острогом течет река Ока. А вытекла из степи, а по ней живут пашенные крестьяне и братья». На чертежах-рисунках Семена Ремезова, сделанных в 1701 г., Братский острог представляет собой крепость в виде квадрата, с четырьмя угловыми башнями, с тыновой оградой и проезжими воротами. За тыном изображен небольшой посад, отдельно стоят юрты бурят. Семен Ремезов отмечает еще острожскую церковь и Спасский монастырь, расположенный неподалеку от крепости.

К середине XVIII в. острог утрачивает свое основное назначение и становится административным центром селения: здесь располагаются казенные учреждения, живет приказчик. Еще позже, к 40-м гг. XIX в., территория острога превращается в погост, и лишь сохранившиеся две угловые башни напоминают о крепости. Кроме деревянной острожской церкви на погосте стояла еще колокольня, перестроенная в XVIII в. из проездных ворот острога.

Село Братск (или Братское) с погостом на месте старого острога только в 40-х гг. нашего века получает статус города. В 1955 г. Братск в связи с затоплением этой территории водами Братского водохранилища был перенесен со своего старого места к северу. За последние 35 лет его население увеличилось в 5 раз (с 43 тыс. в 1959 г. до 258 тыс. в 1990 г.).

Сейчас Братск — это и город, и порт на берегу Братского водохранилища, и железнодорожная станция на линии Тайшет-Лена. Он представляет собой крупный промышленный, культурный и научный центр Иркутской области.

Л и т е р а т у р а : 1. Миллер Г. Ф. *История Сибири. Т. II. М., Л., 1941.* 2. Михайловская А. И. *Братский острог. Иркутск, 1928.* 3. Никонов В. А. *Краткий топонимический словарь. М., 1966.*

З. С. Дерягина

БУЯН — мифотопоним русского фольклора — мифический остров, обычно расположен на море Окиане. Известны формы мифотопонима: *Буелан, Буюевой* остров, может называться также *Божий, Курган, бел.* Этимологически название сближается с диал. *буян* 'высокое место, горка' из древнего *буй* 'гора, холм, высокое открытое место'. Ср. также др.-рус. *боуи* 'кладбище'; псков. *буй*; арх. *буево*; олонек. *буево, буюева, буюа*; твер., олонек. *буйвище* со значениями 'погост, огороженное место у церкви, кладбище', хотя, по Б. А. Ларину, это поздний эвфемизм.

В XIX в. представители мифологической школы (А. Н. Афанасьев) считали Б. метафорой весеннего неба, плавающего в воздушном океане, раем, островом вечного лета, местом пребывания усопших праведников. Н. И. Барсов видел в Б. остров свободной любви. Уже в XX в. В. Мансикка выводил название Б. из *буй* (морской термин), связывая это с известной символизацией церкви в виде корабля. Б. сближали с о. Березань в устье Днепро-Бутского лимана (М. Болтенко) и с о. Руян (*Ругия*, позднее нем. *Рюген*), древним религиозным центром балтийских славян (В. Б. Вилинбахов), но этимологически подобные параллели не доказаны, а сама возможность существования реального прототипа Б. представляется сомнительной.

В реализовавшейся в фольклорных текстах традиционной модели пространства как ряда концентрических кругов с возрастающей сакральностью Б. — последний круг перед центром (предыдущие — сине море Окиан, чисто поле). Б. соотносится с потусторонним миром, путь куда, по народным представлениям, лежит через водное пространство. В сказке на Б. «стоит бык печеный, возле него лук толченый», остров может служить ареной сказочного действия. В заговорах на Б. обычно находятся волшебные «помощники» — Христос, Богородица, святые, бесы, змеи, мертвецы и др., — способствующие достижению цели за-

говора. На нем же, в точке максимальной сакрально-сти, могут находиться бел горяч камень *Алатырь*, церковь, дом, дуб, столб, соотносимые с образом мирового древа, а также гробница с «помощниками», три кузницы, где куют бесы, меч-кладенец и многое другое. Само название Б. в народной магии выполняет, очевидно, функцию истинного (тайного) имени, открывающего произносящему заговор дорогу в мир иной.

А. С. Пушкин упоминает Б. в «Сказке о царе Салтане».

Л и т е р а т у р а: 1. Афанасьев А. Н. Языческие предания об острове Буяне // *Временник Общества истории и древностей Российских*. Кн. 9. М., 1851. 2. Он же. *Поэтические воззрения славян на природу*. Т. 2. М., 1868. С. 131—142. 3. Барсов Н. И. *К литературе об историческом значении русских народных заклинаний* // *Русская старина*. 1893. № 1. 4. Болтенко М. Ф. *Стародавня руська Березань* // *Археологія*. Київ, 1947. 5. Вилинбахов В. Б. *Топонимика и некоторые вопросы истории древней Руси* // *Всероссийская конф. по топонимике СССР*. 1965. Тезисы докл. и сообщ. Л., 1965. 6. Он же. *Тайна острова Буяна* // *Наука и религия*. 1967. № 9. 7. Кондратьева Т. Н. *Собственные имена в русском эпосе*. Казань, 1967. 8. Горбаневский М. В. «Мимо острова Буяна...» // *Русская речь*. 1987. № 6. 9. Mansikka V. J. *Über russische Zauberformeln*. Helsingfors, 1909.

А. В. Юдин

В

ВАХОВСК — поселок (с 1965 г.) Нижневартовского р-на Тюменской обл., Ваховское нефтяное месторождение; поселок назван по р. Вах, правому притоку р. Оби (длина Ваха — 964 км, площадь бассейна — 76,7 тыс. кв. км), фиксируется на русских картах с 1672 г. Этимон онима соотносится с обско-горским апеллятивом *ах/ях/ахт* 'протока', осложненным протетическим *в* в процессе русской адаптации, т. е. появлением добавочного звука в абсолютном начале слова.

Н. К. Фролов

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ — город в Псковской обл., на реке Ловать. Самое первое упоминание о В. Л. мы находим в Новгородской первой летописи под 1166 г.: «Въ то же лето на зиму приде Ростиславъ ис Кыева на Луки, и позва новгородьце на порядь: огнищане, гридь, купце вячьшее...» Но город был основан значительно раньше, так как находился на великом водном пути «из варяг в греки». Он был построен в излучине, по-местному, *в лукé (в луках)* р. Ловати и назывался просто *Луки (Луки)*. Некоторые местные историки считают, что первоначально город был поставлен там, где сейчас находится Городище. Как и многие другие древнерусские города, его окружали посад и слободы. Об этом расположении есть такие свидетельства, относящиеся к XII в.: «... пожгли хоромы, а лучане устереглись и спаслись в городе». Позже город был перенесен на несколько километров ниже по течению реки. Ловать именно здесь делает совершенно необычайные излучины, во многих местах как бы поворачивает в обратном направлении.

С самого начала своего существования Великие Луки чисто географически оказались на стыке между Новгородским, Псковским и Полоцким княжествами, и поэтому город был постоянно втянут в междоусобную княжескую борьбу, часто разорялся, горел, но потом вновь возрождался, сохраняя при этом свое имя.

Со второй половины XI в. (и в течение XII — XV вв.) город подчинялся Новгороду, правда, был при этом на особом положении: не входил ни в одну из пяти новгородских административных единиц — «пятин» и новгородский князь или присылал в Луки своего посадника, или назначал особого князя. Такое положение Великих Лук, надо полагать, было связано именно с тем, что с конца XII в. междоусобная борьба русских князей сменяется борьбой против общего внешнего врага — литовцев. И г. Великие Луки был, как отмечено в летописи, «от Литвы оплечье Новугоруду».

К середине XV в. Великие Луки находились уже под двойной властью. Об этом свидетельствует догворная грамота литовского великого князя Казимира,

относящаяся примерно к 1441 — 1443 гг.: «... а на Луках наш тиун, а ваш други: суд им напол» (древнерусское *напол* означало «пополам»), т. е. в Великих Луках в это время было совместное управление новгородского и литовского тиунов, действовали совместные закон и суд, но в летописях нет точного указания на то, когда же началось такое управление городом.

В конце 70-х гг. XV в. Новгород теряет свою самостоятельность, земли его входят в состав Московского государства. Великие Луки стали образно называть «предсердием Москвы», так как отсюда начинался прямой путь к великороссийской столице и его следовало держать на замке. И роль сторожевого западного пункта Российского государства отводилась Великим Лукам. Именно поэтому город укрепляется: в 1493 г. «повелением великого князя Ивана Васильевича поставлен град древян на Луках на Великих на старой основе».

И в это время город становится центром Великолуцкой (по старому написанию — Великолуцкой) волости. В нее, судя по духовной грамоте великого князя Ивана Васильевича (Ивана III) от 1504 г., входили не только те земли, которые не подпадали под влияние Литвы, но и те, которые в начале XVI в. вернулись в русское княжение: Пуповичи, Часпла, Коротай, Дубно, Кошма.

Собирание русских земель на западных границах продолжил сын Ивана III — Василий III. В годы его правления и позже положение Великих Лук и великолучан было непростым: они кормили огромное количество войск, несли воинскую повинность, а также содержали в надлежащем виде крепостные сооружения.

К середине XVI в. Великие Луки превосходили Вильну (современный Вильнюс) более чем вдвое. В городе было 40 церквей и свыше 5 тыс. домов. Но в сентябре 1580 г. этот город был полностью разрушен: войска Стефана Батория взяли его штурмом, разграбили и сожгли.

«Украинный» город Великие Луки привлекал внимание иноземцев во все времена прежде всего тем,

что занимал очень удачное в стратегическом отношении место. Именно поэтому по приказу Стефана Батория уже через месяц на месте русской крепости была поставлена польско-литовская крепость. И только в 1583 г. Великие Луки и некоторые другие русские города были вновь возвращены Российскому государству.

В начале XVII в. на Великие Луки распространялась власть то Лжедмитрия I, то Лжедмитрия II, потом — царя Василия Шуйского, а после этого почти 10 лет город был под властью польских отрядов. При царе Михаиле Федоровиче, когда город перешел в ведение Пушкарского приказа, его основным населением были только стрельцы со своими семьями. Правда, были попытки собрать лучан из окрестных городов «на вечное житье на Луки по старым печищам», но в течение всего XVII века, как считают местные историки, в городе не насчитывалось и 200 тягловых хозяйств. Стрельцы не только несли военную службу, они разводили огороды и сады, занимались ремеслом. Постепенно в городе снова возрождаются традиционные виды промыслов — кузнечный, сапожный, кожевенный, судостроительный.

Великолукская крепость, восстановленная уральскими казаками в 1619 г., имела 11 башен, две из которых были проездными, остальные — глухими; длина ее рубленых стен составляла 528 сажень. Во время Северной войны, когда Великие Луки вновь стали военным щитом на северо-западе России, в 1704 г., по приказу Петра I крепость была укреплена. Руководил этими работами известный русский математик Леонтий Магницкий; по его плану в крепости было возведено 6 бастионов, а высота крепостного вала доведена до 10 сажень.

После того как армия Карла XII была разбита под Полтавой и военные действия переместились от границ России, Великие Луки стали крупной тыловой базой русской армии. В 1724 г. в Великих Луках была построена речная пристань, и это непосредственно сказалось на развитии торговли: город вновь стал крупным торговым центром, но теперь он имел выход еще и к Балтийскому морю. По Ловати, озеру Иль-

мень, Волхову, Ладожскому озеру и Неве шли в Санкт-Петербург такие товары, как лен, пенька, хлеб, масло, кожа, мед...

В XVIII в. город делился на две части (естественной границей была р. Ловать): *крепость*, где располагались военный гарнизон и административные учреждения, и *посад*, который представлял собою торгово-промышленное предместье. По-местному, две эти стороны называли *Торговой* и *Городовой*. Кстати, подобное расположение частей города было и в Новгороде — *Торговая* (на Ярославле дворе) и по другую сторону Волхова — *Софийская*.

Во время войны 1812 г. Великие Луки снова становятся крупной тыловой базой: здесь размещаются склады провианта и военного снаряжения тех частей русской армии, которые прикрывали подступы к Пскову и Петербургу. Французские войска стояли всего лишь в 7 — 10 км от города (сохранились остатки их полевых укреплений). В городе формировались части народного ополчения, прибывающие из Петербургской и Новгородской губерний. Также был создан свой отряд из горожан-ополченцев, который вел борьбу с французами, рыскавшими по окрестным деревням в поисках провианта и фуража.

В начале следующего столетия (и в годы первой мировой войны, и в годы иностранной интервенции) Великие Луки вновь становятся прифронтовым городом и несут все тяготы военного времени. Резко сократилось количество предприятий и кустарных мастерских: из 22 таких предприятий 11 бездействовало до 1925 г.

Особенно тяжелой для Великих Лук была Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг. Город был подвергнут бомбежке через десять дней после начала войны, а 17 июля 1941 г. был оставлен нашими войсками. Правда, его удалось освободить штурмом 21 июля, и только через месяц (25 августа) он был оккупирован немцами. Дата освобождения Великих Лук — 16 января 1943 г. В это время был ликвидирован великолукский плацдарм, который немцы укрепляли 11 месяцев. Поскольку город оказался в прифронтовой

полосе, он был на военном положении до осени 1943 г.

Современные Великие Луки — это абсолютно новый город, построенный в послевоенное время. От старого уездного города не сохранилось ни одного здания. И лишь валы земляной крепости являются единственным памятником старины.

В истории России Великим Лукам выпала особая роль — роль города-воина, города-щита, которую они выполняли на протяжении более чем восьми веков.

Литература: 1. Великие Луки: Исторический очерк. Л., 1976. 2. Мошин А. Н. Легенды Великих Лук. Псков, 1915. 3. Семевский М. И. Историко-этнографические заметки о Великих Луках и Великолуцком уезде. СПб., 1857.

З. С. Дерягина

ВОРКУТА — город в Коми Республике, население около 120 тыс. Расположен на р. Воркуте (ненец. *Варкутаяха*, коми *Варкота*) длиной 162 км, правом притоке р. Усы. Название реки упомянуто И. Лепехиным в 1772 г. Поселение возникло в 1931 г. Воркута — заполярный центр угледобывающей промышленности; есть ремонтно-механический, цементный, деревообрабатывающий заводы, два театра.

Название связано с ненец. *варк* 'медведь', *варкутаяха* буквально 'изобилующая медведями река'. Современная русская огласовка названия обусловлена влиянием коми языка.

Н. К. Фролов

Г

ГОРОДЕЦ РАДИЛОВ — летописное название Городца на Волге. Город основан по повелению Юрия Долгорукого, вероятнее всего, между 1152 и 1157 гг. в связи с потерей этим князем своего последнего оплота в Южной Руси — Городца Встерского (Остерского) и необходимостью защищать территорию Северо-Вос-

точной Руси от набегов волжско-камских болгар. Зимой 1237 — 1238 г. Городец Радилов был разрушен татарами-монголами Батыею, но позднее возродился. В городецком Китежском летописце по списку начала XVIII в. указано легендарное время основания Городца Радилова — 1164 г и второе легендарное же название этого города — Малый Китеж: «Князь Георгий Всеволодович... в лето 6672 [т. е. 1164] поеха из Ростова... по Волге и приста к берегу в Малый Китеж и построи его». Причем слово *Китеж* в разных вариантах названной летописи передано по-разному: *Китеж, Китеш, Кидеж, Кидаш*. Остатки земляной крепости в Городце именовались *Малый Китеж* на памяти современных городецких старожилов.

Название *Городец* с суффиксом *-ец* для Городца на Волге, вероятно, вторично по сравнению с бессуффиксным *город*, так как прилагательное на *-ыск >-ск/-еск* от названия этого города в прошлом, судя по памятникам письменности, употреблялось без *-ыц >-ец*. Например, в Лаврентьевской летописи читаем: «при епископе Дионисье суздальском, новгородском и городском». Вероятно, топоним *Городец* в роли названия Городца на Волге приобрел суффикс *-ец* в связи с тем, что после основания в 1221 г. Новгорода ниже по Волге утратил свое первоначальное военное и административно-хозяйственное значение.

Уточнение названия *Городец на Волге* притяжательным прилагательным *Радилов* (от собственного личного имени *Радио* или *Радила*), вероятно, указывает на воеводу, наместника или иное доверенное лицо Юрия Долгорукого. Распространенное мнение, будто Радилов в составе Городец Радилов образовано от древнего названия Волги (*Ра*), несостоятельно. Во-первых, *Ра* не славянское имя и возникло, как и мордовское обозначение Волги *Раво, Рава* или *Рав*, из индоиранского первоисточника. Ср.: древнеиндийское *срава* 'течение', древнеиндийское же *раса* и древнеиранское *ранха* — собственное название большой реки на степной причерноморско-прикаспийской прародине ариев (предков индоиранских народов). Во-вторых, ни из *Ра*, ни из *Раво, Рава* или *Рав* (если допустить, что их восприняли и когда-то ис-

пользовали восточные славяне) невозможно вывести притяжательное прилагательное *Радилов*. Оно — явно из собственного личного имени *Радило*, *Радила* или *Ради* (с корнем *рад-*, как в словах *радость* или *радеть*). Название Городца на Волге *Малый Китеж* связано с противопоставлением его легендарному Большому Китежу (см. *Китеж*).

Литература: 1. Комарович В. Л. *Китежская легенда*. М., 1936. 2. Трубе Л. Л. *Как возникли географические названия Горьковской обл. Горький, 1962.*

Н. Д. Русинов

ГРЕБЕШОК — гора справа от устья р. Оки в пределах Нижнего Новгорода, имеет высоту около 80 м, получила свое название, вероятно, по былому сходству своей вершины с петушиным гребнем и почитанию петуха как вещи птицы, унаследованному предками современных нижегородцев с дохристианских времен. Когда-то на вершине этой горы, до ее застройки жилыми и хозяйственными зданиями в XVII в., нижегородцы устраивали ритуальные игры в честь языческого бога Ярилы, объединенного с христианским Иоанном Крестителем, и сама гора именовалась Яриловой или Ярилиной (см. *Ярило*). Но теперь это название забыто. Сходство вершины горы с петушиным гребнем давно нарушено оползнями и застройкой.

Литература: 1. Гапский А. С. *Нижегородка: Путеводитель по Нижнему Новгороду*. Н. Новгород, 1877. 2. Храмовский Н. *Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода*. Н. Новгород, 1859. Т. 2.

Н. Д. Русинов

ГРЕМЯЧАЯ ГОРА — одна из *Дятловых гор* в пределах Нижнего Новгорода (см.) возвышается рядом с *Гребешком* (см.) правее его (если смотреть на берега Оки и Волги с Дятловых гор). Гремячая гора получила свое наименование по ключу, который когда-то с шумом бил у ее подножия из-под земли и образовывал Гремячий ручей (сейчас заключен в трубы). По мнению П. И. Мельникова-Печерского, на Гремячей

горе когда-то располагался *Старый Нижний Новгород*, в дальнейшем разрушенный оползнем и бесследно исчезнувший. Эта гипотеза проверке не поддается.

Л и т е р а т у р а: 1. Мельников-Печерский П. И. *О Старом и Новом городе в Нижнем Новгороде // Труды археологического съезда Казани. Т. 1. Казань, 1884.* 2. Храпцовский Н. *Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Т. 2. Н. Новгород, 1859.*

Н. Д. Русинов

ГРЕХОВ РУЧЕЙ протекает в нескольких километрах на юго-запад от г. Углича, впадает в р. Волгу. В начальные века нашей эры здесь обитали меряне, оставив в память о себе городище с археологической культурой дьяковского типа. Пришедшие на смену мерянам славяне создали около Грехова ручья новую культуру с земледельческими поселениями, раннехристианскими погребениями на курганном кладбище, с Никольским монастырем, с кузницами и т. п. С незапамятных времен Грехов ручей — излюбленное место отдыха и гуляний угличан. Чуть не до конца XIX в. они здесь устраивали так называемые русавы — девичьи ритуальные праздники, восходящие к языческим игрищам. В силу всего этого местность возле Грехова ручья овеяна разными легендами.

Наиболее любопытная и популярная из них связана с «убиением» в Угличе в 1591 г. последнего сына царя Ивана Грозного — царевича Димитрия. Как известно, этот малолетний царевич с матерью и ее родственниками — боярами Нагими — был при царе Федоре Ивановиче по настоянию его шурина Бориса Годунова сослан в Углич и, по одной из вероятных версий, здесь зарезан приспешниками Бориса Годунова. Легенда повествует: когда убийцы царевича М. Битяговский, О. Волохов, М. Качалов и Д. Третьяков, совершив свое черное дело, захватили лошадей в дворцовых конюшнях Угличского кремля и помчались прочь из Углича к Москве, то возле ручья, тогда Греховым еще не называвшегося, внезапно, по Божьей воле, ослепли, были настигнуты угличанами и уничтожены. За грех убийства царевича Димитрия беглецами и за грех самовольной расправы с ними угличан ручей якобы и стали именовать *Греховым*.

Эта легенда, однако, не соответствует истине. Во-первых, из материалов комиссии Василия Шуйского о расследовании причин гибели царевича Дмитрия ясно, что все приспешники Бориса Годунова, представленные к Нагим, были убиты разгневанной толпой угличан не у Грехова ручья, а в Угличском кремле. Во-вторых, имеются косвенные письменные свидетельства, что Грехов ручей именовался так и до угличской трагедии 1591 г.: Никольский монастырь за Греховым ручьем назван *Грехозаручный* (видимо, из *Грехозаручейный*) в грамоте великого московского князя Василия Ивановича угличскому Покровскому монастырю от 1534 г., а одна из деревень поблизости от Никольского монастыря названа *Грехово* в грамоте угличского князя Андрея Большого Горя угличскому Покровскому монастырю от второй половины XV в.

Л и т е р а т у р а: 1. Клейн В. Дело разыскное 1591 г. про убийство царевича Дмитрия Ивановича в Угличе: Публикация текста. М., 1913. 2. Русинов Н. Д. Грехов ручей // Русская речь. 1984. № 1.

Н. Д. Русинов

Д

ДИВА — мифологическое название, неясное по происхождению слова и функциям обозначаемого персонажа; встречается в перечне древнерусских божеств в так называемом «Слове св. Григория, изобретенном в толковании о том, как язычники поклонялись идолам...». Фиксируется в форме дат. пад. ед. ч. — *дивѣ*. Научная трактовка названия Д. противоречива. Поиск его истоков приводит ученых к и.-е. *deiços 'бог', которое затем предположительно было вытеснено иранской инновацией *bagā* 'бог' и приобрело значение 'демон, злой дух'. В этом смысле Д. отождествляется с *дивом* из цикла др.-рус. воинских повестей как его женская ипостась. Это ведет к тому, что анализ сосредоточивается на названии *див*, а форма Д. оказывается на периферии научного внимания,

поскольку считается вторичной. Настораживает то, что содержания воинских повестей и церковно-учительного «Слова св. Григория...» довольно разные и не обнаруживают более или менее определенной семантической общности *дива* и *Д.*

«Слово св. Григория...» позволяет предположить, что *Д.* — это ранняя фиксация русской северо-западной диалектной формы от слова *дѣва* 'девица, девушка'. Византийский протограф памятника был, судя по всему, идеологическим манифестом в пользу праздника Рождества Христова, что обусловило его яркую направленность против античных культов богини-матери (см. *Род*). Среди таких богинь названы Афродита и Артемида (последняя общеизвестна как богиня-дева). В др.-рус. переводе памятника книжник-русич утверждает, что «тем же богам требу кладут и творят и словенский язык: вилам и Мокошьи, Дивѣ, Перуну, Хорсу, роду и рожаницам, упырям и берегыням и Переплуту» (цитируется в стилизованной форме). Далее говорится о Гекате и Мокоши: жертвенной кровью «мажут Екадью богиню сию же дѣву вменяют и Мокошь чтут».

Итак, контекст вполне подходящий, чтобы эпитетом *дева* поставить Мокошь на уровень эллинских богинь-дев (что само по себе еще ничего не говорит о действительном языческом образе Мокоши). Корневой звук [и] в названии *Д.* закономерно в таком случае объясняется чередованием с [ě] (=ĕ) в позиции между мягкими согласными. Эта диалектная черта известна в некоторых новгородских говорах; именно в Новгородской Софийской библиотеке и была обнаружена рукопись XV в., где помещается один из списков «Слова св. Григория...». Таким образом, есть предпосылки считать название *Дива* квазитеонимом (см.: *Теонимия древнерусская*).

Н. И. Зубов

ДИВНАЯ ГОРА — село в 8,5 км к юго-востоку от г. Углича на высокой живописной крутой горе у р. Воржехоти. Село получило свое название по горе, а она была переименована в *Дивную* из *Кобыльей* по распоряжению ростовского митрополита Ионы Сысо-

евича, бывшего ранее архимандритом угличского Воскресенского монастыря. Этот митрополит, хорошо зная угличские окрестности, повелел на р. Воржехоти основать монастырь-пустынь и, когда узнал, что избранное для нее место «неприлично» зовется Кобыльей горой, предписал впредь именовать его Дивной горой. Судя по Угличским писцовым книгам 1627 — 1632 гг., в начале XVII в. на Кобыльей горе был погост с церковью во имя святых Флора и Лавра. И это не случайно. Ведь русский народ считал этих святых покровителями лошадей, а угличане именно на Кобылью гору, даже и после того как она стала Дивной, еще в XIX в., раз в год, на день Флора и Лавра, сгоняли лошадей для окропления их святой водой. Отсюда и название горы — *Кобылья*. Несомненно, что оно указывает на место угличских языческих ритуалов дохристианского прошлого

Л и т е р а т у р а: 1. Русинов Н. Д. *Лингвистический очерк истории средневековой культуры в Угличском Верхневолжье*. Горький, 1988 (депонировано в ИНИОН АН СССР, № 37964. 1989, 19 мая). 2. Соловьев Л. Ф. *Краткая история города Углича*. СПб., 1895.

Н. Д. Русинов

ДИОНИСИЙ — религиозный и культурно-политический деятель Нижегородского Поволжья XIV в. Родился, вероятно, где-то в киевских местах около 1300 г.; в Киево-Печерском монастыре постригся в монахи; около 1330 г. основал в Нижнем Новгороде Вознесенский Печерский монастырь и был первым его архимандритом, в 1374 г. стал епископом, а с 1382 г. архиепископом Нижегородской, Городецкой и Суздальской епархии. Дионисий принимал активное участие в укреплении культурно-политических позиций своей епархии и вместе с тем нижегородского великого княжества. В частности, он благословил создание Лаврентьевской летописи на базе летописного свода 1305 г., не исключено, что был ее редактором и, может быть, переписал ее начальную, уставную часть. Московский летописный свод конца XV в. характеризует Дионисия как «мужа тиха, мудра, изячна в божественном писании, сказителя книгам». Из сочинений

Дионисия до нас дошла его «Уставная грамота Снетогорскому монастырю».

В последние годы своей жизни Дионисий включился в борьбу за московский митрополичий престол: в 1378 г. выступал против поставления на этот престол Михаила-Митяя, в 1383 — 1384 гг. добился в Константинополе своего поставления, но не был допущен на московскую митрополию киевским князем Володимером Ольгердовичем и умер в 1385 г. узником в Киеве, не добравшись до Москвы. Похоронен в Киево-Печерском монастыре.

Литература: 1. Карамзин Н. М. *История государства Российского*. Т. 5. СПб., 1889. 2. Макарий. *Святой Дионисий — архиепископ Суздальский, основатель нижегородского Печерского монастыря*. Н. Новгород, 1864.

Н. Д. Русинов

ДУДИНКА — город (с 1951 г.), расположен на р. Дудинка в устье р. Енисей; основан в 1667 г. как пункт для скупки мехов у ненцев; центр Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа, морской порт, ж-д. станция, аэропорт г. Норильска.

Название восходит к ненецкому словосложению *Тутин*, где *ту* 'огонь', *тин* 'амбар', вначале имело значение 'склад, где хранились пороховые и другие запасы'.

Н. К. Фролов

ДЫЙ — др.-рус. передача имени Зевс. Теоним Д. отражает основу косвенных падежей: ср. *Ζεύς, Διός*. Подтверждается достаточно большим числом примеров: «... иды суть дни въ низъ Римляне богу Дию жертву приношаху...», «... яко же они равно Богу уподобляху Аполлона и Діа»; «нарицаху же Варнаву Дию, а Паула Еремию». Показательны и параллельные места: одно из др.-рус. поучений против язычества упоминает *дыево служение*, а в византийском протооригинале этому месту соответствует фраза «Ὁ Διὸς ταῦτα γοναὶ καὶ κλοπαί...». В летописной вставке-переводе из хроники Иоанна Малалы называются «времена Пика и Дыя», чему соответствует место из византийского протографа: τοῦ Πίκου Διὸς χρονοίς.

В некоторых трактовках Д. рассматривается как одно из верховных славянских божеств, что не подтверждается источниками. В более осторожных оценках имя Д. истолковывается как результат ассоциации др.-рус. *див* и гр. Διός на базе и.-е. общности *deiuos 'бог' (ср. др.-инд. *Dyāus* 'сияющее небо, день'). В этом случае предполагается, что имя Д. может оказаться результатом искажения другой его формы — *див*. В свете довольно однозначной ориентации имени Д. на византийские источники, проблематичности происхождения слав. *dīvь 'демон, злой дух' через стадию *dīvь 'бог' и при отсутствии общих контекстов сближать имя Д. и название *див* как осознаваемое русичами единство довольно трудно.

Н. И. Зубов

Е

ЕКАТЕРИНОДАР — современный центральный город Краснодарского края, основан 200 лет назад. 30 июня 1792 г. Екатерина II подписала указ о переселении Черноморского войска на порубежную тогда реку Кубань. Вместе с указом войско получило жалованную грамоту: «... Мы, желая воздать заслугам войска Черноморского... пожаловали оному в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанаторию со всею землею, лежащею на правой стороне реки Кубани от устья ее к Усть-Лабинскому реду так, чтобы с одной стороны река Кубань, а с другой же — Азовское море до Ейского городка служили границею войсковой земли...»

Территория, отведенная для казачьих поселений, была «даром Екатерины», отсюда и название «войскового града» черноморских казаков — Екатеринодар. В конце XIX в. в центре города был поставлен прекрасный памятник Екатерине II работы скульптора М. О. Микешина.

Число казаков, переселившихся на Кубань вместе

с семьями в 1792 — 1793 гг., достигло 25 тыс. Здесь они сменили регулярные части русского войска. На Кубани селились не только казаки из бывшей Запорожской Сечи, но также казенные крестьяне и беглые крепостные.

Как отмечают историки, новая пограничная линия проходила тогда по правому берегу р. Кубани от Таманского полуострова до редута Изрядный источник (ныне станица Воронежская) и называлась Черноморской кордонной линией. После прибытия на Кубань кошевого атамана З. А. Чепеги и правительства Черноморского войска главным кордоном на Черноморской линии становится Ореховатый пост. Этот редут был построен А. В. Суворовым в 1788 г. и название свое получил по озеру Ореховатому. Он стоял в очень удачном месте с точки зрения стратегической, и не случайно поэтому новая крепость была задумана кошевым атаманом З. А. Чепегой именно рядом с ним. Вот как об этом писал сам атаман: «Я, расставивши по реке Кубани пограничную стражу, состою с правительством над оною при урочище Карасунском Куте, где и место сыскал под войсковою град...»

Карасунский Кут — это та земля, которая находилась между основным руслом Кубани и ее старым руслом, староречьем, превратившимся в цепочку озер, соединенных между собой, — Карасуном. Эта протока была глубокой, по ней еще в 80-е гг. прошлого века ходил небольшой пароходик. В середине нашего столетия Карасун был полностью заключен в трубу, а на его месте сейчас разбит бульвар. По преданию, именно от Карасунского Кута была проведена в степь первая борозда — это главная улица города — Красная, т. е. «красивая, парадная».

Место, выбранное под войсковою город, было также удачным и с точки зрения административной: оно приходилось на середину Черноморской линии. Правда, место это было нездоровое, очень сырое. Именно поэтому в разное время предпринимались попытки перенести Екатеринодар, как центр черноморских казаков, то на Таманский полуостров, то в Ставрополь, то в ту или иную станицу.

Среди документов архива Кубанского казачьего

войска, опубликованных в конце XIX в., есть письмо, подписанное таврическим губернатором С. С. Жегулиным и отправленное войсковому атаману З. А. Чепега: «По представлению одного Черноморского правительства о построении по-над рекою Кубанью главного войскового города и селений... его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на разрешение от меня представлено». Письменных документов за подписью фельдмаршала А. В. Суворова о строительстве города-крепости не сохранилось, но таковые, скорее всего, были. В любом случае мы можем говорить о том, что основателями Екатеринодара были два человека — кошевой атаман З. А. Чепега и прославленный полководец А. В. Суворов.

В «Ведомости о кордонах, на войсковой земле расположенных, с показанием во сколько верст расстояние один от другого и о числе находящихся в оных старшин и казаков», которая была составлена 6 июня 1793 г., значилось так: «Главный кордон — Ореховатый». В нем несли службу 153 казака и 7 старшин. В 1794 г. (по данным городничего) в войсковом граде было 9 домов, 75 хат, 153 землянки, а жителей — 580 человек. Город находился в лесу: оба берега Кубани были покрыты дубовыми лесами, густыми зарослями терна и непроходимыми высокими камышами. Атаман З. А. Чепега строго следил за тем, чтобы жители «около града стоящих лесов отнюдь не рубили, кроме на дрова валежника, также в лес и скотину не пускали». Казаки осваивали и землю; так, уже весной 1795 г. возле реки Карасун «с молитвою и благословением войскового протоиерея» были засеяны пшеницей первые десятины пашни.

В городе были построены войсковые административные учреждения: канцелярия атамана, архив, суд, острог. Также было построено здание для училища, оно имело форму креста, и венчал это строение мезонин с фонарем. В мезонине был подвешен колокол весом 20 фунтов, которым созывались по утрам на занятия и учителя, и ученики.

В самой крепости была поставлена вначале парусиновая походная Свято-Троицкая церковь, над которой был поднят чехол, укрепленный на столбах и

крытый сверху камышом. Были доставлены на лодках, по-местному «дубах», колокола, отлитые в Херсоне. Позже, в 1802 г., на месте этой походной церкви был построен деревянный шестиглавый войсковой собор Воскресения Господня.

В 1848 г. наказному атаману было предписано: «...при городе Екатеринодаре развести сад, который служил бы для края сборником и рассадником различных пород деревьев и полезных растений, могущих с успехом произрастать под небом Черномории... Распространение сада допустить от дороги, идущей на Карасунскую плотину, когда место это очищено будет, а с другой стороны — до крепости... В саду насадить и содержать: виноградных кустов не менее 20 тыс., фруктовых разных деревьев не менее 1 тыс.». Кроме казенного сада, целью которого было развитие в крае садоводства, в городе был открыт еще и городской сад. Вначале там находился только танцевальный зал, или, как тогда называли, вокзал, где летом для гуляющей публики играл духовой оркестр; позже там были построены киоски, павильоны, а в начале XX в. там был открыт даже павильон для велосипедистов. Городской сад в 1895 г. стал освещаться электричеством, в 1914 г. дорожки в нем были заасфальтированы. Городской сад был едва ли не единственным местом отдыха, так как в первой половине XIX в. леса вокруг Екатеринодара были вырублены: в 1822 г. по приказу походного атамана Войска Донского они были уничтожены по левому берегу Кубани, позже были вырублены и в восточной части. Память о дубовых лесах сохранилась в местном названии — Дубинки.

Река Кубань — река судоходная, по ней было открыто пароходное движение в 1856 г. от Усть-Лабинска до Темрюка. Первый пароход перевозил не только грузы, но и почту. К 1914 г. по Кубани курсировало уже 13 пароходов и около 300 барок, из которых около 30 барок были железными.

В 1860 г. Екатеринодар стал центром Кубанской области; в это же время было образовано Кубанское казачье войско, хотя создание Кубанского казачьего войска относится к концу XVIII в., т. е. ко времени

присоединения к казакам Черноморского войска казаков с Хопра. К 200-летию образования этого войска в центре Екатеринодара, на ул. Красной, 7 мая 1897 г. был открыт памятный знак из дикого закубанского горного камня, выполненный по эскизам архитектора В. А. Филиппова.

Интересные сведения о главном городе Кубани приведены во 2-м томе Географическо-статистического словаря Российской империи, вышедшем под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского в 1863 г.: число жителей — 9260 человек (преимущественно казаков), имеется 2007 жилых домов, из которых 45 кирпичных, остальные — мазаные и деревянные; 274 нежилых здания, в том числе и лавки; 6 церквей (5 деревянных, 1 каменная). Учебных заведений для такого города было вполне достаточно — 2 гимназии и 2 училища. На то, что город к тому времени был и торговым, и промышленным центром края, указывают еще и такие данные: в 1861 г. было выдано 375 торговых свидетельств, из них 86 купеческих; в городе было 26 заводов: 2 салотопенных, 11 кожевенных, 7 маслобойных, 1 винокуренный, 5 кирпичных и гончарных.

В Екатеринодаре проходило четыре ярмарки: Благовещенская в марте, Троицкая в июне, Преображенская в августе и Покровская в октябре. Главными предметами торга были лошади, рогатый скот, овцы, шерсть, кожа и рыба. На ярмарках собирались купцы из самых разных губерний России. Приезжали и ближайшиe соседи — кавказцы, они привозили из-за Кубани самые разнообразные товары: строевой лес, меха, мед, воск, сыр, масло, дичь, а также бурки и черкески. Обратнo увозили зерно, мануфактуру, шорные, гончарные изделия, а также скот для улучшения породистости своих стад. В Екатеринодаре были и свои мастера по кузнечному, слесарному, столярному, сапожному и портняжному делу. Была создана даже войсковая мастерская сотня, казаки, служившие в ней, освобождались от военной службы.

В 1867 г. Екатеринодар был переведен на «общее гражданское устройство», т. е. был утвержден городской герб, избрана городская дума, назначен город-

ской голова. Казакам предлагалось переселяться из города в станицы; тех, кто оставался в городе, причисляли к сословию мещан или купцов.

Развитию города способствовало проведение через Екатеринодар железнодорожной линии Тихорецкая — Новороссийск в 1888 г. и позже — Приморско-Ахтарская. И в 1900 г., в городе уже насчитывалось более 150 фабрик, заводов и мастерских. Правда, следует учитывать то, что в то время крупными считались заводы, на которых было более 20 рабочих, также заводами и фабриками назывались полукустарные предприятия с 5—6 работниками. К существующим прежде прибавились такие заводы и фабрики, как клееварочный, мыльный, ваточный, бондарный, экипажный, овчинный, пивоваренный, табачный, а также чугунолитейный, химический и первый на Кубани металлообрабатывающий завод Карла Гусника (сейчас — завод тензометрических приборов). Заметно выросло и население Екатеринодара: в 1900 г. в городе проживало 72 тыс. человек.

В 1900 г. был пущен электрический трамвай. Вот как об этом событии писали «Кубанские областные ведомости»: «Трамвай пришелся по душе екатеринодарцам... чуть ли не все городское население перепробовало удовольствие езды, катаясь взад и вперед по несколько раз по его путям». Тогда он ходил по двум маршрутам: от ул. Выгонной (сейчас ул. Одесская) по ул. Красной до пересечения ее с Почтовой (современное ее название — ул. Тельмана) и далее до городского сада; второй маршрут шел от Красной по Екатерининской (теперь ул. Мира) до железнодорожного вокзала. В то время центральные улицы освещались электрическими фонарями, а остальные — керосиновыми; они были вымощены «пятигорским» булыжником.

В Екатеринодаре в начале XX в. была широкой сеть учебных заведений: две мужские и две женские гимназии, реальное и коммерческое училище, два городских средних и несколько начальных училищ, учительская и духовная семинарии, епархиальное училище, церковноприходские школы и несколько частных гимназий и прогимназий. Кроме того, в го-

роде было Мариинское женское училище, позже преобразованное в Институт благородных девиц, где обучались дочери офицеров, чиновников, купцов и священников. В 1900 г. была открыта Публичная библиотека, получившая название Пушкинской. В городе работал Этнографический и естественно-исторический музей Кубанского войска. Таким, полным жизни и работающим на перспективу, был Екатеринодар в начале нашего столетия.

Сейчас это крупный промышленный и культурный центр Краснодарского края, с населением 621 тыс. человек. В г. Екатеринодаре, переименованном чуть более 50 лет назад в Краснодар, продолжают развиваться старые, традиционные направления промышленного производства (обувное, маслодельное, табачное, химическое), также появились и новые направления (машиностроение, станкостроение и др.). Здесь есть свой университет, несколько институтов (политехнический, медицинский, сельскохозяйственный, культуры и физической культуры), 15 средних специальных учебных заведений, большое количество средних школ, а также библиотеки, музеи, театры (драмы, оперетты, кукол), филармония, цирк.

Л и т е р а т у р а: 1. Бардадым В. П. *Этюды о прошлом и настоящем Краснодара.* Краснодар, 1978. 2. *Географическо-статистический словарь Российской империи.* Т. 2. СПб., 1863. 3. *История Кубанского казачьего войска.* Т. 1—2. Екатеринодар, 1910, 1913. 4. *Краснодар: Исторический очерк.* М., 1968. 5. *Краснодар: Путеводитель.* Краснодар, 1963. 6. *Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска.* Т. 3. СПб., 1896. 7. *Хрестоматия по истории Кубани.* Т. 1. Краснодар, 1975.

З. С. Дерягина

ЕЛЕЦ — город в Липецкой обл., на р. Сосне. Впервые зафиксировано в 1146 г. в тексте Патриаршей, или Никоновской, летописи (список XVI в.): «Князь же Святославъ Олговичъ иде в Рязань, и бывъ во Мченскѣ, и въ Туль, и въ Дубкѣ на Дону, и въ Елцѣ, и въ Пронскѣ, и приде въ Рязань на Оку...» Через город протекает приток Сосны — небольшая речка *Ельчик* (в 20-е гг. нашего века длина ее была приблизительно 20 км).

Как название города топоним *Елец* отмечается в Софийской первой и второй летописях под 1395 г. в форме *Елечь* («чоканье», ср. выше *Мченск*); в «Книге Большому чертежу» и во многих письменных источниках XVII в.: «выше города Ельца», «на Сосне город Елец» и т. д. Со следом «чоканья» (неразличения *ц* и *ч* и совпадения их в звуке *ч*) название *Елец* в роли гидронима зафиксировано и в «Росписи сторожам из украинских городов от польския украины по Сосне, по Дону, по Мече и по иным речкам» (1571): «налево через *Елечь* до усть Полны». В этой форме названия города — *Елец* — получила отражение первичная, часто встречающаяся в южнорусских документах XVI—XVII вв. разновидность наименования реки, возле устья которой он возник. В старорусский период еще обычна омонимия названий реки и поселения на ней: «А ниже Воргла 7 верст, на Сосне, город *Елец*, а под ним пала в Сосну речка *Елец*» («Книга Большому чертежу»), «верхъ Ельца» (1592), «на рекѣ на Елцѣ», «по обе стороны Ельца» (1593—1594 гг.).

В XVII в. топоним *Елец* в сочетании с предлогом *на* (*на Елец*, *на Ельце* и т. д.) нередко употреблялся и как обозначение урочища, объединяющего в себе как реку, так и поселение с прилегающей к нему местностью. Изредка предлог встречается и при названии населенного пункта. Этот факт, а также этимология названия (по мнению В. А. Никонова, от народного географического термина *елец* 'еловый или дубовый лесок, дубовый кустарник') свидетельствуют о том, что данное географическое имя вначале возникло как название елового леса, ельника, являвшегося каким-то природным рубежом, урочищем. Благодаря контактному переносу географического имени (топонимической метонимии) первоначальное название урочища перешло на протекавшую через него речку и поселение. Топоним *Елец* находится в зоне распространения названий с суффиксом *-ец* (в части из них он входит в состав народного географического термина, перешедшего в название речки или ручья): *Студенец*, *Паниковец*, *Песковатец*, *Хмелинец*, *Репец*, *Талец*, *Воронец*, *Кривец*, *Мокрец*, *Лукавец*, *Хомутец*, *Ламовец*, *Таволжанец*, *Ржавец*, *Жерновец* и др.

Омонимия названий реки и города в ее устье постепенно устраняется к XIX в. К этому времени за названием города закрепляется старая форма *Елец*, а гидроним обновляет суффиксальную часть, изменившись в *Ельчик*. Аналогичный процесс расподобления первоначально одинаковых названий речек и расположенных поблизости поселений имел место и во многих других случаях. Ср.: вначале река и город *Орел*, теперь город *Орел* и река *Орлик*; река и город *Изюм*, затем город *Изюм* — река *Изюмец*. В самом бассейне Сосны (или Быстрой Сосны), которому принадлежит Ельчик: село *Талец* — речка *Тальчик* (в XVIII в. — *Талец*), село *Ломоватец* на речке *Ломовчик*, село *Кривец* на речке *Кривчик*. Формальному расподоблению способствовала не только тенденция к устранению омонимии названий разнохарактерных сопредельных географических объектов — реки и города, но и усиление роли населенного пункта в жизни местного населения. Имя города или села стало восприниматься как «главное» и исконное. От него затем и образуется новое суффиксальное слово с уменьшительным суффиксом *-чик*. Название *Елец* не одиноко, его носит также один из притоков реки Москвы.

Литература: Астраков В. И. *Гидрографический очерк Москвы-реки и ее притоков. М., 1879.*

Е. С. Отин

ЕНИСЕЙ — река, берет начало из двух истоков: Большого Енисея (тув. *Бий-Хем*, *Улуг-Хем* 'большая река', кетск. *Хук*, ненец. *Ензяям*, селькуп. *Кволт*, *Квай*) и Малого Енисея (тув. *Ка-Хем* 'малая река') впадает в Енисейский залив. По площади бассейна (2 580 000 кв. км) после р. Оби занимает второе место, самая многоводная река России (расход воды — 19 800 куб. м/с.), главные притоки — Ангара, Подкаменная Тунгуска, Нижняя Тунгуска. Гидрографическая сеть включает 198 620 рек и речек (общая длина — 884 754 км) и 126 364 озера (площадью 51 835 кв. км). Енисей делится на три части: Верхний Е. (от слияния рек Большого и Малого Енисея на территории Тувинской Республики до выхода в Минусинскую кот-

ловину), Средний Е. (от пос. Означенного до слияния с р. Ангарой), Нижний Е. (от р. Ангары до устья). Ниже впадения р. Абакан — Красноярское водохранилище (длина 360 км), образованное плотиной Красноярской ГЭС у г. Дивногорска. Ширина Е. в устье — 2,5—5 км, глубина — 5—8,5 м. Енисей — важный судоходный путь Красноярского края, навигационный период с мая по октябрь.

Название *Енисей* восходит к эвенк. *ионеси*, *иондеси*, буквально 'большая вода, большая река', по-селькупски Енисей — Рушил-Кволоты 'русская река'.

Н. К. Фролов

Ж

ЖЕНСКИЕ ИМЕНА (начало XVIII в.). В работах по русской исторической ономастике меньше внимания уделяется формам именования женщин, поскольку последние, не имея никаких юридических прав, реже упоминаются в памятниках деловой письменности XI—XVII вв. [5, с. 15]. Социальное бесправие женщины в XI—XIV вв. нашло отражение в именовании ее в официальной письменной речи, причем способы называния не были упорядоченными и не отличались в силу этого единообразием.

По словам Р. Мароевича, в редких случаях женщина именовалась непосредственно, с помощью личного имени. В подавляющем большинстве случаев номинация осуществлялась способом, восходящим по происхождению к праславянскому языку, — через имена других лиц: замужней женщины — через имя мужа, девушки — через имя отца [1, с. 110]. Имя замужней женщины представляло собой притяжательное прилагательное в полной форме, образованное от имени мужа (княгыни *Всеволожая*, приде *Гюргевая*). Иногда данный антропоним сопровождался патронимом (*Глѣбовая Всеславича*). В редких случаях модель именования включала и личное имя женщины (*Мстиславля Хрстина*) или профессию мужа (*Зави-*

жая посадника). Форма именования девушки состояла в официальных документах из притяжательного прилагательного, образованного от личного имени отца, и патронима (*Даниловна Романовича*). Как исключение отмечены полные формулы именования женщин: *Софья Ярославна Ростиславля Гльбовича* [1, с. 110—117; 2, с. 128—129].

Такие же опосредованные способы именования часто фиксируются и в новгородских берестяных грамотах: *Васильева, Павлова, Фомина жена* [3].

Если обратиться к письменным источникам XVI — первой половины XVII в., писцовым и переписным книгам Вологодского, Архангельского и Сольвычегодского уездов, то именования женщин встречаются последовательнее, причем в большинстве случаев речь идет о вдовах, после смерти мужа унаследовавших землю и строения. Единая формула именования женщины в этот период отсутствует. Полностью опосредованные именования отмечаются редко: *Васильевская жена Ощепкова* (ПК: Сольвыч. 1648; здесь и далее см.: Источники), несколько активнее одночленные и двучленные модели, обязательным компонентом которых является личное имя именуемых: вдова *Полашка* (Сотн. Ант.-Сийск. 1593), вдова *Оксиньца, Онтонидка, нищая Марфица Сенькина* (ПК Лал. 1645).

Несмотря на отсутствие единой формулы именования женщины, в этот период можно уже говорить о наиболее активной (доминирующей) модели высказывания, относящейся к замужним женщинам и состоящей из личного имени женщины и притяжательного прилагательного, образованного от личного имени мужа с помощью суффиксов *-овск(-евск)*, реже *-ов (-ев)*, *-ин(-ын)*, иногда с наличием фамильного прозвания, если оно было. Ср.: вдова *Духанка Сергеевская жена*, вдова *Каптелинка Яковлевская жена Купреянова* (ПК Вол. 1589), вдова *Соломейка Ивановская жена*, вдова *Акилинка Яковлевская жена Калистратова* (ПК Сольвыч. 1648), вдова *Каптелинка Федорова жена Бобровского* (ПК Лал. 1645), вдова *Федосица Якушовская жена*, вдова *Анна Ивановская жена Саунина* (Сотн. Каргоп. 1561). Формула именования незамужних женщин

в тот период характеризовалась указанием на отца: проскурница *Анница Игнатъева дочь* (ПК Лал. 1625).

Характерно, что женщины, как и мужчины, в этот период именовались еще полуименами с формантами *-к(а)* и *-иц(а)*, древними по своему происхождению, суффикс *-иц(а)*, в частности, в качественном значении встречается в древнерусских памятниках начиная с XI в. [6, с. 109]. Явно недостаточно изучены способы именования женщин в официальных документах в период, предшествующий распространению трехчленной модели именования, в конце XVII — первой половине XVIII в. С. И. Зинин наблюдает значительный разноречивый в формулах называния. Им рассмотрены модели именования женщин в источниках некоторых центральных городов (Москва, Ярославль и др.); подробнее см. [7, с. 34—39]). Ниже представлены модели именования женщин всех сословий в деловых документах массовой переписи населения северо-восточных уездов Русского государства начала XVIII в. — Вологодского, Архангельского, Сольвычегодского, Вятского. Привлечение источников начала XVIII в. обусловлено тем, что именно в петровское время женщины получают некоторые юридические права, связанные с покупкой и продажей имущества [5, с. 15]. Этим определяется рост числа женских именований в деловой письменности данного периода всех регионов.

В сравнении с документами XVI — первой половины XVII в. формула именования женщины в начале XVIII в. претерпела существенные изменения. На фоне более или менее устоявшейся трехчленной модели называния мужчин (обычно жителей города) типа *Алексей Иванов с. Швецов, Марк Афонасьев с. Колбсов* (ПК Вол. 1711), женские именования обычно были представлены четырьмя (иногда пятью) компонентами: личным именем и полуотчеством женщины и трех(дву)членной моделью именования ее мужа. Ограничимся следующими примерами: *посадская вдова Парасковья Панкратова дочь Прокофьевская жена Никифорова сына Лактева, вдова Евдокия Патракиева дочь Ивановская жена Савельева сына Хомутникова*

(ПК Вол. 1711), вдова *Анна Андреева* дочь, а *Даниловская жена Колотовкина*, вдова скудная *Евфалия Петрова* дочь, а *Федоровская жена Сомовых* (ПК Сольвыч. 1710), вдова *Матрена Матфеева* дочь *Семеновская жена Басанова*, вдова *Татьяна Митрофанова* дочь, а *Корниловская жена Уваровского* (ПК Лал. 1717), нищая вдова *Агафья Карпова* дочь *Петровская жена Мохнаткина* (К. Уст. 1717).

Судя по материалам переписных книг, такая ходовая формула именования женщин была закреплена в письменной речи на огромной территории северо-восточной части Русского государства. О наличии ее в пермской письменности имеются свидетельства Е. Н. Поляковой [4, с. 94]. В составе данной модели полуотчества жены и мужа последовательно представлены в форме притяжательного прилагательного с суффиксами *-ов(-ев)*, *-ин(-ын)*, указывающими на принадлежность (*Патрикиева* дочь, *Наумова* дочь, *Савельев* сын, *Самсонов* сын), прилагательное же, образованное от личного имени мужа с помощью суффикса *-овск(-евск)*, является относительным, поскольку указывает не на принадлежность, а на отношения данных лиц (*Ивановская* жена, *Федоровская* жена, *Даниловская* жена и др.), т. е. жена, имеющая мужем такого-то.

Самым подвижным компонентом модели является полуотчество мужа, оно отсутствует, например, в книгах г. Сольвычегодска, Лальска, Устьянских волостей. По этой причине из четырех членов состоит модель и в переписной книге г. Вятки 1710 г.: *Васса Федорова* дочь *Яковлева* жена *Демидовых*, *Анна Васильева* дочь *Фоминская* жена *Вепревых* и др. В книге переписи и меры г. Вологды 1711 г. пятичленная модель весьма активна, хотя возможны и названия четырехзвенные: *Мавра Иванова* дочь *Михайловская* жена *Митрополова*, а ниже — *Мавра Иванова* дочь *Михайловская* жена *Ефремова* сына *Митрополова*. Ср. также: посадская вдова *Дарья Ефтефиева* дочь *Никулинская* жена *Хомутинникова*, посадская вдова *Соломанида Алексева* дочь *Васильевская* жена *Жукова* и многие другие. Обращают на себя внимание в переписных книгах всех городов полные формы женских личных имен.

Отмеченная четырех(пяти)членная модель называ-

ния была характерна для женщин всех сословий: посадских вдов — *Ксения Анфимова дочь Терентьевская жена Федорова сына Свѣшникова* (ПК Вол., 1711), солдатских жен и вдов — *Овдотья Иванова дочь Ивановская жена Васильева сына Неподставова* (там же), женщин купеческого сословия — гостиной сотни вдова *Анна Георгиева дочь Алексѣевская жена Бѣлавинского* (там же), дворянок — помещица вдова *Ефросинья Васильева дочь подпорутчика Алексеевская жена Григорьева сына Захарова* (РС Вол.), крестьянок — горкая вдовица *Ксѣбница Гаврилова дочь Максимовская жена Чапина* (ДПВК), нищих — вдова скудная *Анна Матфиева дочь, а Семена Матренинских жена* (ПК Сольвыч. 1710), нищая вдова *Фетиния Стефанова дочь Тимофѣевская жена Козулина* (ПК Вол. 1711).

У лиц духовного звания в тот период фамильное прозвание обычно отсутствовало, поэтому именование женщины могло состоять из двух компонентов (вдова попадья *Ксения Еремѣва дочь* — ПК Вол. 1711), но: вдовая попадья *Марья Васильева дочь Андреевская жена Семенова*, вдовая дьяконица *Гликѣрия Костянтинова дочь Михайловская жена Пошехона* (ПК Вол. 1711).

Было бы некорректно утверждать, что в привлеченных к исследованию документах эта четырех(пяти)членная модель не имела альтернативы. Она была доминирующей, но не единственной. Вариантная формула отличалась тем, что первой частью ее было полное именование мужа с указанием его профессии, второй — название жены: *подъячего Васильевской жены Григорьева сына Кудрина вдова Парасковья Федорова дочь* (муж *Василий Григорьев сын Кудрин*), *кузнеца Ивановской жены Сидорова жена Марья Абрамова дочь* (муж *Иван Сидоров*), *плотника Андрѣевской жены Федорова сына Кумбаса вдова Ксения Захарова дочь* (ПК Вол. 1711). Наличие такой формулы именованя в московских источниках начала XVIII в. отмечает С. И. Зинин [7, с. 38—39].

Обращает на себя внимание первый компонент именованя мужа, представленный в форме притяжательного прилагательного с суффиксом *-овск(-евск)*,

образованный от личного имени. Однако возможна и такого рода формула: вдова суконной сотни *Василия Иванова сына Саватиева жена его Акулина Дмитриева дочь* (ПК Лал. 1678).

Отличались формы именовании незамужней женщины. В книге переписи и меры г. Вологды 1711 г. четырехзвенная формула отмечена единожды (дѣвка *Марья Григорьева дочь Степанова сына Сурина*), обычно же в составе модели два компонента: посадская дѣвка *Улита Гусева дочь*, дѣвка *Марья Алексѣва дочь*, посадская дѣвка *Федора Мокѣва дочь*.

Следует подчеркнуть, что при наличии доминирующей формулы именовании женщины варианты ее во всех привлеченных документах актуализируются значительно реже. Эта закрепленная модель, в составе которой именование женщины не приводится автономно, а почти всегда с полным названием мужа, стала своего рода нормой письменных источников массовой переписи населения данной территории в начальный период становления русского национального языка.

В ревизских сказках эта модель именовании сохраняется вплоть до конца XVIII в. В ревизских сказках о числе душ г. Вологды 1795 г. такая формула лежит в основе именовании женщин купеческого звания: вдова *Устинья Степанова дочь Гавриловская жена Носкова* (РС Вол. 1795), вдова *Ульяна Яковлева дочь Петровская жена Михайлова сына Попугаева*, а также мещанок: вдова *Ирина Алексѣва дочь Афанасьевская жена Осипова сына Самойлова*. Мещанки и женщины, относившиеся к той или иной цеховой корпорации, могли именоваться и с помощью вариантной формулы: мещанки... умершего *Ивана Емельянова сна Клишина* вдова *Марья Сергѣева дочь*, умершего *Алексея Михайлова сна Богадѣльщикова жена* вдова *Анна Дмитриева дочь*, в Вологодском прядильном цеху... умершаго *Михайла Федорова сна Хохлева жена Устинья Захарова дочь* и др.

Позже (в XIX в.) под воздействием трехчленной модели именовании мужчин формула названия женщин в письменной речи также становится трехзвенной, разумеется, на тех территориях или в тех соци-

альных группах, где фамилия функционировала как обязательный член антропонимической модели.

Если рассмотреть эволюцию доминирующей модели именования женщины, то основное изменение в ней связано с активизацией непосредственной номинации. Только в древнерусском языке (XI—XIV вв.) именование женщины носило в большинстве случаев опосредованный характер (через имя мужа или отца). В среднерусский период (XV—XVII вв.) доминирующая формула по своему составу начинает приближаться к модели называния мужчины, поскольку первым компонентом ее является уже личное имя женщины. В то же время от предшествующего периода формула сохраняет и опосредованное название (через имя мужа). В начальный период формирования национального русского языка (вторая половина XVII — начало XVIII в.) формула именования женщины все более сближается с мужской: помимо личного имени женщины в составе ее, как и в мужской модели, появляется полуотчество. Опосредованное именование продолжает сохраняться. И наконец, в период укрепления норм национального русского языка формула именования женщины совпадает с мужской. Ср.: *Глббовая Всеславича—Акилинка Яковлевская жена Каллистратова—Евдокия Патракиева дочь Ивановская жена Савельева сына Хомутникова—Мария Ивановна Кубарева.*

Памятники массовой переписи населения начала XVIII в. отражают не только официальную форму именования женщины, в них можно обнаружить свидетельства того, как называли женщину в повседневной обиходной речи. Существовало несколько способов и самый активный, видимо, личное имя в полной или качественной форме (*Улита, Онфимья, Татьяна*). В наших документах находит отражение второй способ именования женщины — с помощью прозвища, образованного от фамильного прозвания мужа с суффиксом *-их(а)*: *Маврушка Елизарьева дочь, а Андрѣвская жена Иконничиха* (ПК Лал. 1678), *вдова Евдокея Федорова дочь Ивановская жена Самылиха* (ПК Вол. 1711). Мы привели формулу полного именования женщины в официальном документе, в раз-

говорной же речи актуализируется в качестве средства общения лишь последний компонент.

И наконец, была, на наш взгляд, третья модель именования в быту, состоящая из личного имени и прозвища на *-их(a)*. Данная «уличная» формула нашла отражение в переписной книге г. Лальска 1678 г.: нищая вдова Анютка Исиха. Разговорная форма женского именования на *-их(a)* отмечена в Пермской земле (4.94).

В дальнейшем было бы желательно рассмотреть формы именования женщин в письменно-деловой речи XVIII в. других территорий Русского государства.

Л и т е р а т у р а: 1. Мароевич Р. *Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных (К вопросу о природе имен типа Ыъsevoložaja в древнерусском языке)* // *Вопросы языкознания*. 1981. № 5. 2. Мароевич Р. *К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных* // *Этимология*. 1986—1987. М., 1989. 3. Подольская Н. В. *Некоторые вопросы исторической ономастики в связи с анализом берестяных грамот* // *Историческая ономастика*. М., 1977. 4. Полякова Е. Н. *О редактировании пермских деловых документов XVII — начала XVIII в.* // *Русская историческая лексикология и лексикография*. Л., 1983. Вып. 3. 5. Суперанская А. В. *Имя и эпоха* // *Историческая ономастика*. М., 1977. 6. Толкачев А. И. *К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI—XV вв.* // *Историческая ономастика*. М., 1977. 7. Зинин С. И. *Введение в русскую антропонимию*. Ташкент, 1972. 8. Короткова Т. А. *Суффикс -ск- в ономастике Среднего Урала* // *Ономастика. Типология. Стратиграфия*. М., 1988.

И с т о ч н и к и: ДПВК — *Деловая письменность Вологодского края*. Вологда, 1979. *К. Уст. 1717* — *Книга ландратской переписи Устьянских волостей 1717 г.* // *Северная Русь XVIII в.* Вологда, 1973. ПК Вол. 1589 — *Переписные книги Вологодского уезда. 1589—1590 гг.* // *Материалы по истории Европейского Севера СССР (Северный археографический сборник)*. Вологда, 1972. Вып. 2. ПК Вол. 1711 — *Книга переписи и меры г. Вологды 1711 г.* // ГАВО, ф. 2Р, № 7847. ПК Вят. 1710 — *Переписная книга г. Вятки 1710 г.* // *Вятка: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий*. М., 1887. ПК Лал. 1625 — *Переписная книга Лальска 1625 г.* // Пономарев И. *Сборник материалов для истории г. Лальска Вологодской губ. Т. 1 (1570—1800 гг.)*. В. Устюг, 1887. ПК Лал. 1645 — *Переписная книга г. Лальска 1645 г.* // Пономарев И. *Сборник материалов...* ПК Лал. 1678 — *Переписная книга г. Лальска 1678 г.* // Пономарев И. *Сборник материалов...* ПК Лал. 1717 — *Книга первой ревизии г. Лальска 1717 г.* // Пономарев И. *Сборник материалов...* ПК Сольвыч. 1648 — *Переписная книга Сольвычегодского уезда 1648 г.* // Пономарев И. *Сборник материалов...* ПК Сольвыч. 1710 — *Переписная книга г. Сольвычегодска 1710 г.* // Поно-

марев И. Сборник материалов... РС Вол. 1785 — Ревизские сказки о числе душ помещичьих крестьян Вологодского уезда 1782 г. // ГАВО, ф. 883. № 134. РС Вол. 1795 — Пятая ревизия о купцах и мещанах г. Вологды 1795 г. // ГАВО, ф. 496, оп. 1, № 4369. Сотн. Ант.-Сийск. 1593 — Сотная на еотчину Антониева-Сийского монастыря 1593 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Сотн. Каргоп. 1561 — Сотная из книг на г. Каргополь 1561—1564 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР.

Ю. И. Чайкина

ЖИГУЛИ́ (реже — **Жегули́**) — народно-разговорный вариант названия *Жигулевские горы*. Ж. находятся на правом — нагорном берегу Волги, в северной части Самарской луки, представляющей собой большую (свыше 200 км) излучину Волги, между Усольскими и Сокскими горами. Раньше были известны как *Яблонные горы*. По свидетельству русского путешественника и натуралиста И. И. Лепехина («Дневные записи путешествия...», 1771—1805), руководившего в конце 60-х гг. XVIII в. экспедицией Академии наук в Поволжье, такое наименование они получили оттого, что на них «довольно растет диких яблоней».

Характерной особенностью гидрорельефа этой территории Поволжья является то, что в западную часть Самарской луки справа впадает р. Уса, чье русло настолько сближается с нижней частью волжской петли, что образуется узкий перешеек (2,5 км), где издавна существовал волок. Сейчас на его месте находится населенный пункт Переволока. «Волга и Уса почти замыкают Самарскую луку в водное кольцо...» (М. А. Емельянов). *Самарской лукой* называлась не только сама излучина, но и ограниченная этим кольцом территория. Последний момент очень важен для установления этимологии топонима.

Указанная географическая реалья определила выбор имени. Земли, охваченные волжской излучиной, тюркоязычное население Поволжья назвало «мешком» — *Самаром* (от *самар* 'мешок'), и топоним вначале существовал как наименование урочища. В нем, очевидно, отразился народный географический термин, метафорично обозначавший междуречье сходящихся рек или прибрежную местность внутри крутых меандр. Позже название *Самар* было перенесено на

небольшой левый приток Волги, впадающий в Самарскую луку. Став названием реки, он получил окончание женского рода *-а*, характерное для русских речных имен. По реке *Самара* был назван так и город в ее устье (частый в русской топонимии контактный перенос названия реки на поселение). От названия урочища *Самар* образовался и составной гидроним *Самарская лука* (излучина, огибающая урочище *Самар*).

Топонимная основа *самар-* встречается и в днепроградской, донской гидронимии, а также на других территориях Европейской и Азиатской частей России. Примечательно, что самая значительная из *Самар* — левый приток Днепра (протекает по Донецкой и Днепропетровской областям Украины) в своем среднем течении тоже образует большую петлю, которая в документах XVIII в. именовалась *Великой лукой*.

Самарская лука у русского населения Поволжья в более позднее время получает название *Жегуля*. Это слово как нарицательное существительное (народный географический термин) в говорах не засвидетельствовано и восстанавливается на основе топонима. Оно отразилось также в сопредельной гидронимии Дона. Например: *Жегуля* — узкий и маловодный ерик, приток Дона (возможно, его старое русло) в районе устья Северского Донца, с двух сторон обтекающий станцию Кочетовскую. На картах и планах конца XIX — начала XX в. *Жегуля* изображена как длинная и узкая протока между Доном и Сухим (или Спорным) Донцом. По-видимому, именно этот диалектизм лежит в основе названия *Жигули*, *Жигулевские горы*. Его связывали и с именем легендарного разбойника *Жигулина* (ЖМВД), и с *жиган* 'опытный, тертый острожник' (В. А. Никонов), т. е. *Жигули* — это место скопления волжских разбойников, нападавших на купеческие суда, а в последнее время — с тюркским словом *джигули* 'запряжной рабочий, бурлак', которое могло относиться и к горам, и к населенному пункту (Ш. Р. Бахтияев).

Реконструируемый народный (местный) географический термин *жегуля* (*жигуля*) этимологически свя-

зан с такими диалектными словами, как *жигулистый* 'тонкий, длинный' (так говорят и о гибком, ловком, быстром, проворном человеке), *жгуль* 'узел белья', *жегулиться* 'зябнуть', *жгулик* 'скорчившийся от холода человек', а также со словом *жгут*, в котором Ж. Ж. Варбот усматривает древний индоевропейский корень *ghegh-'гнуть'. Исконным значением нарицательного существительного *жегуля*, на базе которого сформировался топоним, было 'изгиб, извилина, речная лука'.

Историю образования географического имени *Жегули* можно представить в такой последовательности: народный географический термин *жегуля* — *Жегуля* (изгиб Волги) — название села *Жегули*, где форма множественного числа, как и суффикс, выполняет роль топонимообразовательного средства — *Жегулевские горы* (ср. еще другие «горы» на возвышенном правом берегу Волги, получившие свои названия от расположенных там селений и урочищ: *Щучьи горы*, *Ундарские*, *Городищенские*, *Новодевичьи*, *Усоли*, *Кашпурские* и др.) — *Жигули* (производная форма от *оронима*, по типу *Соловки* от *Соловецкие острова*, *Сандуны* от *Сандуновские бани*).

Таким образом, возникшие в районе Самарской луки топонимы — тюркский *Самар(а)* и русский *Жигули* в своей основе содержат корни, этимологическое значение которых по-разному отразило географические реалии данной территории: первый — похожий на мешок огромный участок суши, заключенный в излучине Волги между ее правым берегом и рекой Усой; второй — более чем двухсоткилометровый изгиб Волги.

Литература: 1. Емельянов М. А. *Жигули и «кругосветка»*. Куйбышев, 1936. 2. *Журнал Министерства внутренних дел*. Ч. XXVII. СПб., 1838, отдел «Смесь». 3. Никонов В. А. *Краткий топонимический словарь*. М., 1966. 4. Бахтеев Ш. Р. *Жигули // Русская речь*, 1970. № 1. 5. Варбот Ж. Ж. *Этимология русских диалектных слов*. Свердловск, 1978.

3

ЗООНИМИКА — наука о зоонимах, собственных именах (кличках) животных, одна из самых молодых областей ономастики. Впервые термин *зооним* (от гр. ζῷον — животное и ὄνομα — имя) появился в языкознании 60-х гг. В последние десятилетия интерес к зоонимам, в которых весьма своеобразно проявляется ономастическое творчество человека, значительно усилился. Уже были опубликованы наблюдения над собственными именами собак, лошадей, коров. Самыми распространенными оказались клички, указывающие на цвет, масть. В любом перечне зоонимов, причем всех их разновидностей, всегда преобладают имена типа *Черныш, Серко, Белянка, Рыжик*. Цветовой признак может быть представлен в зоониме не прямо, а через метафору: белый цвет передается именами *Снежок, Известка, Сметанка*; черный — отражается в кличках *Уголек, Цыган, Ночка*. Среди собственных имен лошадей частотны клички типа *Буланый, Гнедой, Вороная*, образованные от прилагательных, которые в русском языке получили узкую специализацию — обозначать только масть лошади.

Первой отечественной работой по З. можно назвать статью известного тюрколога Н. К. Дмитриева. В ней проанализированы клички собак по материалам лингвистико-фольклорной экспедиции АН СССР 1928 г. В зоонимических исследованиях последних лет стали появляться видовые термины: для кличек лошадей *иппоним* (от гр. ἵππος — лошадь), собак — *киноним* (от гр. κυο/род. п. κυος — собака), кошек — *фелиноним* (от лат. felis — кошка). Зоонимы имеют ряд существенных отличий от антропонимов. Имена людей обычно выражаются существительными, значительную же часть кличек животных представляют субстантивированные прилагательные: *Буйный, Быстрая, Веселая* (лошади). А среди кличек собак встречаются слова глагольного происхождения: *Бушуй, Угадай, Хватай, Будило, Звонило*, чего нет в других классах

ономастической лексики. Употребление глаголов в роли кличек обязательно сопровождается их субстантивацией, они получают способность склоняться по падежам.

В развитии зоонимии проявляется явная тенденция к обособлению в особый класс имен собственных. Подтверждением тому могут служить, например, описанные П. Т. Поротниковым диалектные клички *Буруха, Зимик, Игреньюха, Карюха, Тугана*, которые не известны другим классам имен не только в плане суффиксального своеобразия, но и по причине специфичности в ряде случаев даже корневых морфем. Специально-зоонимические суффиксы *-ан, -ун, -уна, -уха, -уша, -уця* отмечены П. П. Чучкой и в украинских говорах. По мнению А. В. Суперанской, зоонимическая лексика в диалекте образует относительно самостоятельную «региональную ономастическую систему». В кличках отражается история общения человека с домашними животными. Наблюдения над зоонимиями убеждают в том, что этот тип собственных имен уже достаточно четко оформился как особый класс ономастической лексики и заслуживает дальнейшего изучения. Пришло время, как убедительно доказывает В. Э. Сталтмане, создания национальных зоонимиконов по всем видам кличек.

Л и т е р а т у р а: 1. Дмитриев Н. К. Собачьи клички у башкир // Доклады АН СССР. Серия 8. № 15. Л., 1928. 2. Мокшенко В. И., Фонакова О. И. Способы названия в зоонимии // Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск, 1976. 3. Поротников П. Т. Из уральской зоонимии // Восточнославянская ономастика. М., 1972. 4. Рядченко Н. Г. Зоонимия как особый класс ономастической лексики // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. 5. Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография. М., 1989. 6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973. 7. Суперанская А. В. Онимическая лексика // Теория и методика ономастических исследований. М., 1986. 8. Ташицкий В. Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопросы языкознания. 1961. № 2. 9. Чучка П. П. Слов'янське / не-слов'янське в зоонімії Закарпаття // Українська славістична конференція. Чернівці, 1964.

Н. Г. Рядченко

ЗООНИМИЯ РУССКАЯ. Термин зоонимия в отличие от зоонимика (см.) означает совокупность собст-

венных имен животных. Научное исследование этого интересного материала, можно сказать, только лишь начинается. Работ по З. р. известно пока немного. Большинство зоонимических публикаций в Советском Союзе выполнено на фактах тюркских, финно-угорских, кавказских языков. Почти во всех работах такого рода проводятся сопоставления с русскими именами животных или просто перечисляются русские клички, распространенные в данном регионе. Поэтому все эти наблюдения имеют ценность и для русской зоонимики. Имеющиеся работы не равноценны как по объему описываемого материала, так и по уровню его лингвистического осмысления. Например, в статье о кличках собак в мансийском языке описано всего 30 слов, а выводы о зоонимах одного из регионов Казахстана строятся на основе картотеки, содержащей свыше 5 тыс. кличек коров, лошадей, собак. Большое количество зоонимов Уральского ареала рассматривает П. Т. Поротников, анализируя их главным образом на основании принципа мотивированности-немотивированности.

Высоким уровнем лингвистической интерпретации отличаются работы Н. Г. Дубовой, А. А. Смирнова, Н. И. Толстого, Г. Ф. Фельде, О. И. Фoniaковой. Исследователи не только делят зоонимы по тематическим разрядам, но и анализируют способы словообразования, тип мотивировки, характер номинации. Самыми частотными во всех регионах являются зоонимы с внутренней формой, указывающей на цветовой признак. Эту особенность можно назвать зоонимической универсалией. Примечателен обычай называть *Березой* собак или коров бело-черной масти. Это метафорическое наименование обнаружено не только в русском языке, но и в других славянских языках (Н. И. Толстым), а также в тюркских (Н. А. Баскаковым). На основании подобных фактов можно сделать вывод о наличии общих принципов номинации у разных народов. Многие русские клички своим дозоонимическим значением отражают характерные особенности нрава, поведения животных: *Верный*, *Шалун*, *Юла* (собаки), *Грозный*, *Кокетка*, *Лихая* (лошади), *Задира*, *Недотрога* (коровы). Зоонимы могут фиксиро-

вать внешние признаки: *Крошка*, *Малютка*, *Гигант* (лошади), *Кудряш*, *Лохматая* (собаки), *Бородач* (козел); время рождения: *Апрелька*, *Декабрик*. Клички такого рода мотивированы реальными признаками обозначаемых животных.

Среди зоонимов нередки слова иного плана. В класс кличек активно вторгается лексика из самых разных пластов. Большая группа зоонимов восходит к названиям растений: *Верба*, *Каштан*, *Тополек*, *Роза*, *Незабудка*, *Фиалка*; явлений природы: *Буря*, *Восход*, *Закат*. В клички животных могут превращаться названия различных предметов: *Алмаз* (бык), *Бирюза* (корова), *Изумруд* (лошадь), *Кубик*, *Кукла*, *Термос* (собаки). Встречаются и абстрактные существительные: *Загадка*, *Минус*, *Прогресс* (лошади). Особую группу кличек образуют слова, созданные в результате трансономизации — привлечения имен из других классов ономастической лексики, прежде всего имен людей. Обращает на себя внимание такая особенность: предпочтение отдается обычно имени экзотическому, чужестранному (*Андромеда*, *Пифагор*, *Тарзан*), которое легче ономатизируется, не вызывая нежелательных при употреблении зоонима ассоциаций. Широкое распространение получили и несколько русских антропозоонимов: *Мишка*, *Васька*, *Машка*. Эти клички характеризуются полифункциональностью. Зооним *Мишка*, например, зарегистрирован на Урале в качестве имени быка, барана, лошади, кота, собаки, поросенка, козла, гуся и петуха.

Широкая распространенность во всех исследованных регионах кличек животных, образованных от имен людей, свидетельствует об отходе в наше время от традиций прошлого века, когда, по наблюдению В. И. Даля, «грешно было кликать собаку человеческим именем». Большое число кличек животных образуется сейчас и от другого класса собственных имен — топонимов. Наиболее часто клички образуются от названий рек, причем не только нашей страны: *Амазонка*, *Амур*, *Висла*, *Влтава*, *Двина*, *Ока*, *Тисса*. Интересно, что географические наименования *Волга*, *Валдай*, *Байкал* используются в качестве кличек собак в других странах. Это еще одно доказательство того

факта, что в класс зоонимов легче проникают имена экзотические.

Многочисленные наблюдения показывают, что формирование системы зоонимов подвержено воздействию социальных, внеязыковых факторов. Это проявляется, например, в том, что разными оказались принципы именования животных в хозяйствах коллективных и индивидуальных. В Поволжье можно встретить фермы, где из 160 свиней 110 носят кличку *Чушка*, 30 — *Муська*, 10 — *Эюнька*. В коллективных хозяйствах существуют и определенные формальные ограничения: в кличке детеныша обязательно должны присутствовать инициальные звуки имен родителей. Жеребенок получает кличку *Вулкан*, потому что его родители — *Ваза* и *Курган*. В ситуации, когда необходимо придумать сотни кличек, возникают нередко имена довольно странные: *Агония*, *Дискуссия*, *Сульфидин*. Выбор клички для животного, находящегося в личном владении, не регламентируется такими жесткими правилами, потому и имена здесь оказываются более живыми, эмоциональными: *Добруша*, *Жданка*, *Кормилица*, *Милочка*, *Прелесть* (коровы).

В процессе исторического развития русской зоонимии социальные факторы способствовали значительному расширению круга апеллятивной лексики, которая стала вовлекаться в разряд имен собственных. В последние десятилетия стали чаще применять термины науки, искусства: *Аккорд*, *Зенит*, *Гравюра*, *Рассодия*, *Элегия*, *Флейта*. Целый ряд новых кличек обязан своим появлением научно-техническому прогрессу, успехам в освоении космоса: *Вертолет*, *Комета*, *Орбита*, *Ракета*, *Спутник*. Все это свидетельствует о значительном расширении словарного запаса тех носителей языка, которым приходится заниматься ономастическим творчеством в области зоонимии. К собачьим кличкам в большей мере, чем к именам других домашних животных, предъявляются требования фонетического благозвучия.

Для многих кличек собак характерна звуковая односторонность: *Бим*, *Джек*, *Джим*, *Ральф* (см.: *Щетинин Л. М.* Слова, вещи, имена. М., 1966). Скорее

все это вызвано удобством произношения кратких имен при служебных командах.

Заслуживают внимания деривационные особенности зоонимии в русском языке. Наиболее распространенным способом образования кличек является лексико-семантический — переход слов в разряд собственных имен животных без изменения формы: *Буян, Тайна, Цыган*. Таких фактов в З. р. гораздо больше, чем это отражено в опубликованных статьях, авторы которых к суффиксальному способу относят такие слова, как *Малыш, Найденыш, Голубок, Дымок, Снежок, Уголек, Хохлатка*, а к основосложению — *Домосед, Громоотвод*, в то время как здесь явный лексико-семантический способ, поскольку морфемное оформление этих слов состоялось еще на дозоонимическом уровне, когда слово относилось к апеллиативной лексике. Зооним же создан в результате переосмысления.

Суффиксальный способ знаком зоонимии тоже. В основном это касается феминных дериватов: *Буланный — Буланка, Буян — Буянка, Гнедой — Гнедуха*. Надо сказать, что в З. р., особенно диалектной, намечается специализация зоонимических суффиксальных дериватов: *Косматуха, Пеструха, Добруша, Белоха, Буреха, Рыжоха, Звездоня, Февралька, Июлька, Мартик, Утрик, Жасминка, Любимка, Тополинка, Янтарка*. Слова эти апеллиативной лексике неизвестны, они специально созданы для зоонимической функции. Специфичными для кличек являются и феминные образования типа: *Альта, Буяна, Динга, Матроса, Минора, Привета*. Зоонимии известны и безаффиксные дериваты мужского рода: *Акул, Ракет*. Своеобразие зоонимов как особого класса собственных имен заключается и в том, что, в отличие от антропонимов, клички типа *Васька, Машка, Димка* являются нейтральной формой имени, а не уничижительным его вариантом.

Большинство зоонимов в русском языке одноосновны. Сложные слова (*Белогубка, Серошейка, Жизнерадостная*) наблюдаются не часто, и это тоже одна из отличительных черт З. р. Известно, что многие тюркские зоонимы образуются основосложением: *Каракёз* (черноглазая), *Аккулак* (белое ухо). Встречаются среди

кличек животных и составные образования. Прежде всего это сочетания прилагательных с существительными: *Большой Успех*, *Осенняя Ночка*, *Черная Магия* (лошади). В документах Одесского ипподрома обнаружены имена лошадей, образованные по этой же модели: *Весенняя Капель*, *Весенняя Краса*, *Гуманная Акция*, *Излишняя Тревога*, *Майский День*, *Млечный Путь*, *Новая Криница*, *Приятная Улыбка*, *Прочный Мир*, *Стремительный Рейд*. Всего 10 из общего числа более 1500, удельный вес таких кличек невысок. Еще реже употребляются зоонимы, представляющие собой сочетания двух существительных: *Дочка Сосны*, *Сын Геркулеса*. В материалах П. Т. Поротникова приведены несколько кличек, в которых сочетаются имя и отчество: поросенок *Борис Иванович*, кот *Василий Павлович*, свинья *Аксинья Ивановна* (всего 7 из 3685). Эти клички носят откровенно шуточный характер.

Зоонимы могут не только выполнять номинативную функцию, но и приобретать дополнительные оттенки. Нельзя не вспомнить Хину Марковну и Брома Исаевича — клички, придуманные А. П. Чеховым для живших в его мелиховском доме собак породы такса. Здесь чувствуется и чеховская мягкая, ироничная улыбка, и медицинский «привкус» — дань второй профессии писателя, и несомненное доказательство того, что клички домашних животных могут иметь богатую коннотацию. Необходимо сказать, что область литературной зоонимии остается до сих пор почти не тронутой филологами. Ономастическое пространство художественного произведения не должно ограничиваться именами персонажей, топонимами. Клички животных, о которых рассказывают художники слова, не менее важны. Достаточно вспомнить чеховскую *Каштанку*, лошадь *Фру-Фру* из «Анны Карениной», *Холстомера* из одноименного рассказа Л. Толстого. Кстати, слово это является прозвищем, которое получил орловский рысак Мужик-1 за размашистую рысь: «Бежит, словно расстеленные для просушки домотканые холсты саженями меряет» (*Алмазов Б. А. Прощайте и здравствуйте, кони!*).

Способность иметь прозвище рядом с основным именем сближает зоонимы с именами людей. Сходст-

во с антропонимами проявляется и в том, что в зоонимии можно встретить упрощенные, трансформированные клички, которые функционируют наряду с официальным, паспортным именем: конь *Гиацинт* на тренировке становится *Гошей*, *Капитал* — *Капой*, *Ракета* — *Раей*. Перечень подобных уже описанных в литературе фактов можно продолжить: кошку, которую нарекли царственным именем *Нефертити*, вскоре стали называть по-домашнему *Тишкой*, а овчарку, в паспорте которой значится имя всемирно известного художника — *Винсент Ван Гог*, хозяева называют ласково — *Винсуля*.

В. Э. Сталтмане справедливо обращает внимание на белое пятно в наших зоонимических исследованиях — на клички животных, содержащихся в семьях. Знаю дом, в котором собственные имена имеют не только рыбы и улитки в аквариуме, но и живущую в квартире лягушку там называют *Жульеной*, а черепаху — *Кориной*. Подобные факты известны, конечно, многим наблюдательным людям. Они достойны внимания и лингвистов, и психологов. Это целый мир общения человека с природой, нетрудно увидеть здесь и стремление противостоять урбанизации, суете городской жизни. Зоонимической системе в целом свойственна большая, чем в других классах собственных имен, свобода выбора имени.

Литература: 1. Архипов Г. А. Зоонимы одного колхоза // Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск, 1976. 2. Баскаков Н. А. Клички собак у каракалпаков // Ономастика Средней Азии. М., 1978. 3. Дубова Н. Г. Некоторые особенности кличек охотничьих собак // Вопросы ономастики. Вып. 14. Свердловск, 1980. 4. Рядченко Н. Г. Из наблюдений над русской зоонимией // Русская ономастика. Одесса, 1984. 5. Смирнов А. А. Из зоонимии Горьковской области // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971. 6. Толстой Н. И. Заметки о славянских именах собственных // Топономастика и транскрипция. М., 1964. 7. Фельде Г. Ф. Зоонимы Тюлькубасского района Чимкентской области // Этнография имен. М., 1971. 8. Фонаякова О. И. К семантической структуре псковских зоонимов // Псковские говоры. Л., 1979. 9. Фонаякова О. И. О взаимодействии литературной и диалектной лексики в зоонимии // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1984.

Н. Г. Рядченко

И

ИВАН — широко известное русское личное имя. «В старой русской деревне имя Иван носили 16—25 процентов всех крестьян — каждый пятый был Ивановом» [1,12]. В послереволюционный и послевоенный периоды степень употребительности этого имени заметно снижается, и в настоящее время оно входит уже в разряд нечастых мужских имен.

В русский именной проникло из церковного календаря (святцев). Представляет собой фонетически освоенный народной речью вариант канонического имени *Иоанъ (Иоаннь)* из церковнославянского языка, куда оно попало из греческого. Гр. Ἰωάννης от др.-евр. ʾĪḥānān 'Ягве (бог) смилостивился'. Церковнославянский вариант антропонима *Иоанн* в дореволюционное время часто выступал как обязательная для актов гражданского состояния форма данного канонического имени.

Ввиду широкого распространения, имя *Иван* в русском языке приобрело способность употребляться с различными дополнительными значениями, выступая в функции вторичного, ассоциативно-образного именованья людей, чаще русской национальности. Отмечены такие случаи «переносного» употребления имени *Иван*:

1. Русский человек вообще, русский народ (иногда в сочетании с прилагательным *русский*): «Россия вся единый Иван...» (*В. Маяковский*. 150 000 000); «Я разозлился на самого себя и вместо модного в то лето джинна с тоником заказал тройную водку и махнул ее залпом — дескать, русский я Иван, удивляйтесь моей богатырской силе» (*В. Аксенов*. Ожог).

2. Простой человек, человек из простонародья; простак; малообразованный человек; недалекий человек: «Хотя и есть пословица, что на Иване далеко не уедешь, однако ж этот постоит за себя и своих...» (*И. Лажечников*. Ледяной дом); «Николай канителит. Иван по-прежнему настоящий Иван» (из письма А. Чехова. 4 янв. 1886 г.). В последнем случае имеет мес-

то своеобразный «антропонимический каламбур», основанный на игре прямого и переносного значений в антропониме. Ср. еще: «Пусть он будет Иваном, но зато у него «рука» [т. е. влиятельный заступник] есть» (из разговорной речи).

3. Самостоятельный человек, хозяин; вообще — положительно характеризующийся человек. Ср. в народных говорах, поговорах и пословицах: *Млад, да Иван, стар, да Иванька*; *Строить из себя Ивана* (т. е. важничать); *Велика Федора, да дура, а Иван мал, удал*; *Ни в городе Иван, ни в селе Селифан*.

4. Русский солдат; солдат Советской Армии: «люшко стало неминное там, где Иван прошага» (Ф. Чуев. Афганцам XXI века).

5. Обобщенное прозвание русского, любого человека из России или СССР, а также самой России некоторых народов нашей страны или зарубежных стран. Так называют Жилина, героя повести Л. Тостого «Кавказский пленник», татарин и его дочь. еще в «Очарованном страннике» Н. С. Лескова: это по-татарски. У них все если взрослый русский человек — так Иван, а женщина — Наташа, а мальчик — они Кольками кличут...» (герой повести Иван Северьянович находился в плену «у киргизов»). Ср. еще: «Даже удивительно, что этим высокомерием к бывшим еще со времен Екатерины II соседям одержимы нередко люди, которые ведь сами не так давно на оккупированных территориях хлебнули участи изгоев, были в положении гонимых, презираемых «иванов»...» (Известия. 1990, 31 марта). В прошлом веке, по свидетельству В. А. Гиляровского, крупных грабителей и налетчиков в Москве называли «иванами»: «В старину их называли «иванами», а впоследствии — «деловыми ребятами» («Москва и москвичи»).

Благодаря широкому кругу своих значений личное имя *Иван* часто встречается в русской народной фразеологии и ботанической терминологии. Так, в XIX в. получает распространение условное фразовое имя *Иван, не помнящий родства*; *Не помнящий родства Иван*; *Иван Непомнящий*, употреблявшееся в официальных документах для лиц, забывших свое именование или намеренно его скрывающих. Ср. в «Мелочах

жизни» М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Ввиду тумана, окутывающего его прошлое, его обыкновенно называют Иваном Непомнящим». А. П. Чехов приводит прошение бродяги: «Его высокопревосходительству господину начальнику острова Сахалина. Удостоверение поселенца Тымовского округа, селения Рыковского, не помнящего родства Ивана, 35 лет. Что я, Непомнящий, принял законное бракосочетание на поселке Резниковой Марии в прошлом 1888 году 12 ноября («Остров Сахалин»). В настоящее время выражение *Иван, не помнящий родства* употребляется в переносном значении — 'лишенный чувства родины'.

Иваном Елкиным в прошлом веке назывался кабак, который по обычаю ставят елку» [2, 647]. Трава этой, или копорский чай, копорка, назывался еще *иван-чаем* (в вологодских говорах — *иванов чай*). «Он на подмеску чаев, обще со спитым чаем, из гослиц» [3,1]. Ср. еще: «— А то бывает копорский — Есть и копорский, только он не настоящий. Настоящий чай в Китае растет» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина). Копорский чай (копорка, *иван-чай*) по качеству приравнялся к *кантонке* (от *Кантон*, старого названия китайского города Гуанчжоу). Ср.: «— Пробовал ли ты, Зиновий Алексееч, эту кантонку? — Доводилось, — ответил Доронин. — Брандахлыст, — решил Марко Данилыч. — Почти одно, что наша копорка, — заметил Доронин» (П. И. Мельников-Печерский. На горах. Здесь же авторское примечание: «Его собирали, сушили преимущественно в Петербургской губернии и смешивали с кяхтинским чаем. Такая подделка строго преследовалась»). Копорский чай, или *иван-чай* (ср. другие варианты названия: *иван кочкин, иван-трава, трава иван*), еще во второй половине прошлого века изготавливали для продажи «местами тысячами и десятками тысяч пудов, например в Ржеве и пр.» [4,85]. О низком качестве *иван-чая* свидетельствует и приведенная В. И. Далем поговорка: *Иван плох и в чаях* [3,1]. Таким образом, *Иван-(или иванов) чай* — это напиток бедняков и простолюдинов — *Иванов* (ср. приведенное выше созначение антропонима *Иван* 'простой Человек, человек из простонародья').

Антропонимное словосочетание *Иван да Марья* в народной речи, фольклоре выступает со значением 'мужчина и женщина', 'муж и жена, супружеская пара' (как правило, крестьянская), а также как условное обозначение 'мужского' и 'женского' начал — в народной ботанической терминологии (*иван-дамарья*). Человек высокого роста в народе получает прозвище *Полтора-Ивана*. В диалектах имеются слова, производные от имени *Иван* в его переносном значении — 'самостоятельный, всеми уважаемый человек'. Это глаголы *иванить* 'превозносить себя' (*строить из себя Ивана*, т. е. важничать), *иваниться* 'модничать, форситься', 'задаваться, превозносить себя, ломаться' [5, 53, 55].

На основе высокочастотного имени *Иван* сложились не только отчество *Иванович* и фамилия *Иванов*, но и антропонимные формулы *Иван Иванович* и *Иван Иванович Иванов*, в которых в свою очередь развились различные добавочные значения, за счет которых значительно расширилось предметно-понятийное содержание данных антропонимных единиц.

Антропоним *Иванович* (разговорная форма — *Иваныч*) употребляется как условный заменитель всякого отчества в сочетании с полным личным именем, в современном языке равноценный квазиотчеству (украинского происхождения) *батькович* (*Батькович*), ср. у С. Антонова в рассказе «Васька»: «Я тебя, Маргарита батьковна, не для своего, а для твоего удовольствия пригласил»; «Ну, как вы поживаете, Имярек Иваныч?» (*И. С. Тургенев*. Нахлебник. Имя и отчество персонажа рассказа Кузовкина, которому адресовано обращение, — Василий Семенович); «Хорошо жить, пока ты Кузька. Только станешь Кузьма Иванович — сразу кидает в задумчивость» (*В. Белов*. Бухтины вологодские). В дореволюционное время в народной речи *Иванович* (*Иваныч*) выступало и как условное отчество, которое прибавлялось к именам иностранцев, долгое время живших в России. Люди низшего сословия в этом случае могли получать «полуотчество» *Иванов*. Например, возлюбленная А. В. Сухова-Кобылина модистка Луиза Симон-Деманш, убитая в 1850 г. ее слугами, крепостными писателя, в следственном поли-

цейском протоколе именовалась как Луиза Иванова Симон-Деманш (она не была дворянкой). «Обобщающее» отчество *Иванович (Иваныч)* входит в состав фамильно-пренебрежительного выражения *шут Иванович*, или *Иваныч* (вариант: *черт Иванович*; в русских говорах слово *шут* употребляется и со значением 'черт, нечистая сила'): «Ты что же это, Шут Иванович, на репетицию не приходил?» (А. П. Чехов. Актерская гибель).

Широко распространенная в прошлом двукомпонентная антропонимная формула — *Иван Иванович* в русском языке XIX—XX вв. получила следующие значения:

1. Некто; всякий мужчина (чаще русской национальности): «Но теперь оперетка грозила плохим, и уже не шароварам, не московским, не Ивану Ивановичу какому-нибудь, а грозила она самому Сергею Ивановичу Тальбергу» (М. Булгаков. Белая гвардия); «Получалось, что виноваты некие Иваны Ивановичи, руководившие конкретными ведомствами» (Известия. 1990, 17 февр.).

2. Уважаемый в определенной социальной среде человек; признанный авторитет: «А есть молодцы: кругом шестнадцать, или кругом Иван Иваныч, значит весь в клеймах» (С. Турбин и Старожил. Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки. СПб., 1872; очерк «От Тюмени до Омска»). Это значение и сам фразеологизм *кругом Иван Иваныч* уже утрачены.

3. Влиятельное, «значительное» лицо, важная персона (нередко в сочетании с местоимением *сам*): «...Из законченных следствием дел суды зачастую отбирают дела Иванов, но не Иван Ивановичей...» (Огонек. 1988. № 48).

4. Политический заключенный из интеллигентов, осужденный по 58-й статье (в воровском жаргоне): «Такая деятельность носила массовый характер — предметом постоянной особой ненависти воров в лагере всегда была интеллигенция из заключенных — «Иваны Ивановичи» (В. Шаламов. Жульническая кровь).

5. Условное русское имя иностранца, долго проживавшего в России; «почетное или шуточное имя и

отчество немцев, а еще более калмыков, кои всегда отзываются на кличку эту, как чувашаи на зов: Василий Васильевич» [3, 1]; «Первые русские рельсы, по которым промчалась Россия, были прокатаны в Юзовке [ныне город Донецк], где англичанин Джон Юз владел угольными копаниями. Хотя этот Юз и просил называть его «Иваном Ивановичем», но русский язык он так и не освоил» (*В. Пикуль. Ртутный король России*); «Еврейкой прозвали в Кишиневе Марию Егоровну Эйхфельдт, урожденную Мило, жену обергауптмана Ивана Ивановича» (*П. К. Губер. Донжуанский список Пушкина*).

В антропонимной формуле *Иван Иванович Иванов* трехкратное повторение типовой основы *Иван* — усиливает ее восприятие как типично русской. Отмечены следующие созначения, развившиеся в данной трехсоставной формуле имени:

1. Некто из русских (условное именование всякого русского): «Но неужели, если пермяк Иван Иванович Иванов, будучи в командировке в Одессе, опустит пермские автобусные билетки в одесскую автобусную кассу, то тем самым наносит ущерб местной экономике?» (*Известия. 1984, 21 окт.*).

2. Обыкновенный, ничем не выделяющийся человек. «Он [Чехов.— *Е. О.*] вышел из своего рабочего кабинета...— Я действительно пишу и непременно напишу драму,— сказал он,— «Иван Иванович Иванов»...Понимаете? Ивановых тысячи... обыкновеннейший человек, совсем не герой...» (*В. Г. Короленко. Антон Павлович Чехов*).

Кроме того, трехсоставная формула *И.И.И.* в образцах официальных документов может выступать как условное обозначение всякого человека, независимо от его национальности, как, например, в образце избирательного бюллетеня по выборам народного депутата СССР 14 мая 1989 г., опубликованном в печати.

Л и т е р а т у р а: 1. Никонов В. А. *Имя и общество. М., 1974.* 2. Михельсон М. М. *Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии // Сб. образных слов и иносказаний. СПб., 1903—1904.* 3. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка. 4. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XI^а. СПб., 1894.* 5. *Словарь русских народных говоров. Л., 1977.*

ИВАНОВ — широко распространенная среди русских фамилия. Акцентный вариант *Ива́нов* в дореволюционное время был характерен для представителей дворянского сословия.

Не только у русских, но также у иностранцев антропоним *Иванов* воспринимается как типичная русская фамилия, как, например, для англичан — *Смит*, для поляков — *Ковальский* и т. д. Отсюда способность антропонима *Иванов* употребляться в значении 'всякий русский', как условное именование русского, лишаящее его индивидуальности, замещающее реальную фамилию. Например: «Если взрослый, душевно и умственно здоровый присяжный заседатель убежден, что этот потолок бел, что Иванов виновен, то бороться с этим убеждением и победить его не в силах никакой Демосфен» (А. Чехов. Сильные ощущения); «Правда, впоследствии они [американцы. — Е. О.] стали взбрыкивать: «Нет, Иванов визу не получит». Но мы почти всегда находили с ними общий язык, заявляя: «В таком случае и ваш Смит нам не нужен» ('Аргументы и факты'. 1991. № 41).

Ср. еще отношение к названию пьесы А. Чехова его современников, остро почувствовавших это смысловое «наращение» в антропониме *Ива́нов*. Название пьесы «Иванов» А. Н. Лесков охарактеризовал как «обобщающее, самое родовое». Сохранилось интересное свидетельство В. А. Гиляровского: «Вот что об «Иванове» рассказывал мне брат Антоши Иван Павлович: — Я носил пьесу в театр Корша. Понравилась. Потом как-то зашел я на репетицию и застал в буфете бенефицианта Светлова и Градова-Соколова. Светлов ругательски ругал пьесу: «Какая это пьеса для бенефиса? Одно название чего стоит — «Иванов». Кому интересен какой-то Иванов? Никто не придет». — «Нет, брат, ошибаешься, — возразил Градов-Соколов. — Во-первых, автор — талантливый писатель, а во-вторых, название самое бенефисное: «Ива́нов» или «Ива́нову». Каждому «Ива́нову» и «Ива́нову» будет интересно узнать, что такое про него Чехов написал. И если только одни Ивановы придут — у тебя уж полный сбор обеспечен» («Жизнерадостные люди»).

В сочетании с фамилиями *Петров* и *Сидоров* (или

в противопоставлении им) выступает как условное обозначение группы людей чаще русской, реже — нерусской национальности. Данное антропонимное словосочетание может быть трехкомпонентным (*Иванов, Петров и Сидоров*) и двухкомпонентным (*Иванов и Петров, Петров и Иванов*): «Что значит: режиссер в состоянии атаки? Атаки не на начальника, не на Иванова-Петрова-Сидорова, не на правительство; он в состоянии атаки на то искусство, которое отрицает» (Огонек. 1989. № 41); «Где дворцы княжеские и графские? Чьи они? Петровых да Ивановых» (*А. Н. Островский*. Бешеные деньги).

Антропонимная триада *Иванов, Петров и Сидоров* в русском языке сложилась к началу XX в. В XIX в. с антропонимом *Иванов* для условного обозначения группы лиц русской национальности сочетались и другие фамилии. Например: *Ивановы, Федоровы, Гавриловы* (*М. Е. Салтыков-Щедрин*. Старческое горе, или Непредвиденные последствия заблуждения ума); *Ивановы и Гавриловы* (там же); *Ивановы, Петровы, Никитины* (*С. Надсон*. Дневник 1876 г.).

Е. С. Отин

ИВАН-ОЗЕРО — озеро в верховье Дона, между Тулой и Елифанью, исток р. Шат, правого притока Упы, правого притока Оки. В XVI—XVII вв. считалось, что из него вытекают две реки — Дон и Шат. Ср. в «Книге Большому чертежу» (1627): «Рѣка Донъ вытекла изъ *Иваня озера*, отъ Дѣдилова версть съ 30, и потекла подъ Елифань. Да изъ того жъ *Иваня озера* потекла рѣка Шать и пала въ рѣку въ Упу выше города Тулы версть съ 8 и больши». Представление об Иван-озере как об истоке Дона повлияло на его возмечивающее именование в казачьих песнях: *Дон Иванович*. Аналогично река Яик, переименованная в 1775 г. Екатериной II в Урал, по той же причине (берет начало в отрогах хребта Уралтау) в речи уральских казаков называется *Яик Горыныч* (*Горынович*) или просто *Горыныч* [1, с. 29]. В объяснении нуждается первая часть топонима, тождественная с личным именем *Иван*. Употребление этого компонента после геогра-

фического термина встречается крайне редко, например: «около озера *Ивана*» [2, с. 22]. Форма гидронима в «Книге Большому чертежу» свидетельствует, что в своей начальной части он имел уже разрушенную (утратившую окончание среднего рода) форму притяжательного прилагательного с так наз. «йотовым суффиксом» (-je). На притяжательное значение определяющей части составного гидронима прямо указывает существование в конце XVI в. варианта названия озера, в котором прилагательное имело суффикс -ov(o): на карте России фламандского картографа Г. Меркатора, составленной в 1594 г., имеется надпись *Iwanowo Jezioro*. [3]. Примечательно, что неподалеку находится и другой посессивный топоним со следом «йотового суффикса» (мягкостью конечного согласного) — название населенного пункта *Епифань* (от мужского личного имени *Епифан*).

Рядом с озером возникло поселение с омонимичным названием *Иван-Озеро* (в XIX в. имело еще вариант: село *Иваново*), появившимся благодаря переносу названия водоема на сопредельный объект — селение (топонимическая метонимия). Отмечены случаи расподобления этих названий. В некоторых источниках второй половины XIX в. названия села и озера структурно различаются: водоем *Иван-озеро* — село *Иваново*, но чаще: село *Иван-Озеро* — водоем *Ивановское озеро*. В последнем случае изменилась (приобрела противоположную направленность) мотивировка номинации: название водоема производится уже от названия села как социально более важного объекта. Однако процесс этот в дальнейшем не получил завершения, и тождественность лимнонима (названия озера) и ойконима (названия селения) сохраняется и в наши дни.

На картах России XVI в., составленных европейскими картографами, лимноним передается как с географическим термином, так и без него: *Iuan ožera* (карта России Дженкинсона из атласа “*Spiegel der Werelt*” П. Гейнса. Антверпен, 1583); *Ivan* (карта России С. Мюнстера из латинского издания «Космографии», 1559); *Ioanis* (на карте З. Герберштейна, 1546). Рядом с этим латинизированным вариантом русского

личного имени находится надпись *Tanais fontes* 'источник, начало Танаиса' (Дона).

На некоторых картах XVI в. у истока Дона помещено другое название, в состав которого входил народный географический термин *плота*. Так, на карте С. Мюнстера из его «Космографии» 1544 г., а также на карте России Антония Вида (оттиск 1570 г. с карты, составленной в 1537 г.) обозначено озеро *Ploto*; надпись *Ploso lago* (лат. *lacus* 'озеро, пруд') имеется на карте юго-западной России Я. Гастальдо 1562 г. Возможно, это было какое-то другое (более раннее?) название Иван-озера или водоема вместе с вытекавшим из него через заболоченный овраг ручьем, дававшим в старину начало Дону. Слово *плота* и сейчас в южнорусских народных говорах имеет значения 'лог', 'овраг' и 'болото' [4, с. 44]. В настоящее время истоком Дона считается овраг Урванка. Между ним и Иван-озером еще в начале нашего века существовала слабозаболоченная равнина [5, с. 19].

Литература: 1. Малеча Н. М. Сборник словарных статей территориального диалекта уральских казаков. Уральск, 1960. 2. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 4. Тульская губерния. СПб., 1852. 3. Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып. 1. Киев, 1899. 4. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 5. Позднышев В. Верховья реки Дона в Тульской губернии. Тула, 1903.

Е. С. Отин

ИОАНН ГЛАЗАТЫЙ — нижегородец XVI в. (годы рождения и смерти неизвестны), был священником, т. е. для своего времени достаточно образованным человеком. Около 1529—1532 гг. он попал в плен к татарам и оказался в Казани, здесь принял ислам, заслужил доверие местного хана Сафа-Гирея, жил около 20 лет при ханском дворе в большом почете и занимался научными изысканиями по истории Казанского царства. После покорения Казани Иваном Грозным в 1552 г. Иоанн Глазатый вернулся на родину и вновь перешел в православную христианскую веру. Есть убедительные предположения, что в казанском плену он был тайным московским агентом, своей научной деятельностью прикрывал разведывательную и вер-

нулся из плена лишь после выполнения полученного от Москвы секретного задания. По возвращении на родину Иоанн Глазатый на основе своих знаний по истории Казанского ханства написал «Сказание, сиречь историю о начале царства Казанского, и о бра-нех и о победах великих князей московских со цари казанскими, и о взятии царства Казани, еже ново бысть». В науке это произведение сокращенно именуется «Казанская история», «Казанский летописец» или «История о Казанском царстве».

И. Г. указан как автор названного памятника в одном из наиболее древних списков — Соловецком. Его авторство признавали В. Н. Татищев, Н. И. Новиков, К. Н. Бестужев-Рюмин, Д. И. Иловайский.

В прошлом некоторые исследователи (Д. Н. Альшиц, Г. З. Кунцевич, Г. Н. Моисеева и др.) высказывали сомнение или в том, что автором «Казанской истории» был Иоанн Глазатый, или в том, что он принадлежал к духовенству, или в том, что он был в плену у казанских татар. Теперь, после исследований Н. В. Водовозова, этот скепсис уже изжит.

Специалисты по русским письменным историческим источникам и по истории русской литературы нередко думают, что территориально-диалектное происхождение «Казанской истории» неизвестно. Д. Н. Альшиц допускает, что она написана в Москве, а Г. Н. Моисеева — в Троице-Сергиевой лавре. Последние два мнения как будто позволяют предполагать в авторе «Казанской истории» москвича или жителя Подмосковья. Однако стоит вчитаться в текст этого произведения — и становится ясным, что его автор был родом из Нижегородского Поволжья. Во-первых, Иоанн Глазатый описывает такие подробности нижегородской истории XVI столетия, каких в других источниках этого времени не имеется. Во-вторых, он вообще Нижний Новгород упоминает чаще других русских городов и даже Казань сравнивает с Нижним Новгородом: «Казань,— сказано в Соловецком списке «Казанской истории»,— продолжающийся в длину с единого Нова града Нижнего на восток по обою странам великия реки Волги». Кроме того, в древнейших списках «Казанской истории» (академическом и Ру-

мянцевском) есть любопытный рассказ о мучении некоего нижегородца Иоанна, попавшего в плен к казанским татарам во время их набега на Нижний Новгород 24 января 1529 г. и доставшегося в качестве раба дядьке казанского хана Амишкурю. Этот Иоанн якобы был обезглавлен за отказ стать мусульманином, но якобы чудесно воскрес, взяв в руку отрубленную голову, и жил после этого еще целый день. Скорее всего, описание этого чуда — иносказание автора «Казанской истории» о том, как он сам погубил свою христианскую душу, перейдя в ислам.

О пребывании создателя «Казанской истории» в татарском плену тоже есть и прямые и не менее существенные косвенные свидетельства в самом памятнике. В пользу секретной разведывательной миссии Иоанна Глазатого говорит то, что он, по его собственным словам в тексте «Казанской истории», когда вернулся из плена, не только не был наказан за веротступничество, а, напротив, получил от Ивана Грозного награду в виде земельного надела. Не исключено даже, что Иоанн Глазатый и прозвище *Глазатый* получил не просто за свою наблюдательность или за какие-то внешние признаки глаз, а именно за удачное выполнение тайной миссии в Казани.

Анализ текста «Казанской истории» позволяет считать, что Иоанн Глазатый обладал обширной научной эрудицией, в частности хорошо знал восточнославянское летописание XVI и предшествующих веков и устное народное творчество, был русским патриотом. Вместе с тем изучение «Казанской истории» показывает, что Иоанн Глазатый обладал незаурядным талантом писателя-публициста. Он едва ли не первый из мастеров слова Московского государства XV—XVII вв. сумел в своем литературном творчестве органично соединить приемы летописания, житийных (биографических) и военных повестей и устной поэзии и добиться высокой художественной выразительности на этой основе — в противовес высокопарному «плетению словес», господствовавшему в русской литературе предшествующего периода. Высокая культура художественной речи Иоанна Глазатого, проявившаяся в его «Казанской истории» и, по авторитетно-

му мнению историка древнерусской литературы Н. К. Гудзия, явно не связанная «с установившимися трафаретами московских книжных центров», была отражением общего подъема русской языковой культуры в Нижегородском Поволжье второй половины XVI в.

Литература: 1. Водовозов Н. В. Предисловие [к публикации] // Сказание о царстве Казанском. М., 1959. 2. Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. 3. Моисеева Г. Н. Автор Казанской истории // Труды Отдела древнерусской литературы АН. Т. 9. 1953. 4. Русинов Н. Д. Автор «Казанской истории» // Горьковский рабочий. 1986. № 255.

Н. Д. Русинов

ИРТЫШ — река, левый приток Оби, берет начало в Китае, в горах монгольского Алтая и протекает по территории Казахстана и России (Восточно-Казахстанская, Семипалатинская, Павлодарская, Омская и Тюменская области), длина — 4248 км, площадь бассейна — 1643 тыс. км². Правые притоки — Кальдшир, Курчкун, Нарым, Бухтарма, Ульба, Уба, Омь; левые — Кызылсу, Чар, Ишим, Тобол. До впадения в о. Зайсан называется *Черный Иртыш*. В верхнем течении И. зарегулирован водохранилищами Бухтарминской и Усть-Каменогорской ГЭС; используется для водоснабжения, орошения, питает канал Иртыш — Караганда: судоходен на 3784 км от устья, навигация — с мая по октябрь. На Иртыше расположены города Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар, Омск, Тобольск, Ханты-Мансийск. Средний расход воды в устье — 2830 м³/с, у Тобольска — 2150 м³/с.

Этимология названия *Иртыш* (др.-тюрк. *Эртиш*, монг. *Эрчис*, манс. *Ени-Ас*, хант. *Тангат*, *Лангал*) остается дискуссионной. Версия о связи названия р. Иртыш с каз. *ир* 'земля', *тыш* 'рыть' (ср.: баш. *Ыртыш* 'рвущий', 'разрывающий') ввиду логического несоответствия (Иртыш — равнинная, спокойная река) все менее находит сторонников. Заслуживает внимания точка зрения А. П. Дульзона, поддержанная В. Н. Поповой, которые выделяют в ониме Иртыш сегмент *-тыш/-тиш*, восходящий к кетским диалектам с огласовкой *-чеш*, *-шеш*, *-сис*, *-сес* с общим значением 'река'.

Инициальный сегмент *-ир* этими авторами связывается с докетским (иранским) корнем со значением 'бурный', 'стремительный', что согласуется с характером водотока реки в ее верхнем течении. В гидронимии автохтонного населения Западной Сибири — селькупов, угров, тюрков, кетов — речные названия с финалью *-ас* (варианты *-су*, *-сы*, *-сос*, *-сас*, *-сес*, *-сис*, *-цыс*, *-шиш*, *-чис*) относятся к числу достаточно распространенных, что дает возможность предполагать их генетическое родство, как и позднее — иранско-кетскую модификацию *ирсес* (*ирчес*) *ирцис* в тюркизированной *эртиш* (*иртяш*) *иртыш*.

Л и т е р а т у р а: Попова В. Н. К этимологии гидронима Иртыш: Языки и топонимия Сибири. Томск, 1970.

Н. К. Фролов

ИСЕТЬ — река, левый приток Тобола, протекает по территории Свердловской, Курганской и Тюменской обл. Длина — 606 км, площадь бассейна — 58,9 тыс. км²; средний расход воды — 70 м³/с, судоходна от г. Шадринска.

Название *Исеть* остается не раскрытым. Правомерна гипотеза о генетическом родстве уральских речных терминов *-сос*, *-сэс*, *-сес*, *-сет* 'река' с известным историческим чередованием *с/т* в начале слова. Протеза *и*, как и смягчение конечного согласного, могла быть обусловлена тюркской модификацией при включении имени *Исеть* в гидронимический ряд *Ис*, *Ирсеть*, *Ишеть* и под.

Н. К. Фролов

ИШИМ — река, левый приток р. Иртыша: берет начало в горах Нияз, протекает по территории Казахстана и России; длина — 2450 км, площадь бассейна — 177 тыс км², средний расход воды у села Викулово (215 км от устья) — 56,3 м³/с; замерзает в начале ноября, вскрывается в апреле-мае. Основные притоки — Колутон, Шабай, Акканбур-лук. На Ишиме — Вячеславское и Сергиевское водохранилища, вода широко используется для водоснабжения и орошения. Судоходство вверх по реке от г. Петропавловска на

270 км и от с. Викулово до устья. На Ишиме — города Целиноград, Державинск, Есиль, Петропавловск, Ишим.

Происхождение гидронима *Ишим* в народных татарских преданиях связывается с личным именем одного из легендарных предводителей тюркских кочевников до монгольского нашествия — *Ишим (Ишимбай)*, как и названий рек *Иртыш* (от *Иртышак*), *Исеть* (от *Исет*). В краеведческих материалах XIX в., оним *Ишим* соотносится с татарским глаголом *иши-мак* 'валить, размывать, обрушивать берега', что не противоречит реалии. Вместе с тем в диалектах местных татар, генетических тевризцев, засвидетельствовано слово *ишим* 'излучина', что соответствует гидрографии многочисленных проток, образуемых разливом реки и извилистостью ее русла на всем протяжении.

Н. К. Фролов

ИШИМ — город в Тюменской области на левом берегу р. Ишим. Основан в 1631 г. под названием *острог Коркина*, с 1670 г. — *слобода Коркина* (с. Коркинское); при открытии Сибирского наместничества в 1782 г. переименована в г. Ишим. Ж-д. станция, заводы «Ишимсельмаш», ликеро-водочный, обувная и ковровая фабрики, мясокомбинат, пединститут.

Н. К. Фролов

К

КАЗЫМ — река, правый приток Оби, протекает по территории Тюменской области, длина — 659 км, площадь бассейна — 35,6 тыс. км², средний расход воды у пос. Казым — 267 м³/с; судоходна на 250 км от устья. Бассейн реки К. — место древних кочевий казымских ханты. В «Книге Большому чертежу» 1627 г. отмечено: «Пала в Обь реку с востоку Казым река, протоку тое реки 480 верст». Название, видимо, вос-

ходит к обско-угорскому слову *кас* 'утка-крохаль' — родовой тотем части западных ханты, т. е. гидроним *Казым* 'утиного рода река'.

Н. К. Фролов

КАМАРИНСКАЯ ВОЛОСТЬ. Название *Камаринская*, относящееся к плясовой песне, импровизированной сольной мужской пляске и инструментальному произведению (наигрышу), происходит от *Комарицкой волости* (она же *Камарицкая*, *Каморицкая*, *Камарницкая*, *Камаринская*, *Комаровская*). В XVI—XVII вв. волость занимала весьма обширную территорию на юге Московского государства, теперь это территория на стыке Брянской, Курской и Орловской областей.

Разные варианты названия *Комарицкой волости* породили не одну гипотезу происхождения наименования этого славного русского уголка земли. Так, орловский историк Г. М. Пясецкий полагает, что *Комарицкая волость* или *Камаричи* получили свое название от куста слов *камара*, *камор*, *камора*, *комора*, *камера* в значении 'особая комната, кладовая, хранилище, сокровищница, казна, казнохранилище', где вначале литовские и польские короли, а затем московские цари хоронили (прятали) доходы, поступавшие от владения этой волостью [1, с. 136].

Т. А. Мартемьянов, первый исследователь плясовой песни «Камаринская», считает, что это название от *каморник*, *каморники*. Так называли людей, не имевших своих домов и живших в чужих избах и каморах. К их числу относили сторожей, истопников, работников в доме, занимавших каморки. Комарицкая волость, вследствие усиленной колонизации по укреплению южных границ Московского государства, проводимой особенно активно по велению царя Ивана Грозного, была краем бездомников, бродяг. Волость, по его мнению, «кишеда каморниками, и им, вероятно, она обязана своим названием» [2, с. 165].

В. Н. Семенкович, со ссылкой на известного в прошлом собирателя народных песен Н. М. Лопатина, считает, что название песни *Камаринская* произошло

якобы от того, что «и темп песни, и поющие ее прыгают, как комары» [3, с. 382].

«Комариная» основа в некоторых формах названия волости бытует и сейчас. Р. С. Рогонова по этому поводу замечает: «Одна из таких форм (*Комаровская*) породила народную этимологию, согласно которой название получено волостью по признаку обилия в местности комаров» [4, с. 128]. Такое предположение она справедливо считает неверным уже только потому, что и в других областях тоже много комаров, но нигде более в названиях их обилие не отражено. Отвергая напрочь «комариную» основу в названии легендарной волости, Т. А. Мартемьянов пишет: «Причем тут какие-то комары, когда речь идет прямо о своеобразном народном герое, об исторической личности? Да народ едва ли и допустил бы такое отступление от правил грамматики, как неправильное производство от *комара* — *Камаринской* вместо *Комариной* или *Комаревской*» [5, с. 812].

Тем же Г. М. Пясецким в начале 70-х гг. XIX в. была выдвинута другая гипотеза о происхождении названия *Комарицкая волость*. Известно, что по ее территории протекает р. Марица, некогда очень полноводная, а ныне обмелевшая и превратившаяся в ручей. Беря во внимание тот факт, что имена рек издавна использовались для названия населенных пунктов, Пясецкий предположил: «От Марицы, по всей вероятности, получила свое название и волость *Комарицкая*, и самый город *Комарск*» [6, с. 1643]. Эта гипотеза, высказанная осторожно, была принята за основу и обоснована уже в наши дни Р. С. Рогоновой [7, с. 127—130]. По мнению Рогоновой, наименование *Комарицкая* образовалось с помощью приставки *ко-*, подобно прилагательному *кобеднешний*. Общим значением является указание на близость понятий: «прилегающий к Марице» и «относящийся к обедне».

Само же название р. Марицы Рогонова, со ссылкой на Э. М. Мурузева (см.: Словарь народных географических терминов), связывает со словом *море*, которое в древности обозначало в равной степени и большой водоем, и широкую реку, и болото. Аписание собственного имени Марица с *а*, а не с *о* в пер-

вом слогe она объясняет отражением в произношении южнорусского аканья.

Но название реки уже тогда записывалось не только с *a* в первом слогe, но и с *o*. Нам посчастливилось найти документ, где название р. Марица записано не с *a*, а с *o* в первом слогe. Отсюда, видимо, встречается и вариант записи *Коморицкая волость*.

Название *Коморицкая* с *o* во втором слогe, надо полагать, тоже исходит от наименования упомянутой реки, но с другим произношением — *Морица*. На бытование реки с таким названием указывают письменные источники XVII в., один из которых был обнаружен еще в 1895 г. Г. Пясецким на заседании Орловской ученой архивной комиссии. Документ с длинным названием: «Выпись с книг письма и меры Ивана Ивановича Вольнского да подьячего Петра Горемыкина», датированный 1631 г., знакомит нас с составом служилых людей города Севска (бывшего «камариинской столицею») с их земельными наделами. Севск, он же Комарск [8, с. 1320], — оплот бунтарей и самозванцев, подвергнутый разорению и запустению, пришлось Московскому правительству вновь заселять служилыми людьми. В «Выписи...» не раз упоминается речка Морица, вверх по течению которой всем стрельцам и казакам были выделены земельные наделы. Они простирались от «Севска по правую сторону от пушкарских гумен да ямскою межею в Лемешево болото да болотом Лемешевым в верх да в речку Морицу да речкою Морицею на низ до пушкарских же гумен...»

Таким образом, каждый исследователь, затрагивая вопрос о названии Камариинской волости и учитывая местные названия, исходит из ассоциаций, возникающих у него от произношения этих названий. Все это позволяет ему вкладывать в этимологию слова свое понятие и основу. Не случайно поэтому одни считают, что название волости произошло от *камеры* (комнаты, казны), другие — от засилия комаров и третьи — по названию местной реки Ма(о)рицы.

Литература: 1. Пясецкий Г. М. *История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. Орел, 1899.* 2. Мартеньянов Т. А. *Правда о «Камариинской» и «Барыне»: История двух на-*

родных песен // Исторический вестник. СПб., 1900, окт. 3. Семенович В. Н. Камаринская и Барыня // Исторический вестник. СПб., 1901, июль. 4. Рогонова Р. С. Камаринская // Русская речь. 1987. № 3. 5. Исторический вестник. СПб., 1901, ноябрь. 6. Пясецкий Г. М. Сведения о городе Севске // Орловские епархиальные ведомости. Орел. 1871. № 22. 7. Русская речь. 1987. № 3. 8. Пясецкий Г. М. Орловские епархиальные ведомости. 1871. № 18. 9. Пясецкий Г. М. Труды Орловской Ученой Архивной Комиссии. Вып. 3. Орел, 1895.

В. К. Галахов

КАНАВИНО — название одного из административных районов современного Нижнего Новгорода по левую сторону р. Оки у впадения ее в Волгу. Площадь — 45 км², население около 160 тыс. жителей (1990 г.). Здесь с 1817 по 1929 г., кроме 1917—1922 гг., проводилась знаменитая Нижегородская Всероссийская ярмарка, бывшая Макарьевская, — «карман России». Она длилась по полтора месяца в году в конце лета — начале осени.

Название *Канавино* вызывает ассоциации со словом *канавы*, и попытки истолковать *Канавино* как производное от *канавы* делались уже в середине XIX в. в нижегородской периодической печати. В действительности *Канавино* — искаженная форма названия *Кунавино*. В нижегородской письменности XVII—первой половины XIX в. теперешнее *Канавино* именуется *Кунавинская слобода* или *Кунавино*, а жители — *кунавинцами*. В свою очередь *Кунавино* — производное от собственного женского неканонического имени *Кунава* (ср. другие старорусские имена на *-ава*, употреблявшиеся до середины XVII в.: *Забава*, *Любава*, *Милава*, *Хорошава* и др.).

Нижегородская легенда рассказывает, что *Кунавой* (в искаженных вариантах — *кумой*) звали жившую по левую сторону устья р. Оки красивую молодую вдову, которая держала возле окского перевоза постоянный двор и получала от него большие барыши, так как умела приворожить постояльцев своими волшебными чарами. Однажды Кунава вскружила голову даже нижегородскому князю-воеводе, да так, что тот забыл свою законную жену, а когда его сын решил вступить за честь матери и убить Кунаву, то она приколдовала к себе и княжича. Далее, как гласит леген-

да, вступилась за свою честь сама воеводская жена-княгиня: достала зелье и отравила им вдову-чародейку. Но за это будто бы воевода задушил свою жену и подоспевшего ей на помощь сына, однако и сам был казнен по велению царя. Эта легенда послужила П. И. Чайковскому основой для написания оперы «Чародейка» (либретто И. В. Шпагинского).

Литература: 1. Гацский А. С. *Кума-чародейка // Легенды, песни и стихи о Нижнем Новгороде. Горький, 1958.* 2. Русинов Н. Д. *Канавино и кума-чародейка // Русская речь. 1979. № 2.*

Н. Д. Русинов

КАСЬЯН ГРЕК — религиозный и культурно-политический деятель Угличского Верхневолжья второй половины XV в., эмигрант из Византии, потомок каких-то князей Манкупских из Мореи, игумен Успенского монастыря на р. Учме в 17 км от г. Углича, в миру Константин. С именем Касьян постригся в монахи в начале 80-х гг. XV в. в белозерском Ферапонтовом монастыре; вскоре после этого по приглашению угличского князя Андрея Васильевича Большого Горяя переселился с группой других ферапонтовских монахов под Углич и здесь в 1483 г. основал Успенский монастырь. С князем Андреем Васильевичем Большим Горяем был хорошо знаком еще до пострижения в монахи, произвел на него большое впечатление своей ученостью и рассудительностью, стал одним из главных советчиков этого князя. Умер Касьян в 1504 г. (год рождения неизвестен), русской православной церковью причислен к лику святых.

В «Житии Касьяна Грека» сказано, что этот Касьян прибыл в Москву в составе свиты Зои (Софьи) Палеолог — племянницы последнего византийского императора и невесты великого московского князя Ивана Васильевича III. Эти сведения проверке не поддаются.

Не исключено, что беседы именно с Константином-Касьяном Греком направляли мысли Андрея Васильевича Большого Горяя в соперничестве с Иваном III превратить Углич в «третий Рим».

Прозвище *Грек* Касьян получил, скорее всего, по-

тому, что был выходцем из Византии или ее колоний, хотя, по мнению А. Н. Ушакова — одного из биографов Касьяна Грека, он был славянином.

Литература: Ушаков А. Н. *Житие Касьяна Грека. Ярославль, 1891.*

Н. Д. Русинов

КИТЕЖ, или **БОЛЬШОЙ КИТЕЖ**, — легендарный город, якобы поглощенный водами оз. Светлояра (Светлого Яра) в северной части Нижегородской обл. около с. Владимирского на Люнде. В городецком Китежском летописце о Китеже рассказано так: будто бы князь Георгий (Юрий Долгорукий), основав Городец, т. е. Малый Китеж, пошел на северо-восток, к оз. Светлояру, и там построил Большой Китеж; в период нашествия кочевников на Русь Батыевы полчища якобы нашли дорогу к Большому Китежу и хотели его захватить, но Бог не допустил этого — город скрылся под водой озера и стал невидимым. В основе легенды, вероятно, лежат какие-то реальные факты. Так, вымышленную постройку Большого Китежа можно связать с основанием в 1221 г. Нижнего Новгорода. Он, как и Городец Радиков, был воздвигнут по велению князя Георгия (Юрия), только не Долгорукого, а его внука — легенда объединила обоих в одном лице. Кроме того, в 40—45 км от оз. Светлояра, около с. Городищи, на р. Ватоме, в XIII—XIV вв. существовала древнерусская крепость, служившая оплотом для окрестного русского населения. Она была обнаружена археологами в 1959 г. А лесная дорога от Городца к оз. Светлояру и от него к Вятке именовалась Ратная Батыева тропа еще в начале XX в. Да и сейчас это название кое-кто еще помнит. Значит, надо думать, что какие-то трагические события на упомянутой дороге у оз. Светлояра в период татаро-монгольского ига на Руси произошли и дали повод для рождения легенды. Сложению ее могло способствовать и то, что Городец (по легенде — Малый Китеж) был дотла razорен одним из отрядов Батыя (а вот, мол, до Большого Китежа ему добраться Бог не позволил).

Легенда о Китеже послужила основой для либрет-

то оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии».

Поскольку Ратная Батыева тропа в XVII в. и в предшествующее время, судя по археолого-этнографическим данным и по нижегородским дозорным книгам 1588 г., шла через земли марийцев, то в названии *Китеж* и в его письменно зафиксированных вариантах *Кидеж*, *Китеш*, *Кидаш* можно предполагать марийское по происхождению слово. Вот одно из вероятных объяснений: марийская глагольная основа *-кют-* 'охранять' или 'пасти' в сочетании с суффиксом *-еж-* могла дать *Кютеж* 'сохраненный', 'хранимый', 'сторожевой' с последующими фонетическими искажениями в русском употреблении. Другое возможное толкование: *кид* — в переводе с марийского — 'рука', марийский суффикс *-иш-* образует отыменные прилагательные со значением 'свойственный объекту, указанному в производящей основе', отсюда *Кидиш* с последующими модификациями имело смысл 'свойственный руке' или 'предназначенный для руки'. При этом нельзя упускать из виду, что *Кидиш* или *Кидаш* могло у марийцев получиться в качестве кальки какого-то не дошедшего до нас древнерусского названия Городца на Волге как крепости, возведенной по приказу Юрия Долгорукого. Это название могло включать в себя корень слова *рука*, так как некоторые Летописи Юрия Долгорукого именуют «сын Мономахъ Юрьи Долгая рука» (Ср.: название Нижнего Новгорода марийцы калькировали словом *Угарман* — из *У* 'новый' и *карман* 'крепость', где *к* перешло в *г* после гласного).

Название *Китеж* (с конечным *-еж*) вполне сопоставимо с названиями реальных поселений на *-еж* в пределах Нижегородского Поволжья: *Вареж*, *Елдеж*, *Рознеж* (по памятникам XIV—XV вв., современное *Рознежье*), *Шалдеж* и др.

Существует мнение, будто название *Китеж* (особенно в применении к Городцу — *Малому Китежу*) связано с наименованием Суздаля и как бы его пригорода — села *Кидекиши* (в XII в. резиденции Юрия Долгорукого). При этом в слове *Кидекиша* видят мерянское или марийское имя *Кидекиш* или *Кидыкиш*, как

вариант указанного *Кидиш*, ссылаясь на то, что в некоторых летописях, например во Владимирском летописце по Чертковскому списку XVI в., *Кидекша* под 1152 г. значитя как *Кидеша* (без *к* после *е*). Далее заключают, что *Кидекша* — это Большой Китеж, Суздаль 'созданный (руками)', а Малый Китеж — это Городец на Волге. Родство названий *Кидекша* и *Китеж* с вариантами не исключено, но для признания переноса названия *Китеж* с Суздаля и *Кидекши* на Городец на Волге нет исторических оснований: ведь Городец не перенял от *Кидекши* или Суздаля каких-либо их специфических функций.

Литература: Кирьянов И. А. Как возникла легенда о граде Китеже // Горьковская правда. 1960. № 37. Комарович В. Л. Китежская легенда. М., 1936.

Н. Д. Русинов

КЛИЧКИ ЛОШАДЕЙ (скаковых и рысистых, в русском коневодстве). Присвоение кличек породистым лошадям в России XIX—XX вв. не было регламентировано ничем, кроме вначале необязательной, но постепенно превратившейся в норму тенденции выражать в имени родственную связь носителя клички с его отцом или матерью (реже обоими). Постоянно присутствующим, хотя и некодифицированным, был также эстетический фактор, под действием которого коневоды старались давать лошадям клички, достойные будущих рекордсменов (*Барс*, *Боец*, *Бравый*, *Могучий*, *Молодецкий* и т. п.).

Однако в результате длительной практики сложилась довольно стройная и, главное, в основном однородная, несмотря на свою разноязычность, система имен, поддающаяся довольно компактному описанию.

Регулярное, почти ежедневное общение лошади с человеком определило богатую имятворческую традицию этой отрасли зооимии и многообразие ее эмоционального компонента. Функциональная необходимость точного именованя лошади была осознана также необыкновенно рано. Хотя в сравнительно недавние времена, отдаленные от нас всего полутора-

двумя веками, в степных табунах паслись безымянные кони. Включение лошади в хозяйственный обиход, при котором происходило выделение ее из безымянного множества, сопровождалось присвоением ей индивидуальной клички.

Громкие имена боевых коней древности и средневековья, которые, кроме звательной и владельческой, имели еще эмоционально-экспрессивную функцию устрашения, были вместе со знаменами, значками, гербами, боевой раскраской, устрашающими деталями воинского снаряжения (рога, крылья и т. д.) средствами психологической войны, рассчитанными на то, чтобы внушить противнику страх перед грозным всадником, деморализовать его и заранее подготовить легкую победу.

Наследницей этой функции клички является нынешняя рекламно-аттрактивная роль, довольно существенная при заключении сделок на аукционах лошадей и немаловажная в обеспечении участникам дерби и конкурсов необходимой рекламы среди игроков и любителей конного спорта.

Эмоционально-экспрессивный характер генофонда кличек орловских рысаков проявляется при семантической классификации имяпроизводящих основ данного корпуса имен [1], их генетической типологии [2] и структурной характеристики [3]. Среди семантических групп имяпроизводящих основ анализируемых кличек можно выделить:

а) немногочисленные названия животных (*Бирюк, Горностай, Куница, Тигр*), среди которых чаще других в период с 1835 по 1876 г. употреблялись *Барс* (11 жеребцов) и *Кролик* (35).

б) названия птиц; некоторые из них могли служить символом красоты и силы (*Кречет, Лебедь, Орел, Орлик, Павлин, Сокол*), большинство — *Бекас, Воробей, Кукушка, Цапля, Чететка* — были результатом уподобления по окраске или манере передвижения или случайными именованьями;

в) названия конкретных предметов, случайные, как *Верстак, Метла, Палаш*, или с предполагаемым символическим облагораживающим значением (*Булат, Комета, Кремень, Пуля, Булава, Ваза, Заноза, Звезда, Звездочка, Гранит, Метеор, Огонь*);

г) названия абстрактных предметов, действий, явлений природы, часто имеющих символическое значение (*Ветерок, Восторг, Вьюга, Гроза, Гром, Дар, Задор, Набат, Отрада, Разгул, Размах, Раскат, Услад*);

д) обширную группу названий лиц по характерному действию, должности, титулу, чаще благородному (*Богатырь, Богач, Вельможа, Вестник, Витязь, Воевода, Воин, Вещун, Волшебник, Ворожей, Знахарь, Кавалер, Колдун, Кудесник, Купец, Лорд, Мамелюк, Механик, Мурза, Партизан, Паша, Работник, Ратник, Стрелец, Стрелок, Старшина, Хан, Чернец, Учитель*);

е) названия лиц по нравственным и физическим качествам: *Бедокур, Буян, Быстролет, Великан, Ветрогон, Волокита, Ворчунья, Воструха, Грубиян, Гуляка, Добряк, Друг, Душенька, Забияка, Космач, Криводушник, Крикун, Клязник, Молодец, Насмешник, Негодяй, Плут, Силач, Соперник, Сорванец, Чаровник, Чародей, Чудак, Чудило, Щеголь* и др.; эмоционально-экспрессивный потенциал этой лексической группы очевиден, знаменательно ее интенсивное использование в качестве кличек;

ж) антропонимы, главным образом иноязычного, античного и вообще книжного и легендарного происхождения (*Агарь, Андромаха, Аякс, Буцефалус, Велитарий, Венера, Галиаф* (так!), *Дафна, Добрыня, Езон, Кудеяр, Ларочка, Любка, Лукулл, Лыбедь, Мак-Магон, Мамай, Нептун, Полкан, Песталоцци, Ренальд, Роланд, Юнг-Роланд*. Метафорический смысл таких имен, как *Аякс* или *Голиаф*, был понятен только образованным людям, но романтический, нездешний, легендарный колорит кличек этой группы был общепонятен и создавал желаемую рекламную аттракцию их породистым носителям;

з) это полностью относится и к кличкам, образованным от этнонимов (*Американка, Арабка, Бедуин, Бухарец, Варяг, Венгерка, Галл, Голландка, Гречанка, Испанец, Казачка, Латыш, Прусачка, Татарка, Цыганка*) и к оттопонимическим образованиям (*Десна, Каледония, Камчатка, Кастеламара, Медынь, Палестина, Полтава, Синоп, Таврида, Царьград*);

и) качественные прилагательные — излюбленный источник кличек, которые содержали как описание

нрава, стати, резвости лошадей, так и их эмоциональную оценку создателем клички (*Бедовая, Бодрый, Бравый, Буйный, Быстрый, Важный, Верный, Веселый, Главный, Гордый, Дивный, Добрый, Досужий, Единственная, Забавный, Завидный, Задорный, Залетный, Злобный, Кроткий, Ладный, Ловкий, Любезный, Лютый, Милovidный, Милый, Нарядный, Непокорный, Потешный, Почетный, Резвый, Скромный, Славный, Спасивый*); среди хвалебных эпитетов, обращенных в клички, имеются даже такие обратные образования, как *Казистый* и *Наглядный*;

к) относительные прилагательные, как и превращенные в клички коневодческие термины *Вороной, Гнедой, Каракoвый, Рыжий, Серый, Темно-серая, Темно-гнедая*, обозначали масть лошадей (*Золотой, Мраморная, Огнистый, Серебряный, Смоленый, Стальной*); хотя эти клички и сообщали конкретные сведения о своих носителях, их нельзя считать совершенно стилистически нейтральными, ибо сами традиционные названия чистых мастей конской элиты были положительными характеристиками.

Таким образом, хотя далеко не все зоонимы, входящие в рассмотренные группы, содержат конкретную информацию о носителе (характеристика масти или физических качеств лошади), почти все они ярко эмоционально окрашены, подчеркивают его действительные или желаемые положительные качества, стремятся облагородить, приукрасить его облик, привлечь к нему благосклонное внимание покупателей или игроков на бегах.

Генетическая типология (типология внутренних форм) кличек представлена следующими классами:

а) патронимический (реже матронимический) класс, в который входят клички, в семантике которых присутствует так или иначе выраженное указание на происхождение от определенного отца или матери; единого формализованного способа обозначения происхождения еще выработано не было; для этой цели использовали полный повтор клички (с поправкой на пол): *Азарной* — сын Азарной, *Бархатный* — сын Бархатной, *Самолет* (1848) от Самолетки, *Догоняй* — сын Догоняихи; суффиксальное словообразование: *Ане-*

тин — сын *Анеты*, *Богатырь* — сын *Богатырки*, *Лебеденок* — сын *Лебеда*, *Орлик* — сын *Орла*; сложение имен родителей: *Атласный-Угрюмый* сын *Атласного* и *Угрюмой*; цифровые уточнители: *Атласный II* — сын *Атласного*, *Подарок II* — сын *Подарка I*;

б) описательный класс — прямое или метафорическое описание внешних и внутренних свойств лошади: *Вороной*, *Гнедой*, *Ночка*, *Звездочка* (масть, окрас), *Атласный*, *Бархатный*, *Волнистый*, *Космач* (характер шерсти), *Лебедь*, *Цапля*, *Плотный* (стать), *Буян*, *Злобный*, *Строгий*, *Несмелая* (манера поведения, характер) и т. п.;

в) класс мелиоративных и оптимативных кличек — клички-пожелания и гиперболические эпитеты (*Дивный*, *Мозучий*, *Непобедимый*, *Комета*, *Ураган*, *Догоняй*, *Улетай*), такие клички содержали в себе нечто вроде древних магических заклинаний и сродни будущим рекламным наименованиям. Элемент мелиоративности присутствует в семантике всех классов, хотя в одном случае он проявляется в установлении родства со знаменитым производителем, в другом случае — в подчеркивании наиболее выдающихся внешних или внутренних качеств носителя, в третьем случае — в декларировании будущих побед.

Словообразовательные модели рассматриваемого класса, как и в других ономастических классах, распадаются на простые, производные, сложные и составные. Простые, безаффиксные образования — *Бард*, *Барс*, *Ворон*, *Куница*, *Друг*. Производные: номинативные — *Баловник*, *Добряк*, *Баловень*, *Говор*, *Вестница*, *Чудила*, *Волокита*, *Прусачка*, *Вещун*, *Любимая*, *Жиганка*, *Конек*, *Галченек*, *Солдатик*; атрибутивные — *Вороной*, *Любезный*, *Похвальный*, *Досужий*, *Безнадежный*, *Беспардонный*. Сложные — *Быстролет*, *Ветрогон*, *Добродей*, *Лиходей*, *Чародей*, *Ротозей*, *Самолет*. Составные — *Атласный-Кролик*, *Атласный-Угрюмый*, *Бедуин-Молодой*, *Ворон-Черный*, *Ворон-Ловкий*, *Грозный-Любимец*, *Подарок II*, *Добычник-Молодой*, *Непобедимый-Молодец*, *Закадычный-Друг*, *Любезный V*, *Жар-Птица*.

Своеобразную структурную подгруппу представляют субстантивированные образования на базе между-

метий, императива глаголов и целых императивных предложений: жеребцы — *Ах, Ширяй, Догоняй, Досаждай, Раскидай, Улетай*; кобылы — *Авось, Небось, Горелючь и Кинь-Грусть*.

Всем именам рассматриваемой группы присущи четко выраженные значения предметности, единичности и рода. Последнее тесно связано с реальным полом животных и последовательно выражается аффиксальными формантами (*Авось, Отгадчица, Догоняиха, Гильдянка, Купчиха, Горюнова, Полканша, Летунья, Недостойная*), подбором исходных апеллятивов соответствующего родового значения (*Воля, Дума, Саржа, Заноза*), подбором слов соответствующих родовых пар (*Подруга, Ворожея, Гостья, Красотка, Телка, Лебедица, Чухонка*), даже искусственным образованием родовых антонимов (*Горностайка* — от *Горностай*, *Амазон* — от *Амазонка*, *Нелюдимка* — от *Нелюдим*). При этом в некоторых случаях наблюдается неправильное родовое толкование существительных. Так, *Пройдоха* — кличка жеребца и кобылы, *Рында* — кличка кобылы, *Добрыня* (кобыла) — дочь жеребца *Добрыни*.

Во второй половине исследуемого периода складывается довольно последовательное обозначение родства лошадей повторением инициалов одного или двух производителей в кличке каждого жеребца или кобылы: *Друг* от *Волнистого* и *Думы*, *Верняк* от *Ворона* и *Чародейки* или даже *Добряк* от *Доброедя* и *Доброй*, *Дунай* от *Добытчика* и *Дубровы*. Этот способ выражения родовой связи в будущем оказался наиболее простым и наиболее продуктивным.

Более полное повторение имени или его компонентов в наименовании потомства встречалось в 1834—1884 гг. довольно часто: *Досадная* от матери *Досаждайки*, *Добытчица* от матери *Добычи*, *Догоняиха* от *Догоняя* и *Славы*, *Рынденок* от *Друга* и *Рынды*, *Туман-Восторг* от *Тумана* и *Мглы*, и со смысловой связью: *Ворожея* от *Колдуна* и *Победы*, *Пройда* от *Ловкого*, *Ходкая* от *Ходистой*.

В наше время коневоды стремятся начать имя лошади с инициала отца, включая инициалы матери в состав клички: *Бабочка* от *Бивуака* и *Буквы*, *Прима* от *Прометей* и *Магдалины*, *Авангард* от *Авгура* и *Валато-*

зы, Доха от Движка и Ханки, Жемчужина от Жребия и Аварии и т. д.

При этом значение исходных апеллятивов почти не принимается во внимание, формальный принцип номинации по инициалам производителей преобладает. Используются главным образом иностранные слова. Эмоционально-экспрессивная окраска этих кличек практически нейтральна.

В русском рысистом коневодстве XIX в. сложился профессиональный ономастический генофонд, в который были целенаправленно отобраны слова определенных семантических групп, причем сложились немногочисленные генетические типы наименования лошади с неограниченным использованием номинативных словообразовательных моделей русского языка.

Сравнение русской конской зоонимии 1834—1884 гг. и 40-х гг. нашего столетия свидетельствует о том, что клички породистых лошадей сегодня лишены эмоционально-экспрессивной окраски прошлого, преобладает формальный подход к подбору имен. Полностью исключен из практики рациональный поиск имени. Кроме выражения родства с производителями, никаких ограничений в выборе имен не признается. По энциклопедическому словарю подбирается слово, в состав которого входят инициалы отца и матери, и на этом акт имятворчества завершается. Правда, и в старину создавалось немало безассоциативных кличек, и ныне встречаются изредка традиционные наименования вроде *Дружок* — от *Дебоша* и *Ракиты*, *Задорная* — от *Зерзана* и *Дубовой*. Однако тенденция к случайному подбору имени, не допускающая никакой экспрессивной семантизации, явно преобладает. Достаточно обозреть огромный ряд кличек типа *Калория*, *Кассация*, *Клика*, *Код*, *Корейка*, *Мистицизм*, *Номер*, *Оптик*, *Павильон*, *Палатка*, *Панель*, *Парадокс*, *Партер*, *Пелерина*, *Пломба*, *Повестка*, *Профессия*, *Сакля*, *Сигнал*, *Сатира*, *Сборник*, *Секта*, *Сесия* и т. п., чтобы убедиться в истинности этого положения. Объяснение этому процессу десемантизации и стилистической нейтрализации зоонимов следует искать прежде всего в том, что они утратили рекламную

аттрактивную функцию и, не будучи в условиях массового промышленного коневодства средством звукового общения человека и животного (попробуйте «пообщаться» при помощи таких кличек, как Имитация и Судорога), стали эквивалентом имени-номера.

Л и т е р а т у р а: 1. Списки лошадей Орловской породы, бежавших на летнем и зимнем московских ипподромах с 1834 по 1884 г.— свыше 6000 кличек // Сонцов Д. Д. Альбом пятидесятилетнего юбилея Московского императорского общества любителей конского бега. М., 1884. 2. Отчеты о скаковых испытаниях 1946 и других годов, опубликованные Ростовским-на-Дону ипподромом // Отчет о скаковых испытаниях 1946 г. Ростов-на-Дону, 1948.

Л. М. Щетинин

КОБЫЛЬЯ ГОРА — старое название села *Дивная гора* близ Углича, бывшее место языческих ритуалов окрестного населения, связанных с почитанием лошадей. (См.: *Дивная гора*.)

Н. Д. Русинов

КОНДА — река, левый приток Иртыша, протекает по территории Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской обл., длина — 1097 км, площадь бассейна — 72,8 тыс. км², средний расход воды у с. *Кондинское* — 310 м³/с, судоходна на 744 км от устья.

Этимологизирование гидронима *Конда* на тюркской (от башк. *кондас*, *кондоз* 'бобр') или угорской языковой почве малоубедительно. Привлекает внимание гипотеза о финском заимствовании в севернорусских говорах слова *конда*, *хонга* 'сосна', 'боровая лес', которое могло быть перенесено участниками русских экспедиций за Урал уже в XV в. и закреплено в названии реки. Берега Конды в ее нижнем и среднем течении покрыты кондовыми, т. е. крепкими, смолистыми хвойными лесами.

Н. К. Фролов

КРЫМ — полуостров, разделяющий Черное и Азовское моря, Республика Крым в составе Украины. На севере простираются степные равнины, к югу постепенно переходящие в предгорья и горы, платообразные вершинные поверхности которых называют

дой. Крымские горы круто ниспадают к Черному морю. Узкая полоса между морем и горами — Южный берег — один из самых известных курортов. Благодаря отличным климатическим условиям, живописным ландшафтам, пышной средиземноморской растительности, развитой сети санаториев, домов отдыха, пансионатов, туристских баз, автомобильных дорог и морскому судоходству Крым ежегодно привлекает многие сотни тысяч отдыхающих и туристов. Важнейшие курортные центры: Большая Ялта, Алушта, Евпатория, Феодосия. Крым славится также своим интенсивным сельским хозяйством и развитой промышленностью.

Этимология названия *Крым* оказалась спорной. В течение двух веков многократно предпринимались попытки выяснить его происхождение, но они оказались малоубедительными (ср. тат. *хырым* 'поражение', *хырымлар* 'холмы', *кырым* 'ров, яма, окоп'). Название *Крым* исторически очень молодое. Его не знали в античное время, когда *Киммерия* сменилась *Таврикой*, *Тавридой*; имена эти сохранились и в наше время в поэтической речи и в географической литературе (*Таврические степи*, т. е. причерноморские). После основания греческого города-колонии *Херсонес* (близ современного Севастополя) это имя нередко употреблялось для обозначения всего полуострова. *Херсонес* в русских источниках средневековья встречается в форме *Корсунь*, а позже, в 1778 г., возродилось в названии ныне областного города *Херсон* (уже за пределами Крыма).

Смена топонимов *Таврида* на *Крым*, видимо, относится к XIV в., так как в письменных источниках название *Крым* встречается только начиная с XV в. Это позволяет утверждать, что исторически такое событие относится к эпохе монгольского владычества на Руси, и сблизить название *Крым* с монгольским апеллятивом *керем*, *кырым*, с современным халха-монгольским *хэрэм* 'крепостная стена, вал, крепость, город'. Великая китайская стена упоминается в отчете русского путешественника Ивана Петлина в Китай в 1618 г.: «Словет Крым, стена каменная в вышину сажен с 15». Топоним *Крым* первоначально относился только к

древнему городу *Солхат*, ныне город *Старый Крым*, или *Эски-Керим*, *Эски Крым*, в XVIII в.— *Левкополь*. Из новых этимологий отметим попытку связать *Крым* с европейскими топонимами *Сгипée*, *Крименда*, *Крумента*, английским *Сгупел* 'небольшая делянка земли или воды', валлийским *сгип* 'выгнутый, сгиб' и современными топонимами в Англии, фонетически близкими к *Крым*. Истоки их находят в кельтском языке. Если топонимы с морфемой *крым* (*крум*, *кырым*) известны в течение 2500 лет, то как объяснить, почему в течение тысячелетий топоним *Крым* был забыт и вдруг его вспомнили только в XIV—XV столетиях? Почему греки, имевшие свои колонии в Крыму начиная с VI в. до н. э., не восприняли топоним в европейском обличии, так же как и сменившие их римляне, византийцы, венецианцы и генуэзцы? Все они *Крым* называли *Таврида* — по этнониму *тавры*.

Э. М. Мурзеев

Л

ЛАВРЕНТИЙ — монах одного из нижегородских монастырей — Благовещенского или Вознесенского-Печерского, жил в XIV в., с середины 9-й строки листа 40-го (об.) переписал до конца полууставным почерком (и, может быть, редактировал) текст Лаврентьевской летописи 1377 г. По имени этого монаха она теперь и именуется, хотя начало ее написано иным почерком и в иной манере, т. е. другим человеком. В послесловии к ней сам себя Л. характеризует так: «Умъ молодъ не дошелъ». Судя по диалектным особенностям, отразившимся в полууставной части Лаврентьевской летописи, можно предполагать, что Л. был родом из Нижегородского Поволжья: его речи было присуще неударное ёканье и нерегулярное цоканье. В случаях, когда в этой летописи были возможны древнерусские и церковнославянские варианты употребления слова (*оро—ра*, *ере—ре*, *оло—ла*, *оло—*

ле, ж—жд, ч—щ и пр.), Л. больше был склонен к древнерусским, в отличие от первого, неизвестного, писца (см.: *Дионисий, Павел Высокий*), который чаще поступал наоборот.

Л и т е р а т у р а: 1. *Кирьянов И. А. Столица великого княжества // История города Горького. Горький, 1971.* 2. *Русинов Н. Д. К вопросу о происхождении Лаврентьевской летописи: Лингвистические заметки о ее писцах // Эволюция и предыстория русского языкового строя: Межвузовский сб. Горький, 1981.*

Н. Д. Русинов

ЛЕБЕДЯНЬ — город в Липецкой обл. Название *Лебедянь* чаще объясняют «обилием лебедей» (существуют и другие версии). Оно входит в один из «малых типов» топонимов — с исходом *-ань*, рассеянных по всему восточнославянскому пространству. В донской гидронимии их более десяти: *Птань, Форостань, Лугань, Холань, Усмань, Потудань* и др. Не у всех из них *-ань* является исконным славянским суффиксом (*Усмань, Потудань*). В ряде донских топонимов суффикс *-ань* имел впоследствии утраченное значение: объект (чаще местность, урочище), характеризующийся тем, что названо производящей основой. Ср. название «концов» села Волотово Лебедянского р-на Липецкой обл.: *Углань* (объяснение информанта: 'место в углу') и *Киршань* (от имени жителя *Кирша?*).

В «Книге Большому чертежу» (1627) *Лебедянь* приводится еще как название притока Дона выше р. Быстрой Сосны, которая здесь названа Быстрой Мечей: «...пала в Дон речка Лебедянь». Уже в XVII в. речное имя *Лебедянь* осложняется суффиксом, отсюда вариант *Лебедянка*, сохранившийся до XIX в. В начале XX в. произошла полная замена названия реки новыми именами. Краевед П. Черменский указывает на два вытеснивших старое имя наименования: речка *Ключи* и речка *Городенка*. Последнее имя — *Лебедянь* — речка получила после построения на ней города *Лебедяни*.

Слово *Лебедянь* зафиксировано и как название озера: «с озера Лебедяни» (1696). Исходным пунктом распространения топонима в локально ограниченной группе названий (речное имя *Лебедянь* — собственное имя поселения *Лебедянь* — название озера *Лебедянь*),

очевидно, был составной описательной топоним *Лебединое озеро*. Свидетельство об этом имеется в одной из грамот второй половины XVII в., обнаруженной в архивах Лебединского уездного суда. В ней содержится описание местности вокруг поселения, ставшего потом городом Лебедянью: «К западу леса ж да озеро большое лебединое».

Таким образом, географическое имя *Лебедянь* вначале имело значение «местность вокруг лебединого озера». Затем этот новый топоним (название урочища) распространился и на протекавшую невдалеке речку, а также и на поселение возле нее.

Е. С. Отин

ЛИВНЫ — город, районный центр Орловской области. Точное описание местности, где расположен город, дает уроженец его С. Н. Булгаков: «Ливны — небольшой (12 тыс.) город Орловской губернии, расположенный на высоком берегу р. Сосны, со впадающей в нее речкой Ливенкой» (*Булгаков С. Н. Моя родина*). Об основании города сообщается в указе царя Федора Иоанновича от 1 марта 1586 г., где он еще не имеет собственного имени: «А быти на Ливнах город ставити воеводе князю Володимеру Васильевичу Колцову Мосальскому».

Первично — название реки (гидроним), которое вначале имело форму им. пад. мн. ч. — *Ливны*. Этот вариант гидронима впервые зафиксирован в документе 1571 г.: «на Соснѣ усть Ливень». Во второй половине XVI в. существовала уже Усть-Ливенская сторожа, одна из 73 «сторож» на южнорусских рубежах. Неоднократно отмечается этот вариант названия и в памятниках письменности XVII в. Множественное число гидронима вызвано тем, что левый приток Быстрой Сосны воспринимался вначале как состоящий из двух водотоков — *Ливны Полевой* и *Ливны Лесной*, которая «пала блиско города в Полевою Ливну, а Полевая Ливна пала в Сосну под городом под Ливнами» («Книга Большому чертежу»).

По-видимому, в конце XVI — начале XVII в. еще было нечетким представление о том, какая из Ли-

вен — главная река, а какая — ее приток. Об этом свидетельствует тот факт, что в другом месте «Книги Большому чертежу» главной рекой, впадающей в Сосну, называется уже *Лесная Ливна*: «... а вытекли Ливны: Лесная — ис Красного лесу, а Полевая Ливна... от Любовши и пала в Лесную под Ливнами» (т. е. г. Ливны). Примечательно, что и в этом источнике название реки тоже приводится во множественном числе: «речка Ливны». В форме единственного числа гидроним, общий для всей реки, встречается крайне редко, например: «на Ливну» (1625).

Названия водотоков, слившихся в одну речку севернее г. Ливны, отличались определениями — *Лесная Ливна* и *Полевая Ливна* (аналогично тому, как в XVI в. именовались в верховье реки *Воронеж* его два разветвления — *Воронеж Польный*, или *Польский*, и *Воронеж Лесной*). Позднее *Полевая Ливна* стала называться *Ливной Горной* (сейчас — *Горная Ливенка*). Эта речка протекает по возвышенной равнине, а береговые возвышенности у жителей Орловской губернии еще в прошлом веке носили название гор.

Эта же особенность рельефа местности предопределила и происхождение названия реки: она впадает слева в Сосну, а левый берег Сосны — возвышенный. Гидроним содержит усложненный корень *лив-* (от *лить*), представленный во многих словах литературного и диалектного языка: *ливень*, *ливмя* (наречие), *лива* 'низкое топкое, заливаемое водой место', *ливинка* 'низкое заливаемое место среди кустов', *ливка* 'лужа во время оттепели', *ливня* 'топкое место на берегу', *ливый* 'пологий, сточный', 'отлогий, покатый' и др. Гидроним *Ливна* по происхождению является кратким прилагательным, первичное значение которого могло быть как 'сточная' (протекающая по местности с пологим спуском, ср. вариант названия *Горная Ливна*), так и 'многоводная, имеющая постоянное течение'.

Имя города, основанного в том месте, где еще раньше существовала «Усть-Ливенская сторожа», повторило название реки в его первоначальной форме множ. числа — *Ливны*. Омонимия названий города и реки в дальнейшем устраняется благодаря их структурному расподоблению. Уже в XIX в. гидроним при-

нимает форму *Ливенка* (соответственно: *Лесная Ливенка*, *Полевая Ливенка*), свидетельствующую о происшедшем изменении его мотивировки в связи с выходом из употребления в диалектной речи прилагательного *ливна(я)*. Он начинает осмысливаться как производный от названия г. *Ливны*. Отмечены и редкие случаи вторичного влияния нового гидронима *Ливенка* на форму названия поселения — благодаря переносу названия город именуется так же, как и река: слобода *Ливенка*. В «Воронежской памятной книжке» на 1856 г. зарегистрирована форма названия города *Ливенск*. Однако самым устойчивым и наиболее употребительным на протяжении XVII—XX вв. остается название города *Ливны*, полностью отразившее старый гидроним, своей формой множественного числа указывавший вначале на природную особенность объекта — слившиеся две речки с одинаковым именем *Ливна*.

Е. С. Отин

ЛЯПИН — река, приток Северной Сосьвы, протекает по территории Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской обл., длина около 600 км, площадь бассейна около 30 тыс. км². В XVII в. в «Книге Большому чертежу» река называлась *Ляп*.

Восходит к названию русского острога, построенного около 1445 г. новгородскими дружинниками под предводительством Степана Ляпы (*Ляпин острог*). Мансийская огласовка гидронима *Лопинг-сойм* — адаптированное заимствование русской формы.

Н. К. Фролов

М

МИЛЛИОШКА — дореволюционное название той части Нижнего Новгорода, которая примыкает к Ивановской башне местного кремля и начинается улицу Маяковского, бывшую Рождественскую. Эта часть в

прошлом была местом, где ютились нижегородская голытьба, босяки. Рядом (на «Скобе») для них существовала ночлежка — то самое «дно», которое изобразил М. Горький в своей пьесе «На дне». Рождественская улица в Нижнем Новгороде за пределами М. до Октябрьской революции была средоточием местных богачей, «ворочавших миллионами», и представляла собой «нижегородское сити». Начало же этой улицы, обжитое беднотой, стали именовать *Миллиошкой* иронически. Но со временем иронический оттенок смысла был забыт.

Литература: Русинов Н. Д. *Миллионка и Миллиошка* // Горьковский рабочий. 1984. № 65.

Н. Д. Русинов

Н

НАДЫМ — река, вытекает из оз. Нумго, протекает по территории Надымского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской обл., впадает в Обскую губу Карского моря. Длина — 545 км, площадь бассейна — 64 тыс. км², средний расход воды — 590 м³/с. Судоходна до г. Надым (105 км); притоки — Левая и Правая Хетта, Танлова, Хейгияха. Богата белой рыбой. В бассейне Надыма — крупнейшее в мире месторождение природного газа — Медвежье. О происхождении названия *Надым* ненецкие предания гласят: 1) «Надым — это край, богатый ягелем» (ненец. *нядей* буквально 'ягельный'); 2) Надым — это местожительство самой красивой девушки по имени Няда (ненец. 'улыбка', 'слезы').

Значение и форма имени *Надым*, видимо, отражает название одной из родовых групп надымских ненцев — *нядангга* 'прибывшие', 'пришлые'. В ямальском и таймырском ненецких диалектах *надо* 'яр', 'крутой, обрывистый берег': ненец. *Нарьяна-Надо* — Красноярск.

Н. К. Фролов

НАЗВАНИЯ ГОРОДОВ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ: *Бронницы, Верея, Волоколамск, Дмитров, Дубна, Егорьевск, Зарайск, Звенигород, Кашира, Клин, Коломна, Можайск, Мытищи, Подольск, Руза, Сергиев Посад, Серпухов, Талдом, Шатура.*

Бронницы — город Раменского р-на Московской обл. Впервые упоминается в Духовной грамоте великой княгини Софьи Витовтовны, жены вел. кн. Василия I Дмитриевича, как с. *Броннич* [ДДГ, с. 176]. Поскольку названия селений с суффиксом *-ичи* в подавляющем большинстве случаев имеют в основе мужское личное имя, в данном случае можно предполагать образование названия от сокращенной формы двусловного русского имени *Бронислав* или подобного ему с той же первой основой *Броня* от др.-рус. *боронити* 'защищать, оберегать'. Форма *Броннич* указывается и в ряде более поздних источников [ДДГ, с. 194, 223]. Но к концу XVIII в. название приобрело форму *Бронницы*: в законе «Об учреждении Московской губернии» от 5 октября 1781 г. говорится о преобразовании с. Конюшенного ведомства *Бронницы* в город с тем же названием [ПСРЛ, с. 277]. Переработка *-ичи* в *-ицы* — явление для Подмосковья распространенное (ср.: *Ведерницы, Луховицы* из *Ведернич, Глуховичи* и др.). Существует также довольно распространенная традиция объяснения названия села тем, что в нем раньше жили мастера, занимавшиеся изготовлением брони — *бронники*, что якобы и обусловило его название [Все Подм., с. 32]. Однако какого-либо подтверждения существования такого промысла до настоящего времени не обнаружено [Города Подм., с. 568].

Верея — город районного подчинения, Наро-Фоминского района Московской обл. Первые упоминания города относятся к концу XIV в.: в летописи под 1371 г. [Карамзин, 1817, 5, с. 409] и в dokonчании вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. рязанским Олегом Ивановичем, 1382 г. [ДДГ, с. 29]. По историческим данным город существовал и раньше. В частности, В. Н. Татищев, описывая события 1159 г., упоминает селение *Вереисча* (т. е. *Вереище?*) и замечает: «может, Верея» [Татищев, с. 70]. Наконец, в одном из списков

Судебника 1550 г. вместо *Верей* указано *Веретя*, а в двух списках — *Вереть*.

Среди многих значений слова *верей* несколько имеют топографический смысл, причем, приводя эти значения, В. И. Даль в качестве варианта к *верей* указывает *веретья*, а авторы других словарей от *верей* отсылают к *веретя*, *веретье* [СРНГ, Мурзаев]. Поскольку город расположен на высоком берегу реки Протвы, общее значение *веретя* 'сухое возвышенное место (участок земли) среди болот, на затопляемом лугу, среди леса' [СлРЯ, 2] может быть конкретизировано значениями, зафиксированными в говорах: пск. 'возвышенное сухое место', новгородск., череповецк. 'возвышенное место, покрытое лесом и спускающееся к речке косогором или обрывом', пермск. 'высокое место', уральск. 'песчаный холм', 'возвышенное место на берегу' и т. д. [Н. И. Толстой, с. 130, 131], а также белорус. «взгорок» [Яшкін, с. 33].

Таким образом, названием города стал народный географический термин, характеризующий место его расположения. Еще более широкие возможности для объяснения ойконима открывают другие топографические значения термина *верей*: 'участок земли или леса' [СлРЯ, 2], 'небольшой клин, полоса луга, поля, леса' [СРНГ], которые включаются в обобщенное значение 'урочище'.

Неправомерно распространенное объяснение ойконима из *верей* 'столб, на который навешивают створки ворот' [СлРЯ, 2]. Это значение отражено в гербе города (1782), на котором изображены «две дубовые воротные верей с навесными золотыми крючьями, означающими собою имя сего города» [ПСЗ, т. 21, с. 787]. Так же объясняется название и в топонимическом словаре В. А. Никонова, и в краеведческой литературе, где часто указывают, что «название отражало пограничное положение города» [Все Подм., с. 58]. Однако такое объяснение представляется искусственным и не имеет аналогий в русской топонимии.

Волоколáмск — город, центр Волоколамского р-на Московской обл. Один из древнейших городов Подмосковья — впервые упоминается в Суздальской летописи под 1135 г. как *Волок*, а под 1178 г. как *Ламь-*

ский волок [ПСРЛ, 1, с. 302, 386]; в летописи же находим и обратное расположение компонентов: *Волок Ламьский*, ставшее исходным для современного названия *Волоколамск*. Название отражало назначение города и его положение: *волок на Ламе*, где *волок* 'участок водного пути, приходящийся на сушу; низкий водораздел между двумя близкими судоходными реками' [Мурзаев], а *Лама* река бассейна Верхней Волги, название которой имеет балтийское происхождение. Ср. латыш. *lāma* 'узкая длинная долина; маленький пруд, лужа' [Невская, с. 50]. Первоначально город действительно находился на месте волока между р. Лама и Волошня (левый приток Рузы, бассейн р. Москвы, название обычное для рек, связанных с волоком), но позже он был перенесен несколько севернее, на более высокое место, где находится и в настоящее время [Все Подм., с. 44].

Дмитров — город, центр Дмитровского р-на Московской обл. Согласно летописным данным [ПСРЛ, XXV, с. 25], *Дмитров* был заложен ростово-суздальским князем Юрием Долгоруким в 1154 г. и назван по христианскому имени (*Дмитрий*) его сына, имевшего также и русское имя Всеволод и получившего впоследствии известность как Всеволод Большое Гнездо.

Дубна́ — город областного подчинения, Талдомского р-на Московской обл. Начало строительства города относится к 1947 г. Первоначально это был рабочий поселок *Дубно* в составе Тверской (бывш. Калининской) области. Его название было связано с протекавшей неподалеку рекой *Дубна*. В 1956 г. рабочий поселок *Дубно* преобразован в город областного подчинения, а Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 января 1958 г. предписано г. *Дубно* впредь именовать городом *Дубна*. Таким образом, название города было согласовано с названием р. *Дубна*.

Гидроним *Дубна*, как и ряд других русских гидронимов с основой *дуб*, вероятнее всего имеет балтийское происхождение. Так, анализируя гидронимию Верхнего Поднепровья, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев [с. 184] отмечали, что *Добысна* (варианты *Дубосьня* и др.) «может быть связана с балт. *dub-*, нередким в

гидронимии, ср. лит. *Dubysa*». В. А. Никонов подмосковный гидроним *Дубна* объяснял из слав. *дуб* «река в дубовом лесу», но оговаривал, что «возможна балтийская основа *dubus* 'глубокий'. К этому заметим, что в Латвии есть довольно значительная река *Дубна*, приток Даугавы. В. Н. Топоров [с. 236] для названия р. *Дуба* (приток Рузы) также приводит ряд балтийских параллелей: *Dauben*, *Dawbel* и др. Дополнительные возможности для привлечения балтийских данных указывает Л. Г. Невская, которая приводит ряд географических апеллятивов от основы *dub-*: лит. *dùbė* 'долина', *dubutà* 'яма; впадина; углубление', *dùbugas* 'долина; лощина' и др. Поэтому кажущаяся почти очевидной связь рассматриваемого названия с русским словом *дуб* скорее всего вторична. Современное русское осмысление оно приобрело в процессе длительного употребления русским населением.

Егорьевск — город, центр Егорьевского р-на Московской обл. В духовной грамоте вел. кн. Василия Темного 1462 г. упоминается село *Высокое* [ДДГ, с. 196], получившее название за свое расположение на высоком правом берегу р. Гуслицы. В писцовых книгах 1577—1578 гг. указано «село *Высокое* на речке на Гуслице, а в нем церковь Егорей стратотерпец» [ПК, I, с. 569]. Наличие церкви обусловило появление второго, церковного названия: село *Егорье-Высокое* или *Егорье-Высоцкое* и просто *Егорьевское*. В ходе административной реформы конца XVIII в. законом от 24 августа 1778 г. было предписано в Рязанском наместничестве село *Егорьевское* переименовать в город *Егорьев* [ПСЗ, т. 20, с. 742]. Однако установленная законом притяжательная форма названия с суффиксом *-ев*, обычная преимущественно для сельских населенных пунктов, оказалась нежизненной. И уже менее чем через год, в законе от 29 мая 1779 г. об установлении гербов городам Рязанского наместничества, город указывается как *Егорьевск* [ПСЗ, там же, с. 832], т. е. с типичным городским суффиксом *-ск*. И в следующем, 1790 году в материалах Генерального межевания фигурирует «город *Егорьевск*, что было село *Высоцкое*» [ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 9/1212, л. 1]. Таким образом, установленная законом официальная форма

названия *Егорьев* была заменена на *Егорьевск* явочным порядком, поскольку никакого дополнительного закона об изменении названия принято не было.

Зарайск — город, центр Зарайского р-на Московской обл. Основан предположительно в 1140 г. под названием *Новгородок-на-Осетре*, затем упоминался как город *Осетр*, а в начале XIII в. под названием *Красный город*. В памятниках более позднего времени упоминается как город *Никола Зараского*, *Зараской* или *Зараской* город, *Зараск* [ПКР, I, с. 157; Акты, с. 333]. В основе последних названий города лежит название урочища *Заразы*, находящегося на высоком обрывистом берегу Осетра. Слово *заразы* представляет собой древнерусский народный географический термин, означающий 'изрытое, неровное овражистое место' [СРНГ]. В этом смысле термин неоднократно встречается в топонимии. Известны урочища *Воробьевские Заразы*, *Кунцевские Заразы*, *Каменные Заразы* в старой Москве, урочище *Заразые* на высоком берегу реки Москвы вблизи станции Тучково, село *Заразы* в бывш. Каширском уезде и т. д.

Существует также легенда, что при нашествии Батыя в 1236 г. княгиня Евпраксия, узнав о гибели мужа и приближении врагов, бросилась с башни и разбилась («заразилась», как тогда говорили). Однако это объяснение неубедительно и полностью относится к области народной этимологии, поскольку подобные события никогда не служили поводом для возникновения названий.

Звенигород — город областного подчинения, Одинцовского р-на Московской обл. Основание Звенигорода обычно относят к 1152 г. и связывают с деятельностью Юрия Долгорукого, но в письменных источниках название *Звенигород* упоминается лишь с XIV в.: в духовной грамоте вел. кн. Ивана Даниловича Калиты 1336 г. и в летописи под 1382 г. Ко времени основания московского Звенигорода в южнорусских землях уже существовали *Звенигород* в Галицкой земле и *Звенигород* под Киевом. Это дает основание считать, что ойконим *Звенигород* был перенесен в Московскую землю с юга. Впервые мысль о перенесенном характере названия *Звенигород* еще в 1852 г. высказал

В. И. Даль в «Записках Императорского Русского Географического общества» [Даль, I, с. XLVII]. Он ставил *Звенигород* в один ряд с такими известными ойконимами, как *Переяслав*, *Владимир*, *Галич*, перенесение которых с юга сомнений не вызывает. В настоящее время гипотеза о вторичном характере подмосковного ойконима *Звенигород* получает все более широкое признание.

Наиболее распространенное объяснение ойконима *Звенигород* исходит из кажущейся «прозрачности» названия: считают, что его первая часть связана со словом *звон*, а следовательно, это или город, в котором звонили в сторожевые колокола при приближении неприятеля [Фасмер], или город с обилием церквей, имевших колокольный звон [Роспонд, с. 52]. Другие гипотезы предполагают образование названия от основы древнерусского личного имени типа *Звенислав*, *Звенимир* и т. п. [Местное название *Звенигород*, действительно, как бы копирует однотипные славянские антропонимы (имена людей) древнего вида и вместе с тем само представляет собой древний славянский тип топонимического образования. Ср. и польск. *Zmigród* < *zъni-gordъ* (Ташицкий), название селения.— *Прим. ред.*]

Кашира — город, центр Каширского р-на Московской обл. Впервые упоминается в духовной грамоте вел. кн. Ивана Красного 1356 г. как деревня *Кошира*, которая находилась на левом берегу Оки при впадении в нее реки *Коширы* (соврем. *Каширка*). Положение города позволяет считать, что он получил название по реке. Однако существуют и другие объяснения происхождения его названия, не связанные с названием реки. Так, в Толковом словаре В. И. Даля читаем: «*Кашира*, тул. *кошара*, овечий хлев. Не это ли название города?» [Даль, 2, с. 182]. В словаре М. Фасмера [2, с. 215] это предположение Даля приводится уже без вопросительного знака: «*Кашира* ... от *кошара* 'овечий хлев', тул. (Даль) и *кошара*, *кошь*». Э. М. Мурзаев поддерживает связь *кошара* 'загон для овец' с ойконимом *Кашира*. Другое объяснение предлагал В. Г. Фоменко. Он считал, что название города произошло от тюрк. *кешир* 'переправа через реку', так

как вблизи Каширы были броды через Оку, а охранявший их сторожевой полк в конце XVI — начале XVII в. стоял в Кашире.

Более реалистично название города связывать с названием реки, которое в писцовых книгах XVI в. упоминается как *Кошира* [ПК, 2, с. 1299]. С течением времени истинная взаимосвязь этих названий забылась: название города стало восприниматься как первичное, а гидроним получил оформление производного названия. Происхождение гидронима неясно. Известен ряд балтийских параллелей: *Kasarikaume*, *Kasara-purvelis* и др. [Топоров, с. 245]. С учетом употребительного среди старожилов варианта названия *Кошера* можно рассматривать связь с каким-то древним языком финно-угорского типа, где употреблялся озерно-речной формант *-р-*. В частности, параллель среди гидронимии русского Севера река *Касара* (бассейн верхней Онеги) больше походит на приведенные балтийские примеры, чем на *Кошира*, *Кошера*. Очевидно, что гидроним нуждается в дальнейшем изучении.

Клин — город, центр Клинского р-на Московской обл. Впервые упоминается в летописи под 1234 г. Название образовано народным географическим термином *клин* 'земельный надел; лесная полоса; участок болота, заросший лесом; граница' [Мурзаев]. Очевидно, для применения термина имела значение форма земельного надела, участка, границы — они должны были вклиниваться в другой земельный надел, в другое угодье. А. М. Селищев [с. 66] рассматривал ойконим как «клин у границы другой области», что подтверждал примером из летописи под 1408 г.: «и воеваша до клина Тверского рубежа». Можно говорить и о *клин*е на месте первоначального расположения города: он возник в начале XIII в. как укрепление на крутом и высоком холме, с трех сторон омываемом р. Сестрой, т. е. холм вклинивался в излучину реки.

Коломна — город, центр Коломенского р-на Московской обл. Впервые название упоминается в лето-

писи под 1177 г. и позже не изменялось [ПСРЛ, I, с. 383]. Поскольку город первоначально находился при устье реки Коломенки, на месте, где позже было с. Городищи (ныне в черте города), весьма вероятно, что он получил название по реке. Реконструируемая первичная форма гидронима *Коломна*, а суффикс *-ка* имеет более позднее происхождение и связан с образованием уменьшительной формы или из-за сравнительно небольшой величины этой реки, или в результате переосмысления после возникновения в ее устье города, названного по р. *Коломна* (ср. выше г. *Кашира* — р. *Каширка*). Гидронимы *Коломна*, *Коломенка* неоднократно встречаются на карте. В бассейне Оки, по данным Г. П. Смолицкой [1976], реки с названием *Коломенка* имеются в бассейнах Нары, Истры, Мочи, Смедвы, Москвы (среднее течение); в бассейне верхней Волги есть озеро *Коломно* (*Колоmineц*), из которого вытекает река *Коломенка* (система Мсты); есть также *Коломна*, приток Северского Донца, и *Коломенка* в средней части бассейна Днепра [Словник, с. 264].

Подобная география допускает балтийское происхождение гидронима (кроме южных примеров?), но В. Н. Топоров [1972, с. 250], сопоставляя *Коломенка* с балтийскими данными: прус. *Kalmyņ, Kalmonau*, лит. *Kėlminė*, курш. *Salmen* и др., находит результаты неясными. О. Н. Трубочев считает возможным образование *Коломна* из *Коломыя* [Трубочев, 1971, с. 8]. Это слово в современном украинском языке означает 'глубокий ухаб, наполненный водой' [Марусенко, с. 232]. В прошлом, с учетом явления смыслового сдвига, можно допустить, что этот термин означал и 'небольшая речка'. Смысл в обоих случаях одинаков: выбоина или речка, где «омывается колесо». Это объяснение также не имеет универсального характера, и происхождение гидронима *Коломна* (*Коломенка*) остается неясным.

Высказывался также ряд гипотез, объясняющих непосредственно название города (в этом случае название реки оказывается вторичным, образованным от названия города). Так, пользуется популярностью гипотеза, высказанная М. Фасмером [2, с. 294], который полагает, что *Коломна* образовано от диал. *коло-*

мень 'окрестность'. Ему возражает О. Н. Трубачев [указ. соч., с. 8], считающий, что по законам русского языка *-мень* не могло превратиться в *-ми-*. Предлагалась также гипотеза, связывающая *Коломна* с финно-угор. *kolm* 'могила' [Попов, с. 108], но она не объясняет появления в названии окончания *-на*. Заметим, что первое летописное упоминание (1177 г.) относится к уже существующему городу, т. е. возник он на какое-то время раньше и самая ранняя форма названия, из которой образовалось *Коломна*, может быть, остается просто неизвестной.

Наконец, совершенно ненаучным следует считать еще иногда используемые объяснения топонима от итальянской фамилии *Колонна*, от возгласа кем-то побитого монаха: «...а они колом мя!», от слова *колодня* 'место, где сидели колодники' и др. Первое из этих объяснений является шуткой историка Н. М. Карамзина, а остальные — порождениями «народной этимологии».

Можайск — город, центр Можайского р-на Московской обл. Город Можайск впервые упоминается в исторических актах под 1231 г. Для понимания истории возникновения названия города важно указание, содержащееся в писцовых книгах Московского государства XVI в.: «город *Можасек* на речке на *Мжае*» [ПК, 1, с. 612]. Таким образом, очевидно образование названия города от названия реки. В том же источнике название реки встречается также в формах *Можай* и *Можая*, и лишь к концу XVIII в. оно превращается в *Можайка*, т. е. происходит распространенное переосмысление — название города начинает восприниматься как первичное, а название реки — как производное от него.

Название реки *Можай*, *Можая* чаще всего объясняют из балтийских языков, связывая, например, с лит. *mažoji* 'малая' [Седов, с. 105]. Некоторые авторы видят в основе названия латыш. *mežs* 'лес' [Никонов, с. 271].

Мытищи — город, центр Мытищинского р-на Московской обл. Древний водный путь из Москвы в бассейн Клязьмы шел вверх по Яузе до места, где сейчас находится г. *Мытищи*, откуда начинался волок

протяженностью около семи километров, до реки Клязьмы. На месте современного города *Мытищи* был пункт сбора с людей и судов проезжих пошлин, носивших общее название *мыт*. В XIV в. яузский путь был заброшен, сбор мыта прекращен, а место, где некогда собирали мыт, стало называться *мытище*.

Первое письменное упоминание о *Яузском мытище* содержится в духовной грамоте старца Симонова монастыря Андреяна Ярлыка 1460 г. [Князев, с. 78]. В писцовых книгах 1628 г. упоминается *село на Мытищах*, а в 1631—1633 гг. село *Мытищи* [Холмогоровы, с. 147]. На плане Генерального межевания 1784 г. кроме села *Мытищи* показана также деревня *Новоселки, Мытищи тож*. В Списке населенных мест 1862 г. они именуются село *Большие Мытищи* и деревня *Малые Мытищи* соответственно. В 1862 г. открывается железнодорожная станция *Мытищи*, а в 1897 г.— Мытищинский вагоностроительный завод. Пристанционный поселок и рабочий поселок, выросший при этом заводе, явились ядром города *Мытищи*, образованного постановлением президиума ВЦИК от 17 августа 1925 г. Село *Большие Мытищи*, непосредственно примыкавшее к городу, официально в его черту было включено лишь в 1932 г.

В советское время город лишь чудом избежал переименования, хотя станция Мытищи в 1919—1923 гг. называлась *Пролетарская*, а Мытищинская волость в 1918—1929 гг.— *Пролетарской волостью*. Сохранение исконного названия было, очевидно, связано не столько с пониманием его исторической ценности, сколько с практическими неудобствами от существования многих одноименных объектов: и сейчас еще названия *Пролетарск* и производные от него сохраняют многие районы, города, поселки, станции.

Подольск — город, центр Подольского р-на Московской обл. Впервые упоминается в писцовых книгах за 1627—1628 гг. как «село *Подол, а Пехра тож*». Народный географический термин *подол* среди ряда значений имеет также 'равнина; пойма, надпойменная терраса' [Мурзаев]. Действительно, как считают историки, село *Подол* возникло на левом, низменном берегу Пахры [Города Подм., 3, с. 264]. Указанная в

писцовой книге *Пехра* — одна из употреблявшихся в прошлом форм названия р. *Пахра*. В записи 1635 г. указывается «село *Подол* на реке *Пахра*», а с 1680 г. пишется уже просто *Подол*.

В процессе развития село выходит далеко за пределы подола, перемещается на правый берег и благодаря положению на оживленном тракте становится крупным торгово-ремесленным селением. По административной реформе конца XVIII в. село *Подол* было преобразовано в город, который, согласно закону (15.245 от 5 октября 1781 г.), сохранял название *Подол*. Однако вскоре в официальное употребление внедряется обычная «городская» форма названия с суффиксом *-ск* — *Подольск*, хотя никакого дополнительного закона об изменении названия г. *Подол* в *Подольск* принято не было.

Ру́за — город, центр Рузского р-на Московской обл. В духовной грамоте вел. кн. Ивана Даниловича Калиты 1336 г. упоминаются *Руза* как название местности (волости) и село *Рузское* [ДДГ, с. 7]. Название волости обусловлено названием реки *Руза*, которое относится к числу балтийских: ср. латыш. *ruosa* 'узкий луг с ручьем, расположенный между полями и лесами' [Невская, с. 79], а село, очевидно, названное уже по волости, историки идентифицируют с современным селом *Старая Руза* [Голубева, с. 145]. Селение, находившееся на месте современного города *Руза* (на той же реке, но на 10 верст выше по течению, чем *Старая Руза*), впервые упоминается во второй духовной грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича 1389 г. как *Руза городок*, а в духовной грамоте галицкого кн. Юрия Дмитриевича 1433 г. уже как *город Руза* [ДДГ, с. 33, 73]. В дальнейшем название не изменялось.

Сéргиев Поса́д — город, центр Сергиев-Посадского р-на Московской обл. В середине XIV в. известный религиозный деятель преподобный *Сергий Радонежский* (1315—1392) основал монастырь, который впоследствии по имени его основателя и первой построенной в нем церкви получил название *Свято-Троиц-*

ко-Сергиевского и статус лавры. Рядом с монастырем образовались крупные ремесленные слободы. В процессе административной реформы конца XVIII в. был принят закон от 22 марта 1782 г. «Об учреждении для живущих в слободах ведомства Коллегии экономии близ Свято-Троицко-Сергиевской лавры посада под именем Сергиевского» [ПСЗ, т. 21, с. 442]. Так из разрозненных подмонастырских слобод возникло единое селение *Сергиевский посад*.

По административной терминологии, принятой в Российской империи того времени, *посад* — это «торгово-ремесленное поселение» или, по современной терминологии, «поселок городского типа», т. е. кандидат в города. В XIX — начале XX в. *Сергиевский посад* (неофициально — *Сергиев посад*) продолжал развиваться в экономическом отношении и уже в 1919 г. был преобразован в город с названием *Сергиев*. Следует отметить удачность названия *Сергиев*, короткого и четкого, создающего впечатление, что оно присвоено непосредственно в честь Сергия Радонежского (минуя промежуточные названия монастыря и посада). Связь названия с именем преподобного Сергия представлялась настолько очевидной, что власти сочли необходимым ее устранить.

В 1930 г., одновременно с устранением двух других «религиозных» названий Подмосковья — Богородска и Воскресенска, *Сергиев* был переименован в *Загорск*. Новое название было дано по псевдониму *Загорский* В. М. Лубоцкого (1883—1919), секретаря Московского комитета РКП(б), который погиб в 1919 г. в результате террористического акта. Поскольку псевдоним *Загорский* имел в основе географический термин *гора*, образованное от него название *Загорск* хорошо вписалось в топонимическую систему и неподготовленными лицами обычно воспринималось не как мемориальное, а как префиксально-суффиксальное образование от географического термина, подобное таким названиям, как *Приозерск*, *Междуреченск* и т. п.

В 1991 г. Московский областной Совет принял решение «о возвращении городу Загорску исторического названия *Сергиев Посад*». Таким образом, в каче-

стве «исторического» принято не одно из двух ранее существовавших названий: *Сергиевский посад* и *город Сергиев*, а разговорная усеченная форма *Сергиев Посад* (ср. в Московской области город *Павловский Посад*, в быту часто *Павлов Посад*). С учетом того, что это уже давно не *посад*, а *город*, написание в новом названии термина принято с двух заглавных букв: *Сергиев Посад*.

Сёрпухов — город, центр Серпуховского р-на Московской обл. Впервые упоминается в духовной грамоте вел. кн. Ивана Даниловича Калиты 1336 г. как город *Серпохов* [ДДГ, с. 7]. Первое летописное упоминание находим в Суздальской летописи под 1382 г., где также *Серпохов*. Позже название города неоднократно встречается в княжеских духовных и договорных грамотах, в летописях, причем, как подсчитано З. Штибером, в источниках XIV—XVI вв. вариант *Серпохов* употребляется 40 раз, а *Серпухов* — лишь четыре раза (все во второй половине XV в.). При этом отмечается, что замена *o* на *y* для того времени не была необычной [Stieber, s. 63].

Происхождение названия города М. Фасмер связывает с рус. *серп*, донск. диал. *серпух* или с названием растения (трава, близкая к осоту) *серпух* [Фасмер, 3, с. 610]. Однако названия травянистых растений непосредственно, как правило, не используются в качестве основ ойконимов. В. А. Никонов более вероятным считает образование *Серпухов* из названия небольшой речки *Серпейка* (левый приток Нары), при устье которой и возник некогда город [Никонов]. Однако в этом случае следовало бы ожидать образования не *Серпохов*, а *Серпейск*. Ср. г. *Серпейск* в Калужской земле, упоминаемый в летописи под 1406 г. Поэтому более реалистично видеть в основе названия города антропоним *Серпох*, а в окончании суффикс *-ов*, указывающий на принадлежность. Начиная с XVII в. распространение получает название города в форме *Серпухов*.

Талдом — город, центр Талдомского р-на Московской обл. Впервые упоминается в Кашинской переписной книге в 1677 г. как деревня в 7 дворов с 38 жителями. Ранние формы названия, бытовавшие до

середины XIX в., — *Толдам* и *Толдом* — не позволяют понять его смысл и происхождение. Близко по звучанию русское диалектное слово *талдон* 'бестолковый человек' [Даль, 4, с. 388], однако названия от прозвищ в им. п. ед. ч. образуются крайне редко.

Непонятность названия породила ряд любительских толкований: 1) от русских слов «там дым» — некий архиерей, проезжая вблизи деревни, увидел дым и произнес эти слова, якобы ставшие затем ее названием; 2) здесь некогда жил какой-то татарский князь Талдуй, имя которого и легло в основу названия [Крылов, с. 193]. Существует и кабинетная этимология: от фин. *talo* 'дом', где, видимо, соединено финское слово с его русским значением, т. е. *тало* + *дом* = *Талдом*, что представляется искусственным.

5 ноября 1918 г. волисполком Талдомского совдепа принял решение о переименовании села *Талдом* в город *Ленинск*. Это название город носил до 1929 г. Старое название было возвращено в связи с появлением в стране нескольких городов с одинаковым названием *Ленинск*.

Шату́ра — город, центр Шатурского р-на Московской обл. В документе 1630 г., напр. вленном из Копюшенного приказа в Разрядный, упоминается волость *Шатули*, а в аналогичном документе 1650 г. *Шатурская волость* [Смирнов, с. 23, 57]. Из двух вариантов названия правильным следует считать *Шатура*, который имеет более широкое распространение и связан с реконструируемым дорусским гидронимом *Шатур*. В этом гидрониме могут быть выделены основа *шат-* и топоформант *-ур*. Основа *шат-* хорошо сопоставляется с названиями рек *Шача*, *Шат* в бассейне Оки, а названия с окончанием *-ур* образуют четкий ареал в левобережье среднего Поочья с ядром на реке Гусь, в который входят *Сентур*, *Синур*, *Нинур*, *Дардур* и др. В непосредственной близости к рассматриваемому городу находятся оз. *Кендур*, р. *Чащур* и *Вишнур*. В «Обратном словаре гидронимов бассейна Оки» Г. П. Смолицкой приведено свыше 40 названий на *-ур*. Речные названия этого типа встречаются и в более северных районах, что позволяет предполагать их финно-угорское происхождение.

Шатурская волость XVII в. располагалась юго-западнее современного города Шатура, там, где и сейчас находятся села *Шатур* и *Алексино-Шатур* Егорьевского р-на. По названию местности получил название обширный болотный массив, где находились большие запасы торфа, пригодного для получения электроэнергии. История современного города *Шатура* начинается в декабре 1917 г., когда был утвержден проект электростанции на Шатурских болотах. Строительство Шатурской электростанции началось в августе 1919 г. на берегу Черного озера. Возникшие поселки строителей *Шатурстрой*, *Черное Озеро* и расположенное рядом с. *Торбеевка* в 1928 г. были объединены в рабочий поселок *Шатура*, который в 1936 г. преобразуется в город с тем же названием.

Л и т е р а т у р а: *Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 1. Акты 1587—1627 гг. М., 1913. Все Подм.— Все Подмосковье: Географический словарь Московской области. М., 1967. Голубева Л. А. Раскопки в г. Рузе // Труды Гос. ист. музея. Вып. 22. Археолог. Сб. М., 1953. Города Подм.— Города Подмосковья. М., т. 1 — 1979, т. 2 — 1980, т. 3 — 1981; ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. Князев Ю. А. Факультатив по краеведению на основе данных топонимики // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1971, Т. 294. Методика преподавания истории. Вып. 5. Крылов Л. Материалы для истории церквей и монастырей города Калязина и сел Калязинского уезда. Калязин, 1908. Марусенко Т. А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье. М., 1968. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. Невская Л. Г. Балтийская географическая терминология М., 1977. Нижунов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. ПК — Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Писцовые книги XVI в. Отд-ние 1-е. СПб., 1872. Отд-ние 2-е. СПб., 1895. ПКР — Писцовые книги Рязанского края. XVI и XVII вв. Т. 1. Вып. 1. Рязань, 1898. Попов А. И. Топонимическое изучение Восточной Европы // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Серия востоковед. наук. 1948. Вып. 2. ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. ПСРЛ — Полное собрание русских летописей: Указатель к первым восьми томам. Отд. 2. Указатель географический. СПб., 1907. Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. Седов В. В. Балтская гидронимика Волго-Окского междуречья // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971. Селищев А. М. Из старой и новой топонимии // Избранные труды. М., 1968. Словник гідронімів України. Київ, 1979; СЛРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—18. М., 1975—1993. Смирнов А. В. Материалы для Владимирской губернии. Вып. 2. Владимир, 1903. Смолницкая Г. П. Гидронимия бассейна*

Оки: Список рек и озер. М., 1976. Смоленская Г. П. Обратный словарь гидронимов бассейна Оки. Ч. 1, 2. М.: Ин-т. рус. яз. Препринт № 3, 4, за 1988. СМНР — Списки населенных мест Российской империи. Т. 35. Рязанская губерния. СПб., 1862. СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Л., 1965. Татищев В. Н. История Российской. Т. 3. М.; Л., 1964. Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М., 1969. Топоров В. Н. Baltica Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. Трубачев О. М. Етимологічні спостереження над стратиграфією ранньої східнослов'янської топонімії // Мовознавство. 1971. № 6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. 1-е изд. М., 1964—1973; 2-е изд. 1986—1987. Фоменко В. Г. О подмосковных топонимах Коломна и Кашира // Материалы Моск. филиала Геогр. о-ва СССР. Топонимика. Вып. 4. М., 1970. Холмогоровы В. И. и Г. И. Исторические материалы о церквях и селах XVI—XVIII вв. Вып. 5. Радонежская десятина. М., 1886. Яшкін І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідрологія. Мінск, 1971. Stieber Z. Koluga, Serpochov, Astorkań, Rezań i Uglecz // Onomastica, XXIII, 1978.

Е. М. Поспелов

НАРЬЯН-МАР — город на правом берегу Печоры, центр Ненецкого автономного округа Архангельской обл. РФ. Находится в 100 км от моря, речной и морской порт. В городе построены лесопильный завод, рыбокомбинат, краеведческий музей. Город возник на месте д. Белошелье, а также рабоч. пос. Держинский (1933). В 1935 г. преобразован в город Нарьян-Мар. В переводе с ненецкого языка *няръяна* 'красный' (революционный), *мар* 'ровная площадка', 'город', букв. 'красный город'.

Н. К. Фролов

НИЖГОРОД (НИЖЕГОРОД) — одно из забытых названий Нижнего Новгорода, встречается в памятниках письменности, возникших до XVIII в. Например, в одном из деловых актов нижегородского Печерского монастыря — в поручной записи 1643 г. сказано: «Язь Нижгорода посацкой человек Иванъ Петуховъ». А от *Нижгород* образованы существительное *нижегородец* и прилагательное *нижегородский* (от *Нижний Новгород* ожидалось бы *нижненогородец* и *нижненогородский*, реально не употребляемые). Скорее всего, *Нижний Новгород* именовался *Нижгород* или *Нижегород* по отношению к *Городцу Радилову*.

Литература: 1. Русинов Н. Д. *Старое имя нашего города // Горьковский рабочий. 1984. № 252.* 2. Русинов Н. Д. *Кто мы: нижегородцы или нижнегородцы? // Нижегородская правда. 1990. № 221—222.*

Н. Д. Русинов

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРЕМЛЬ — средневековое оборонительное сооружение на плоской вершине и северо-западных склонах *Часовой горы* (см.) в Нижнем Новгороде, площадь кремля — 22,7 га, периметр стен — 2045 м, высота стен — от 12 до 15 м, толщина стен — от 3,5 до 4,5 м, количество башен — 11, высота их — от 12 до 15 м. Названия башен (по ходу часовой стрелки): *Дмитриевская* или *Дмитровская* (главная) — по имени нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича (XIV в.), *Кладовая* — служила складским местом, *Никольская* — по соседству с Никольской посадской церковью (теперь не существующей), *Коромыслова* — по якобы похороненной под нею легендарной девушке с коромыслом, *Тайницкая* — по гайному подземному ходу из нее к р. Почайне (иначе — *Почаге*), *Северная*, или *Ильинская* — по своему северному положению относительно других кремлевских башен и по соседству с посадской церковью Ильи Пророка, *Часовая* — по установленным на ней в XVI в. часам, *Ивановская* — по соседству с посадской церковью Иоанна Предтечи (теперь не существующей), *Белая* — по белокаменной облицовке нижней части наружного фасада, *Георгиевская* — по соседству с посадской Георгиевской церковью (теперь не существующей), *Пороховая* — по предназначению для хранения пороха и других боеприпасов.

Эти сооружения были построены в значительной мере под руководством иноземного (итальянского?) мастера Петра Франческо Фрязина в основном в начале XVI в. Правда, Дмитриевская башня и часть прилегающих в ней крепостных стен были заложены еще в 1372—1374 гг., но, по-видимому, к XVI в. обветшали настолько, что потребовали переделки и в своем первоначальном виде не сохранились. Оборонительное значение Нижегородский кремль потерял после присоединения к Московскому государству Ка-

занского и Астраханского ханств. Древнейшим зданием внутри Нижегородского кремля является Архангельский собор. Он построен в 1359 г., но в своей верхней части переделан в XVII в., после обвала потолков, и приобрел шатровидную крышу. От XVIII в. в Нижегородском кремле сохранились здание присутственных мест (постройка 1782—1788 гг.) и вице-губернаторский дворец (постройка 1787—1788 гг.). Остальные постройки здесь относятся к XIX—XX вв.

Литература: Квянов И. А. Нижегородский кремль. Горький, 1958.

Н. Д. Русинов

НИЖНИЙ НОВГОРОД — город у впадения р. Оки в р. Волгу, основан князем Юрием Всеволодовичем в 1221 г. как форпост для защиты Владимиро-Суздальской Руси от набегов волжско-камских болгар. Есть бездоказательные попытки удревить время основания Нижнего Новгорода — считать, что он возник в 1172 г. в связи с походом русского князя Мстислава Андреевича на волжско-камских болгар. Во второй половине XIV в. Нижний Новгород был столицей самостоятельного великого княжества, в XIII—XV вв. многократно испытал на себе разрушительные набеги татаро-монголов. В начале XVII в. благодаря Козьме Минину и Дмитрию Пожарскому город сыграл выдающуюся роль в освобождении Московского государства от польско-литовских интервентов, в дальнейшем оставаясь значительным культурно-экономическим центром Московского государства, Российской империи и РСФСР, в настоящее время оказался по этим признакам на третьем месте в РФ (после Москвы и Санкт-Петербурга).

В 1377 г. в Нижнем Новгороде по инициативе великого князя Дмитрия Константиновича и епископа Дионисия была создана знаменитая Лаврентьевская летопись. Нижегородцами по происхождению были такие культурные деятели, как *Макарий* — основатель Троицкого Желтоводского монастыря и Троицкого Унженского монастыря, *Иоанн Глазатый* (см.) — автор Казанской истории (иначе — Казанского летописца), *Тихон Желтоводский* (см.) — составитель Лату-

хинской степенной книги (особенно ценной уникальными сведениями по русской истории конца XVI — начала XVII вв.). В XVIII в. в Нижнем Новгороде жил и трудился епископ Нижегородский и Алатырский *Дамаскин* (Д. С. Руднев) — руководитель лексикографической работы над пятиязычным словарем народов Нижегородской губ. и редактор этого словаря. В 1735 г. здесь родился и прожил большую часть жизни механик-самородок, сделавший 35 выдающихся изобретений, И. П. Кулибин (умер в 1818 г.). В XIX—XX вв. Нижний Новгород дал России и миру таких выдающихся писателей и публицистов, как П. И. Мельников-Печерский, Н. А. Добролюбов, П. Д. Боборыкин, А. М. Горький, Н. И. Кочин и другие, таких композиторов, как руководитель «Могучей кучки» М. А. Балакирев, таких ученых, как Н. И. Лобачевский (создатель неевклидовой геометрии), акад. В. П. Васильев (лингвист-китаевед), проф. С. С. Четвериков (биолог-генетик), акад. Г. А. Разуваев (открывший ряд свободно-радикальных химических реакций), чл.-кор. АН С. И. Архангельский (специалист по истории Англии и Нижегородского Поволжья), таких специалистов в области техники, как Р. Е. Алексеев (изобретатель кораблей на подводных крыльях).

Название *Нижний Новгород* — лингвистически достаточно ясное образование. Оно обозначает, что возник он как город новый и нижний по отношению к какому-то иному городу. Но по отношению к какому?

Как известно, Н. Н. расположен в той части Поволжья, которую жители Новгорода Великого именовали *Низом* или *Низовской землей* уже в XII в. Поэтому обычно считают, что *Нижний Новгород* так назван в отличие от Новгорода Великого, а также от *Новгорода Северского*, так как находится в Низу, в Низовской земле. Этой версии первоначально придерживался нижегородский краевед П. И. Мельников-Печерский, ее считал вероятной другой местный краевед А. С. Гацинский, ее приняли и иные местные краеведы, а также составители Большой советской энциклопедии (2-е изд.) и московский историк В. А. Кучкин. Однако эта версия совершенно неубедительна в лингвистическом отношении. Во-первых, ее нельзя согласовать с отсут-

ствием как в современном и старинном русском устном употреблении, так и в древних письменных памятниках названия *Низовский Новгород*, которое ожидалось бы (при обозначении *Низовская земля*) наряду с *Нижний Новгород*. Во-вторых, указанная версия не соответствует этимологии слова *нижегородец* (оно от *Нижегород*) и противоречит обычной топонимической закономерности, по которой наименование с определением *верхний* или *нижний*, или с формантом *верхне-*, *верхо-* или *нижне-* и т. п. дается населенному пункту на побережье той или иной реки тогда, когда этот пункт возник в дополнение к какому-либо уже существующему выше или ниже по этой же реке и принимает на себя полностью или частично те или иные его функции. Ср. для примера названия городов: *Верхний Ломов* и *Нижний Ломов* на р. *Ломов* в Пензенской обл., *Верхняя Салда* и *Нижняя Салда* на р. *Салда* в Свердловской обл., *Уральск* и *Верхнеуральск* на р. *Урал* и т. д.

Иногда как аргумент в пользу того, что *Нижний Новгород* стали называть *Нижний* по отношению к *Новгороду Великому* или *Новгороду Северскому*, используют допущение, что слово *Нижний* в названии *Нижнего Новгорода* появилось не сразу, так как отсутствует при упоминании этого города в Лаврентьевской летописи 1377 г. и в некоторых иных источниках и встречается в письменности лишь с XV в. Но допущение — это еще не истина и, значит, не доказательство. Ведь далеко не все, что было в устном употреблении древних восточных славян, попадало в их письменность, да и она дошла до нас не полностью. К тому же все известные нам древнейшие контексты, в которых упомянут Н. Н., таковы, что определения *нижний* в обязательном порядке не требуют.

Таким образом, мнение о том, что *Нижний* в топониме *Нижний Новгород* средство для отличия от названий *Новгорода Великого* или *Новгорода Северского* — всего лишь неоправданное перенесение наших современных ассоциаций на историческое прошлое.

Другая версия относительно определения *Нижний* и основы *нов-* в названии *Нижний Новгород* была высказана в 1877 г. П. И. Мельниковым-Печерским, в

последние годы своей жизни отказавшимся от более раннего мнения. Он предположил, что Н. Н. получил свое название потому, что оказался соседом некоего Старого городка, основанного, по утверждению Нижегородского летописца XVII в., суздальскими князьями раньше Н. Н. на Гремячей горе — на берегу р. Оки, чуть выше по течению. Это соображение считал заслуживающим внимания, хотя и не принял окончательно А. С. Гациский. Новое мнение П. И. Мельникова-Печерского считал правильным нижегородский краевед XIX в. А. Можаровский, а к нему присоединяются и некоторые современные краеведы.

Однако преемственной связи у Н. Н. со Старым городком не было, так как в действительности этот городок был основан не суздальскими князьями (летописец ошибся!), а, по археологическим данным, существовал в I—V вв. н. э., принадлежал людям городецкой археологической культуры и располагался не на Гремячей горе, а по р. Оке выше Гребешка. Ведь городецкая археологическая культура — не славянского, а угро-финского происхождения, причем временной разрыв между основанием Н. Н. в 1221 г. и исчезновением Старого городка составляет около 700 лет. Тут, скорее, можно предполагать, что Старый городок получил свое наименование *Старый* потому, что его следы были обнаружены много времени спустя после возникновения Н. Н. и ошибочно приняты за остатки древней восточнославянской крепости, якобы некогда сооруженной суздальскими князьями. Недаром же в Нижегородском летописце, памятнике явно позднему, эти остатки объяснены ложно и в их название включено определение *старый*. Не случайно также в явно поздних и не отражающих истины легендах о мордовском Абрамове городке и о поселении мордвина Скворца на Дятловых горах, т. е. в преданиях, которые можно связать с остатками Старого городка, сообщается совершенно по-разному о том, что за селение якобы было у впадения р. Оки в р. Волгу перед основанием здесь Н. Новгорода.

Для объяснения, почему название *Нижний Новгород* содержит определение *нижний* и морфему *нов-*, надо учитывать, что слово *нижегородец* — лингвисти-

ческое свидетельство основания Н. Н. позднее и ниже по реке в сравнении с каким-то иным городом. Нельзя игнорировать также указанную топонимическую закономерность возникновения названий населенных пунктов по рекам с уточнителями *Нижний* и *Верхний* и т. п. Следовательно, надо искать повод для названия *Нижний Новгород* в наименовании какого-то селения, расположенного вверх по реке, в относительной близости от древнего Н. Н. и возникшего раньше его. Поскольку упомянутый Старый городок тут ни при чем, то есть основание обратить внимание на Городец Радилов.

Во-первых, Н. Н. возник в 1221 г. как пограничная крепость на землях, только что присоединенных к Городецкому удельному княжеству. Ведь, как известно по летописи, центром этого княжества был именно Городец Радилов, основанный между 1152 и 1157 гг., т. е. раньше Н. Новгорода и несколько выше его по Волге. Известно также, что Н. Н. именно от Городца Радилова принял на себя сначала функции самого авангардного на Волге военного оплота Владимиро-Суздальской Руси в борьбе с волжско-камской Болгарией и другими восточными противниками, а потом и функции культурно-экономического центра (хотя последние к нему позднее перешли еще и от Суздаля). Во-вторых, есть косвенные, но достаточно явные свидетельства того, что Городец Радилов в древности именовался *Город Радилов* или просто *Город*. Например, в Лаврентьевской летописи и в Нижегородском летописце прилагательное, соотносимое с названием Городца Радилова, представляет собою не *городецкий*, а *городьский* или *городьский*.

Кроме того, в Лаврентьевской летописи любопытно то место, где в заслугу великому князю Юрию Всеволодовичу поставлено основание им Н. Новгорода: «паче же Новъградъ вторыи постави на Волзе оустъ Окы». Здесь уточнение *вторый* в сочетании с *на Волзе* применительно к *Новъградъ*, скорее всего, надо понимать как указание на сопоставление Нижнего Новгорода с Городцем Радиловым.

Л и т е р а т у р а: 1. Гациский А. С. Примечания к Нижегородскому летописцу // Нижегородский летописец/Под ред. А. С. Гациско-

го. Н. Новгород, 1886. 2. Можаровский А. Ф. О названии Нижнего Новгорода // Нижегородские губернские ведомости. 1895. № 10, 11. 3. Мельников-Печерский П. И. Полн. собр. соч. Т. 12. СПб.; М., 1898. С. 8, 372—375. 4. Мельников-Печерский П. И. О старом и новом городах в Нижнем Новгороде // Труды IV археологического съезда в России. Т. I. Казань, 1881. 5. Русинов Н. Д. Старое имя нашего города // Горьковский рабочий. 1984. № 252.

Н. Д. Русинов

НИЖНИЙ НОВГОРОД СТАРЫЙ — название точно не выясненного объекта в пределах Нижнего Новгорода, упомянутое в общерусских летописях под 1445 г. (в связи с захватом Нижнего Новгорода татарским ханом Махмудом) и под 1479 г. (в связи с походом русского войска на Казань). Гипотезы, объясняющие, что такое *Нижний Новгород Старый*, высказаны такие: 1) нагорная часть современного Нижегородского кремля (аноним из Нижегородских губернских ведомостей, 1846); 2) современный Нижегородский кремль в отличие от цитадели, построенной в XIV в. при нижегородском князе Димитрии Константиновиче (Н. И. Храмовский, 1857); 3) гипотетическое крепостное сооружение на Гремячей горе (П. И. Мельников-Печерский, 1877); 4) оборонительные земляные валы и другие укрепления вокруг средневекового нижегородского посада (И. А. Кирьянов, 1956); 5) современный Нижегородский кремль в отличие от какого-то предграды — «осады», — которое было сооружено по повелению московского великого князя Василия Темного в 1444 г. (судя по Ермолинской летописи).

Вопреки мнению Н. М. Карамзина, нельзя отождествлять Нижний Новгород Старый со Старым городком, так как первый в XV в. был где-то внутри Нижегородского посада, а второй — за его пределами.

Л и т е р а т у р а: 1. Карамзин Н. М. *История государства Российского*. СПб., 1842. Кн. 2. Т. 5. 2. Кирьянов И. А. *Нижегородский кремль*. Горький, 1971. 3. Кучкин В. А. *О Нижних Новгородах — Старом и Меньшем* // *История СССР*. 1976. № 5. 4. Русинов Н. Д. *Нижний Новгород Старый в общерусских летописях* // Тезисы Региональной научно-практической конференции «Исторические наименования — память народа». Горький, 1990. 5. Храмовский Н. И. *Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода*. Н. Новгород, 1857. Т. 1. 6. *Укрепления Нижнего Новгорода* // *Нижегородские губернские ведомости*. 1846. № 58.

Н. Д. Русинов

НИКОНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ (1904—1988) — известный исследователь ономастики, оставивший глубокий след в топонимике, антропонимике и других разделах науки о собственных названиях. В 20-х и 30-х гг. работал журналистом в ряде газет, позже отдал должное литературоведению. Участник Великой Отечественной войны. В 1935 г. напечатал первую статью об изучении географических названий. В послевоенное время целеустремленно изучал закономерности формирования ономастической лексики. Печатался в Советском Союзе, во Франции, Болгарии, Польше, США. Первые труды в области ономастики были посвящены топонимике. Со временем интересы В. А. Никонова расширяются. Появляются исследования личных имен, по этнонимии, космонимии, зоономии, теонимии. Географические названия при этом не забываются, хотя, естественно, оттесняются на второй план.

В. А. Никонов предложил различать понятия *топонимика* и *топонимия*, что ныне стало общепринятым. Сформулировал постулат о рядности географических названий, которые «никогда не существуют в одиночку, они всегда соотносены друг с другом. Чтобы выяснить происхождение названия, необходимо прежде всего понять, что оно возникло не изолированно, а лишь в ряду других названий».

Первым законом топонимики считал *историзм*. Имя месту присваивает человек в определенных исторических условиях, хотя датировка многих топонимов оказывается делом трудным. Топонимия соответствует не природным зонам, а «исторически складывающемуся использованию их человеком. Топонимия — не фотография естественноисторической среды, она всегда социальна. Даже самое обращение к природе за признаками для наименования («сосновый», «степной») обусловлено социально-экономическими условиями, уровнем хозяйства в конечном счете: только когда лес или его отсутствие определяют все существование населения, они дают основу множеству географических названий».

В. А. Никонову принадлежит и мысль об относительной негативности географических названий. Это

положение разделяется далеко не всеми учеными, однако полностью его отрицать нельзя. Но, конечно, позитивность как универсальная закономерность формирования топонимии, отражающей признаки называемых объектов, повсеместно проявляется более ярко и доказательно. В. А. Никонов считал, что не этимология в топонимии главное, а выяснение причины номинации, этиология. Он сторонник метода формантов как массово повторяющихся элементов. Большое внимание уделил анализу суффиксации славянских названий, где она встречается гораздо чаще, чем вне ее. Многие конкретные работы В. А. Никонова убеждают, что его скептическое отношение к «корнеискательству» в названиях не подтверждается его собственными трудами, где широко представлены их этимологии (см. «Краткий топонимический словарь» и работы по антропонимии).

Многое, что успел напечатать В. А. Никонов из своего большого собрания русских фамилий, показывает, что, наряду с хронологией и ареалами, автор дает их происхождение, смысловое значение, связь с апеллятивами, и это занимает весьма важное, если не первое место. Неслучайно работы по русской антропонимии напечатаны в трех сборниках «Этимология» (буква «А»), где представлено 2200 фамилий. В течение 12 лет журнал «Русская речь» печатал его статьи «Из словаря русских фамилий», вызывавшие широкий читательский интерес и отклик. На основе этих статей издательством «Школа-Пресс» издан «Словарь русских фамилий» В. А. Никонова (М., 1993).

Работы по антропонимии проникнуты идеей о социальной функции личного имени. Они «существуют только в обществе и для общества, оно диктует неутомимо выбор их, какими бы индивидуальными они ни казались. Личные имена социальны все и всегда». Интересна попытка очертить ареальность антропонимии, выяснить географию моделей славянских, мордовских, среднеазиатских мусульманских и грузинских фамилий. Их формантный анализ позволил автору показать направления миграции населения.

В. А. Никонов — организатор многих ономастических конференций, в частности региональных (По-

волжье, Средняя Азия, Кавказ), и топонимической комиссии Московского филиала Географического общества, руководитель группы ономастики в Институте этнографии АН СССР. Многие сборники научных трудов по ономастике были подготовлены им к печати и изданы. Он был непременным участником многих всесоюзных и международных конференций. Читал лекции в 18 вузах Советского Союза, чем способствовал пропаганде и популяризации ономастических знаний. Автор многих статей и заметок в различных энциклопедиях.

XI Международный конгресс по ономастике в Софии в 1972 г. избрал В. А. Никонова почетным членом Международного комитета (центра) ономастических наук.

Избранные работы В. А. НИКОНОВА: 1. Об изучении местных географических названий // Советское краеведение. 1935. № 6. 2. Закон ряда в географических названиях // Onomastica. Wrocław, 1958. Т. 4. № 1. 3. География русских суффиксов // Там же. 1959. Т. 5. № 2. 4. История освоения Поволжья по материалам топонимии // Вопросы географии; Сб. 50. Историческая география. М., 1960. 5. Диалектология и топонимика // Балканско езиковзнание. София, 1961, № 3. 6. Этимологические западни // Lingua Posnaniensis. 1962. Т. 9. 7. Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964. 8. Введение в топонимику. М., 1955. 9. Краткий топонимический словарь (около 4000 названий). М., 1966. 10. Личное имя — социальный знак // Советская этнография. 1967. № 5. 11. Топонимы пермских языков/Географические названия Прикамья // Учен. зап. Пермск. унта. 1968. № 177. 12. Фоностатические схемы гидронимии Уганды // Топонимика Востока. М., 1969. 13. Система личных имен // Народы мира. М., 1970. 14. Опыт словаря русских фамилий. I—III // Этимология. 1970, 1971, 1973. М., 1972, 1973, 1975. 15. География космонимов и этнические связи // Проблемы этногеографии Востока. М., 1973. 16. Имя и общество. М., 1974. 17. Состояние и задачи ономастических исследований Кавказа // Вопросы языкознания, 1975. № 4. 18. Заметки по оронимии Киргизии // Ономастика Средней Азии. М., 1978. 19. Ищем имя. М., 1988. 20. География фамилий. М., 1990. 21. Словарь русских фамилий. М., 1993.

Э. М. Мурзаев

НОВОСИБИРСК — город, центр Новосибирской обл., порт на р. Оби; возник в 1893 г. при строительстве железнодорожной магистрали и вначале назывался пос. *Гусевка*; переименован в честь императора Николая II в *Новониколаевск* (1903), получил название *Новосибирск* в 1926 г. Теперь крупный железнодорож-

ный узел; на 1987 г.— 1423 тыс. жителей; заводы: «Сибсельмаш», «Сибэлектротяжмаш», станкостроительный и др., ГЭС, метрополитен (с 1985 г.); 13 вузов, 6 театров, Сибирское отделение Российской академии наук.

Н. К. Фролов

НОРИЛЬСК — город на севере Красноярского края; соединен ж. д. с портом Дудинка в устье р. Енисей. Возник в 1935 г. в связи со строительством медно-никелевого комбината. В Норильске ведутся крупные углеразработки открытым способом, добыча и переработка никеля, меди, кобальта и др.; горнообогатительные, металлургические, энергетические предприятия. Индустриальный институт, театр. В 1987 г.— 181 тыс. жителей. Этимология имени *Норильск* остается неясной: связь с эвенк., монгол. *нор* 'озеро' сомнительна ввиду недостаточности географического критерия. Предпочтительно сопоставление с эвенк. *нориликан* 'пестрый' (ср. ненец. *няравэй* 'белый', *неравэй ябто* 'серый гусь'), либо с ненец. *нярава* 'медь, латунь'.

Н. К. Фролов

НОЯБРЬСК — город в Пуровском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской обл., около 60 тыс. жителей; возник как поселок нефтяников в ноябре 1976 г. (отсюда источник наименования), преобразован 25 апреля 1982 г. в город; ведется геологоразведка и добыча нефти, есть железнодорожная станция.

Н. К. Фролов

О

ОБЬ — река, самая крупная в РФ, образуется слиянием рек Бии и Катунь на Алтае, протекает в основном в Западной Сибири, впадает в Обскую губу Карского моря. В среднем и нижнем течении — типичная

равнинная река, площадь бассейна — 2990 тыс. кв. км, судоходна на всем протяжении, половодье с апреля до июля в верховьях и до сентября в низовьях, имеет ряд рукавов (Малая Обь, Большая Обь, Горная Обь, Старая Обь, Новая Обь, Нанинская Обь и др.), расход воды от 12 700 до 4280 куб. м в сутки. Основные притоки слева — Васюган, Большой Юган, Иртыш, Северная Сосьва, Сыня, Соть, справа — Умыш, Чулым, Кеть, Тым, Вах, Пим, Назым, Казым, Полуй. На р. Обь города: Барнаул, Новосибирск, Нижневартовск, Мегион, Сургут, Белоярск.

В русских источниках название упоминается с XII в., в «Книге Большому чертежу» — р. *Обь Великая*: «а на реке Оби от устья вверх Обдорские грады, а выше Обдорских градов Югорские».

Название *Обь*, видимо, имеет прямое отношение к иранским языкам, где тадж. (перс.) *об* имеет значение 'река, вода', ср. названия рек *Варзоб*, *Сурхоб*, *Ягноб* и др. В русский язык название, возможно, проникло как обозначение низовьев реки, так как у татар *Обь* — *Обьюл*, у аринских кетов — *Ю*, у хантов и манси — *Ась*, *Ас*, у ненцев — *Салаям*, у коми-зырян — *Обва* 'снежная река', у селькупов — *Кора-Кволты* 'извилистая река', *Нгаквиль-Кволты* 'глинистая река', *Квай* 'большая река'.

Н. К. Фролов

ОРОНИМИЯ РОССИИ (страны многонациональной) сформирована средствами разных языков — финно-угорских, тюркских, самодийских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских, монгольских, кавказских, индоевропейских. Если не считать новообразований, возникших в результате научных исследований рельефа и расчленения территории России на геоморфологические области и районы, номинация всех крупных орографических единиц оказалась неславянской: *Валдай*, *Хибины*, *Урал*, *Кавказ*, *Алтай*, *Путорана*, *Бырранга*, *Кузнецкий Алатау*, *Саяны*, *Сихотэ-Алинь*. Их этимологии, за малым исключением, оказываются спорными, имеют несколько версий. Даже как будто прозрачный ороним *Яблоновый хребет* есть результат народного переосмысления исходного бурятского

Ябалгани даба 'пеший перевал, легко проходимый, доступный'. Кажется исключением из такого положения — высочайший из действующих вулканов в Евразии — *Ключевская сопка* (4750 м) и *Становой хребет*, т. е. «основной» на Дальнем Востоке. Он оказался водораздельным между реками бассейнов Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Финно-угорские оронимы встречаются на обширных пространствах севера и северо-запада Европейской части России, на Урале, в Западной Сибири: Хибиньы с вершиной *Кукисвумчорр*; горы *Масельга*, *Луосварак* в Карелии; *Оссияур*, *Селемиз* и *Пониз*, *Путтумп*, *Высокая Парма* на Урале; *Вылиб Понмыльк* в Республике Коми и Ненецком авт. окр.; *Нёр* — мансийское имя Урала; возвышенность *Пантсуйур* в Ханты-Мансийском авт. окр. Следы саамской топонимии сохранились далеко за пределами Кольского полуострова.

Самодийские названия гор известны на севере Урала и Западной Сибири: хребет *Пайхой*, гора *Певнэ*, *Саляпэ*, *Пензерлаха*.

Тюркская оронимия наблюдается на очень большой территории — от западных границ России до Бурятии и Якутии включительно: горы *Дыхтау*, *Каракая* на Северном Кавказе; *Сакматау* и *Ямантау* на Урале, *Пиртаг* и *Кокхая* в Хакасии, *Музтаг* в Шории; *Улуг-Тайга*, *Таскыл* в Туве; горы *Байтаг* и *Картаг* в Бурятии; хребет *Улахан-Дабан* (якутское название *Джугджур*) в Хабаровском крае; горы *Хара-Тас*, *Тумусах*, *Кис-Тумул* в Якутии.

Тунгусо-мальчжурские оронимы присущи Восточной Сибири и Дальнему Востоку: хребет *Джугджур*, гора *Бугурчак*, хребты *Гыдан* (Колымский), *Гугда*, *Удокан*, *Кадар*, гора *Дёломо-Дыл*.

Монгольские элементы присутствуют в оронимии Поволжья, на Алтае, в Туве, Казахстане, Восточной Сибири: возвышенность *Ергени*, гора *Богдо*, хребет *Хамар-Дабан*, вершина *Мунку-Сардык*, горы *Баян-Ула*, *Улан-Хада*.

Палеоазиатские оронимы формируют имена гор на Камчатке, Чукотском полуострове, частично в Якутии: утес *Эпепил*, хребет *Огинратынон*, мыс *Туколан*, впадина *Чопко*.

На Северном Кавказе проживают многие народы: осетины, кабардинцы, чеченцы, адыги, убыхи, ингуши, лезгинь, даргинцы и др. Их языками оформлены топонимы на территории Кавказа и Предкавказья (от Черного до Каспийского морей): *Бермамыт, Псеашко, Мартхох, Суган, Андийский, Аварский* хребты.

Индоевропейские оронимы России представлены русскими, балтийскими, романскими и ираноязычными названиями. Последние более заметны в гидронимии бассейнов Дона, Днепра и Кубани. Оронимы группируются на Северном Кавказе, где высятся горы *Адайхох, Гимарайхох, Урсхох* (так осетины называют Казбек), *Цей, Дарзхох, Мамисон*.

Балтийские оронимы на территории России мало изучены, в отличие от балтийских гидронимов, которые фиксируются в бассейнах Днепра, Западной Двины, озер Ильмень и Чудского. Русские географические оронимы повсеместны в пределах России, они присутствуют в каждой области, республике, национальных округах (см. *Оронимия русская*).

Наиболее полный перечень оронимов нашей страны с указанием местоположения приведен в «Словаре орографических объектов СССР» (М., 1976). Детальный анализ оронимов Урала дан в книге А. К. Матвеева «Вершины Каменного Пояса. Названия гор Урала» (Челябинск, 1990). Однако в целом литература по оронимике России очень бедна.

Э. М. Мурзаев

ОРОНИМИЯ РУССКАЯ — образованные от русских слов названия положительных и отрицательных форм рельефа.

В топонимии первые более многочисленны и часто формируют имена населенных мест (*ойконимы*), что можно объяснить ориентирующим значением разных форм рельефа. По степени изученности оронимия уступает гидронимии и ойконимии. На Руси реки играли исключительно большую роль в развитии хозяйства и как фактор общения между разными славянскими племенами. Имена населенных мест издавна учитывались государственными службами. Горы, возвышенности, низины в этом плане представляли

мальй интерес, чем можно объяснить значительное количество книжных названий в оронимии. Нарисательные существительные, отражающие те или иные черты земной поверхности, разнообразны и представлены народными терминами, среди них:

1) отражающие положительные формы — *белок, буй, вал, венец, ворота, востряк, голец, горб, грива, гряда, камень, курган, лоб (взлобок), могила, мыс, ребро, рель, скала, сопка, холм, хребет, шелом* и др.;

2) отражающие отрицательные формы — *балка, впадина, враг, долина, западина, котловина, лог, ложбина, лоск, лощина, низина, низменность, овраг, падь, провал, пропасть, теснина, щель (ущелье), яма* и др.;

3) обладающие противоположными значениями, т. е. отражающие как положительные, так и отрицательные формы, — *веретье (вереть), вертеп, верх (вершина), краж, обрыв, плота (плотвище), рог, увал, яр* и др.;

4) нейтральные: *берег, пещера, плоскость, равнина, ровняки*.

Топонимическая активность приведенных здесь и других оронимических терминов разная. Одни из них весьма продуктивны в формировании географических названий (*враг, гора, камень, рог, яр*), другие (*низменность, равнина, западина, овраг, пещера* и т. д.) практически не оказали никакого влияния на русскую оронимию, хотя представлены в ойконимии.

Чем объяснить, что общеизвестные слова *возвышенность* и *хребет* остались изолированными в топонимии вообще? Такие новые названия, как *Передовой хребет* на Северном Кавказе и железнодорожные станции *Хребет-Уральский, Хребет* и *Хребтовая, Среднерусская возвышенность*, только подчеркивают это положение. Названия менее значительных орографических объектов, вершин отдельных гор, возвышенностей и отрогов повсеместно в России оказываются русскими с прозрачной этимологией: гора *Каменник* на Валдае и в Хибинах; горы *Магнитная, Ежеевая, Дикарь, Теплая, Черная* на Урале; *Крестовый Гонец* в Кольском нагорье; гора *Сахарная Голова* и гора *Столовая* на Кавказе; *Быструхинский Шпиль, Бийская Грива, Колыванский хребет* на Алтае; *Верхний Зуб* и *Бобро-*

вая в Кузнецком Алатау; пики *Заоблачный* и *Грандиозный* в Западном Саяне; гора *Камень* в плато Путорана; вершина *Голец-Скалистый* в хребте Удокан в Восточной Сибири; горы *Березовая* и *Голая* в Сихотэ-Алине. На картах Камчатки и Сахалина русские оронимы читаются в большом количестве: *Голый хребет*, *Желтовская* и *Камчатская сопки*, горы *Три Брата* и *Три Сестры*. Русские оронимы соседствуют с иноязычными коренных жителей.

Словообразование в оронимии мало отличается от топонимического в целом. Часты описательные конструкции, где преобладают словосочетания: *Бешеная балка*, *Верблюд гора*, *Ветренный Холм*, *Горбатый хребет*, *Двугорбая*, *Дивногорье*, *Жигулевские Ворота*, *Жупановские Востряки*, *Каменный Пояс*, *Камень-Рыболов*, *Коврига*, *Красная Горка*, *Молодецкий Курган*, *Мохнатая Сопка*, *Плоская-Дальняя*, *Полуденные горы*, *Сердце-Камень*, *Синий Сырт*, *Скальный Пик*, *Снежный хребет*, *Средний хребет*, *Становой хребет*, *Сухой Яр*, *гора Толстый Мыс*, *гора Широкий Голец*. Из этого перечня видно, что названия горных сооружений оформлены обычно при помощи прилагательных, выступающих в качестве определения объекта. Распространенный в топонимии суффикс *-ка* не характерен в оронимии, но имеет место: горы *Кедровка*, *Голая Стрелка*, *Белка*, *Острая Сопка*, *Лавка*. Если в гидронимии модель *Каменка* обычна, то в оронимии — исключение, где преобладают формы: *Каменистая (-ый)*, *Каменная*, *Каменный (Белок, Гребень, Зуб, Рог, хребет)*, *Каменуха*, *Камень*. Малопродуктивны в оронимии и суффиксы *ов/-ев*, *-ин*, обычные в именах населенных мест. При помощи суффикса *-ск-* оформлены книжные названия типа *Кубанская низменность* и формы прилагательных: *Байкальский* и *Анадырский хребты*.

Существенное отличие русской оронимии от других разделов топонимии — малое присутствие личных имен. Они представлены в названиях вершин Урала: *Денежкин Камень* и *Конжаковский Камень*, *Климентов Белок* на юге Красноярского края, *Ивановский Утес* в Читинской обл., *Петровская Шишка* в Оренбургской обл. и др. И, конечно, книжные названия, появившиеся в разных горных массивах Сибири и Дальнего Востока в последнем столетии: *хребты Вернадского*, *Об-*

ручева, Черского, Чекановского, горы Крашенинникова, Бэра, Карпинского. Особенно часты мемориальные оронимы в северных приполярных областях.

Такое же книжное происхождение имеют названия гор, возвышенностей и низменностей, производные от гидронимов: *Приволжская возвышенность, Донская низменность, Ангарский кряж, Вятские увалы, Прикаспийская низменность, Приазовская возвышенность, Приднепровская возвышенность, Днепровская низменность, Кубанская низменность, Приазовская возвышенность, Окско-Донская низменность, Колымское нагорье, Вилуйское плато, Момский хребет, Олёкмо-Чарское нагорье, Верхнеянский и Буреинский хребет, Терский хребет, Амуро-Зейская равнина, Анадырская низменность.*

Орографическая систематика выраженных в рельефе геоморфологических объектов включает названия-ориентир: *Восточно-Европейская равнина (она же Русская), Западно-Сибирская низменность (равнина), Восточно-Сибирское нагорье, Северные Увалы, Полярный, Северный, Средний и Южный Урал; Западный и Восточный Саян, Западно-Сахалинский и Восточно-Сахалинский хребты.* «Городские» оронимы сравнительно немногочисленны: *Ставропольская возвышенность, Уфимское плато, Пулковские Высоты, Самарская лука, Клинско-Дмитровская гряда, Даниловская возвышенность, Иркутско-Черемховская равнина, Сарapulьская возвышенность, Калачская возвышенность.*

Нечасты в русской оронимии и названия народов: *Мещерская низина, Юкагирское плоскогорье, Корякский хребет, Саяны, Чувашская гора, Тунгусское плато, Русские горы, Ламутский хребет.* В этом ряду перечислены оронимы, образованные в результате народной номинации и книжные (см.: *Оронимия России*).

Э. М. Мурзаев

П

ПАВЕЛ ВЫСОКИЙ — монах нижегородского Вознесенского Печерского монастыря. Время и место

рождения П. В. неизвестны, умер в указанном монастыре 1 января 1383 г. По выражению Симеоновской летописи, был «чернец... книжный, грамотный и чудный старец», о кончине которого плакали все печерские монахи и даже архиепископ нижегородский, городецкий и суздальский *Дионисий* (см.). Можно предполагать, что П. В. по поручению великого князя нижегородского *Димитрия Константиновича* и епископа *Дионисия* редактировал текст *Лаврентьевской* летописи и написал ее уставную, начальную часть, но из-за старческих недугов вынужден был дальнейшую работу над этой летописью передать молодому монаху *Лаврентию* (см.).

Литература: 1. *Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1962.* 2. *Русинов Н. Д. К вопросу о происхождении Лаврентьевской летописи: Лингвистические заметки о ее писцах // Эволюция и предыстория русского языкового строя: Межвуз. сб. Горький, 1981.*

Н. Д. Русинов

ПАИСИЙ УГЛИЧСКИЙ — культурный и религиозный деятель Угличского Верхневолжья XV в. Родился в селе Богородском Нерехотского стана, «на меже Кашинской и Угличской», около 1397 г., умер в 1504 г. в угличском Покровском монастыре в возрасте около 107 лет (был одним из средневековых угличских долгожителей). При рождении получил христианское имя *Павел*, с детства пристрастился к чтению книг, 11 лет постригся в калязинском Троицком Макарьевском монастыре в монахи с именем *Паисий* и здесь достиг высокого мастерства в переписывании книг. До нас дошли две изготовленные Паисием книги: «Слова Григория Богослова» (когда-то принадлежала Макарьевскому монастырю, теперь хранится в Калязинском музее) и «Четвероевангелие» (принадлежало угличскому Покровскому монастырю, теперь находится в Угличском государственном архиве).

В первой половине или в середине XV в. (до 1462 г.) Паисий оставил Троицкий монастырь и основал свой, Покровский, возле г. Углича, на левом берегу р. Волги. При угличском князе *Андрее Васильевиче Большом Горяе* (см.) поддерживал и благославлял все его

начинания и действия по подъему угличской культуры и экономики.

Все эти данные о П. У. известны из его жития, сочиненного кем-то из угличан в связи с церковной канонизацией Паисия как святого и чудотворца. Они плохо поддаются проверке по иным источникам и кое в чем неточны. Так, судя по житию, Паисий основал Покровский монастырь не до 1462 г., т. е. не до времени угличского князя Андрея Васильевича Большого Горяя, а при нем и по его желанию.

Л и т е р а т у р а: 1. **Антоний.** Угличский Покровский монастырь. Ярославль, 1870. 2. **Русинов Н. Д.** К истории субстратных явлений в древнерусском языке: Некоторые языковые особенности Паисиевской рукописи XV в. // Учен. зап. Горьковского ун-та. 1967. Вып. 76. Серия лингвистическая.

Н. Д. Русинов

У

ПЕНЗЕНЩИНА (Козьмодемьяновское, Новый Кряж-сим, Махалино, Кузнецк).

Примечание от редактора.

Существуют по крайней мере два способа описания предмета, кратко затрагиваемого ниже, — городов и весей России, а одновременно — два взгляда на эти города и веси: один — как бы сверху вниз, легко отождествляемый с научным, политико-административным, объективным, так сказать, подходом, «объективность», которого заключается, пожалуй, в том, что полностью исключен субъект, зато дается много статистики и достигается почти полная иллюзия точного знания. Другой подход невольно видится как несколько ущербный: хотя бы потому, что он направлен с низу в верх, а снизу хуже видно (вспомним сентенцию «из деревенской избы видно многое, но не все»), тут и намек на ограниченность и традиционное ироническое ответное отношение сверху, словом, много всяких ограничивающих моментов (взять тот же «непрофессионализм» описания, конечно, без профессионализма сейчас вроде ни за что братья нельзя...).

Однако при этом нетерпеливая мысль, кажется, пренебрегает знанием и знатри, которое дается не школьной наукой, а рождением и жизнью

в родных местах обитания. Это знание описываемого предмета изнутри, строго говоря, не вправе недооценивать и достаточно высокая наука. К тому же сейчас, когда, по преобладающему справедливому мнению, и экономическая география, и политэкономия со статистикой, глядя «сверху вниз», проглядели столь многое в жизни русских сёл, очевидно, самое время прислушаться к голосам, идущим снизу, пока их еще бывает можно услышать. Конечно, хочу повториться, это нисколько не исключает иных способов описания и иных исполнителей и издательских трибун (я имею здесь в виду инициативу «Энциклопедии русских деревень»).

Но вернемся к нашей публикации. Она как раз и есть этот «голос снизу» и неплохо характеризует свой предмет — село или «куст» селений Пензенской области, отнюдь не претендуя, впрочем, на исчерпанность информации, что тоже, естественно, надо учитывать. Интерес представляет то обстоятельство, что автор — поэт, постоянно проживающий в описываемой им сельской местности. Понятно, что человек, связавший с этой землей свою жизнь, пишет совсем не так о ней, как тот, кто заинтересовался ею как временным предметом исследования. Человеческого фактора в первом случае всегда больше, чем во втором.

Юрий Самсонов — поэт самостоятельный и вместе с тем уже профессиональный, его стихи печатали и печатают в саратовском областном и в некоторых центральных издательствах. Я не берусь судить о поэзии Юрия Самсонова, одно в ней бесспорно — это «к родине любовь», говоря его же словами. Он хорошо чувствует и знает, о чем пишет, еще и потому, что он не просто «деревенщик», как сейчас говорят, он — поэт-крестьянин, место его работы — хлебное поле. Юрий Самсонов остро чувствует народные и сельские беды, ему помогают в том семейные и исторические предания этой русской глубинки. О том, что он знает и о чем заботится, порой не может говорить без самых крепких слов, поэтому предлагаемую ниже пробную публикацию на основе его обширного письменного материала пришлось несколько сократить в ин-

тересах необходимой компактности. Но отнесемся со всей внимательностью к исповеди поэта-сельчанина. Пусть она напомним нам о том, что жанр «Истории села Горюхина», подслушанный Пушкиным у своего времени, вовсе не утратил остроты и для нашего времени и что рамки научного издания новой Русской энциклопедии не должны быть закрыты для этого источника познания России.

А теперь слово — Ю. Самсонову для рассказа о судьбе отнюдь не самого бедствующего из русских селений...

О. Н. Трубачев

Козьмодемьяновское — селцо с церковью старинной и ярмарочной площадью, попеременно относилось то к Самарской, то к Саратовской губернии. И звалось селцо не всегда так... История села, по сохранившимся некоторым архивным материалам, записям из церковных книг, а также воспоминаниям старожилов, во многом схожа с судьбой других русских сёл, затерянных и забытых теперь. А ведь когда-то жили здесь трудолюбивые наши предки, кряжевали в урочищах топором и двуручной пилой-хралушей смолистые хлысты себе на жильё, на всякие дворовые постройки и повседневные нужды. В домах вязали бёрда к ткацким станкам, чесали шерсть, из которой пряли нитки на шали и носки, валяли обувь, нарезали лыко на лапти, правили холсты, мяти кудель из поскони конопляной, выделывали кожи, расшивали приданое к свадьбам...

Трудно сказать, в какие времена зазвенел топор по комлям девственной сосны, но первое упоминание о поселении относится к 1622 г.: «... Отказано Петру да Луке Панкратьевым да приказа Казанского дворца подьячему Тимофею Башкееву проезжая доля подле Кудадеевского леса и речкою Кережимом... по 200 четвертей в поле». Работящие были первые поселенцы, если к 1703 г. по описи значилось уже 500 дворов. По речке, видно, и село позже получило название *Кряжим* → *Новый Кряжим*. По рассказам Якова Михайловича Свитнева, служившего одно время старостой при церкви и перечитавшего все церковные кни-

ги, церковь в селе была построена в 1703 г., с одним престолом, и оставалась таковой до 1784 г. Относилась божья обитель к Саратовской епархии. В книге записей дата освящения церкви — 7197 г. от сотворения мира (по гражданскому летосчислению — 1689). Церковь высилась у так называемого Гаврилина двора. При ней было богатое и красивое кладбище со склепами и мраморными надгробьями. Старинные черного мрамора надгробья и сейчас еще обнаруживаются порой заиленными в околобольничном (тогда — прицерковном) овражке и по речке Кряжимке.

В 1795 г., на Сергиев день, 24 сентября, все село и старая церковь сгорели. Отстроили новую. Но и ей не повезло: в наше время ее развалили. Стояла церковь, якобы охраняемая государством, а фактически раздраемая ветрами и поливаемая дождями, безнадзорно до 1963 г. Алексей Игнатьевич Аляев, тогдашний директор школы, из материала обители святой построил ученический интернат. И осталось село безголовым...

У омута на отводном желобе шумела некогда водяная мельница. Немного поодаль от нее было видимо-невидимо дикого хмеля. Тут раньше был пивоваренный заводик. Камни из его фундамента давно уже выбраны жителями под личные постройки, и лишь овраг напоминает о былом своим названием — Пováрешный (из Пивováрешный).

В некогда живописной, но неплодородной пойме реки понастроены были фабричные цехи, где вырабатывались всевозможные виды сукна, поделки из щетины, выделывались кожи, варился клей. Еще и в наши дни в *Махалине* (село переименовано было в честь героя хасанских боев на Дальнем Востоке Алексея Махалина, местного выдвиженца) действует валяльный цех, где кислорода в воздухе, насыщенном парами серной кислоты, — 30%, и люди постоянно задыхаются, срабатываясь на глазах.

За родником, вырванным овраг, выше по скату просматриваются и теперь еще неровности в земле — «смоляные ямы». Здесь топили вар, гнали деготь, скипидар, по заказам Пензенского художественного училища томили рисовальный уголь из орехового дерева. Подле круч с мягким камнем повсеместно, но больше

в Дальней Белуше, догнивают остатки столбов, некогда служивших основаниями под верстаки для точки брусков. Следов давнишней поделки изразцов и кирпичей тоже хватает. Верный признак тому — обвалившаяся кладка старых горнов и кучи истлевших углей. О высоком качестве местной глины говорить не приходится — сейчас на ней работает экспериментальный комбинат по кафелю. Художественные керамические сувениры с маркой данного предприятия известны широко.

Из пожелтевших от времени архивных дел, хранящихся в местном музее, явствует, что в более близком прошлом владельная княгиня Голицына пожаловала это село, со всеми примыкающими землями, зятю своему — Петру Федоровичу Полебалкову. Он и развернулся здесь со своими предприятиями на наемном труде старожилов и пришлых людей, в основном из Балахны (окающая часть села) и Барыша (акающая).

В соседстве с промышленными строениями на неплодородных землях арендовала у владельцев участки под пашню местная крестьянская беднота. Лучшие земли, конечно, были уже прибраны к рукам состоятельными хозяевами. В канун революции кряжимские тузы чуть не за бесценок сбыли все уголья саратовскому купцу Лаптеву. Тот спилил «красные» леса вокруг села, а неудобь с пеньками за кругленькую сумму всучил «обществу». До самой революции платили мужики за «лаптеву землю», а долг не убавлялся и даже рос за счет пени. Этот же долг не дал обществу срядиться на проводку через село участка Сызранско-Вяземской железной дороги. Разметка ее пришлась как раз через кладбище (чуть в сторону от казацкой грунтовой дороги, где сейчас трасса). Этим, под спор из-за денег на «железку», воспользовались старики и воспротивились постройке... Коли бы не долг за «лаптеву землю» и не разметка через кладбище — быть бы в селе железнодорожной станции у Макарова болота. Одна из улиц и теперь носит название — Линия. А железная дорога пошла через Сюзюм, получив несуразный изгиб и гиблый подъем, где под откосом посеяно множество жизней из-за частых аварий и крушений...

Кузнéцк — уездный город; вырос из села *Нарышкино*, первоначально — с. *Труёво*. Как гласит грамотка тех далеких лет: «7207 (1699) года февраля в 7 день по указу св. патриарха велено новопостроенной церкви Воскресения Христова да приделе архистратига Михаила, которую построил боярин Василий Федорович Нарышкин в Саранском уезде (значит, видимо, в ту пору в Козьмодемьяновское туда относилось? — Ю. С.) в вотчине своей в селе Воскресенском, Труёво тож, на попа с причетники дани положить вновь с дворов попова, пономарева, дьячкова, просвирничи-на, с 15 крестьянских...»

Наивно было бы утверждать, что основано село это 7 (20) февраля 1699 г. и сразу в 24 двора, пожалуй, к этому сроку там уже пожилы века два, а то и больше. Ниже в той же грамотке извещение о пришедшей из Москвы бумаге от 11 (24) февраля 7205 (1697) г.: «... из Приказа Казанского дворца, какова прислана в 205 году февраля в 11 день за подписью дьяка Артемия Волкова, которую к той церкви поступил боярин Василий Федорович в селе Воскресенском, с пашни с 15 чети в поле, а дву по тому же сенных покосов с 15 копен 23 алтына, заезда гривна, и по тому окладу данные деньги велено имать с 207 года...»

Нарышкинская вотчина разрасталась за счет ремесленного люда, в основном кузнечных дел мастеров, и в 1780 г. уездному городу Кузнечку понадобился и свой герб, на котором изображены «наковальня, клещи и молоток в красном поле, понеже сей город наполнен кузнецами, от которого рукоделия и имя получил». По окрайкам города было не счесть кузниц, а в середке — кожевни, гончарные, овчинные, сапожные мастерские. На речке Труёв было поставлено в помощь ремесленникам и мукомолам немало водяных мельниц. До 1917 г. город был дворянско-купеческим, со множеством кустарных фабрик и заводов. Немало здесь было начальных школ, в основном земских, две средние школы, гимназии и реальное училище, семь церквей, молельни, мечеть, несколько кабаков. Работал и пользовался славой драматический театр. Красовались церковь и ярмарочная площадь. У Петровского родника — Петровская ярмарка, названы

в честь последнего местного фабриканта Петрова, предприимчивого и работающего. В 1900 г. ярмарка была перенесена с речки на площадь, в середину села. Сюда свозились на продажу сотни возов хлеба, пеньки, волокна конопляного, сани, салазки, березник для бёрд, воск, мёды, рыба всякая — от леща до семги, калачи, куличи и длиннющие ряды бакалейные, мануфактурные, лотки — по мелочи, винные ряды... А какая ярмарка без цыган с медведями?!

Не скудели ярмарки и в 1930 г., после организации сельхозартели «Коммуна», когда хлеб делили по едокам: по 8 пудов на рот, остальное сдавали рабочим (даже в недороды 1933 и 1936 гг.). Захирела ярмарка после ликвидации знаменитой Нижегородской и не из-за недостатка товаров, а по злой воле тогдашних властей, незаконно раскулачивших 18 трудовых семей, которые и разделили горькую судьбу многих тысяч им подобных. В местном музее они значились в «памятке» как «мироеды села», а между тем именно им обязано было село тем, что на ярмарках всегда в изобилии были кожевенные, овчинно-шубные изделия, бакалейные и щетинно-клеевые товары, ткацкие станки, мануфактура и др.

В середине 60-х гг. автору этих строк, уроженцу с. Махалино, привелось участвовать в подготовке экспозиции музея. Бытовых находок местного изготовления нашлось предостаточно: кружева и прядево конопляное, льняное, хлопчатобумажное, ступы и ручные мельницы, глиняные фигурки, свистульки и старинные монеты, принадлежности ткацкого и валяльного производства, кое-что из крестьянского земельного инвентаря, прочая утварь, даже каменный топор — все это свидетельство былого мастерства наших предков — сельских умельцев, коих немало рождалось на земле Пензенщины.

Отец автора этих строк после войны работал ветврачом Казаковского куста, в который входили 12 деревень, раскинутых по окрестью на расстояние до 20 с лишним километров. Летом — на рессорке, зимой — на санях объезжал он вместе с санитаром все деревни, обследуя несметные поголовья скота. А какие замечательные по своей природной красоте это были дерев-

ни! Козляковка, Бутырлинка, Шелемис, Сурмино, Шишовка, Боборыкино... Необычайной красоты места, особенно в черемуховой пойме р. Суры. По правобережью, начиная с Явлейки, тянулись девственные боры. И почти в каждой деревне красовались, блестя золотом устремленных в небо крестов, дивные церкви. Теперь их нет. В самой Казаковке развалины остались. В Сухановке — сожгли. В Селитьбе — свалили. Рядом — в Евлашеве — взорвали. Окружные леса вырублены, там, где шумели боры-беломошники, нынче ни пройти, ни проехать из-за пыли по колению. Трубы фабрик и заводов растут и дымят, вредные стоки текут в Труёв и до такой степени загрязнили реку, что зловоние ощущается даже в центре Кузнецка, у вокзала. В прошлом жители села для питья пользовались водой из Труёва, а в зимнее время платили арендатору прорубей денежную плату... Теперь некому заботиться о реке.

Есть в Кузнецке еще одно историческое место — в центре города холм под названием Мары. По преданию, насыпали его повстанцы Пугачева, захоронив под ним останки погибших, землю якобы таскали шапками... И еще, проходя будто бы по этим местам, казнил он (Пугачев) помещика Зуева, а отца А. Н. Радищева не тронул. Так ли, нет ли, трудно сказать, но молва такая в народе живет. А на Марах сейчас холм Славы — погибшим в Великую Отечественную. Строили мемориал на паях.

Ю. Б. Самсонов

ПЕТУХОВО — местность на юго-востоке исторической, старинной части г. Углича, в прошлом слобода вблизи Угличского посада. На территории Петухова до середины 30-х гг. XX в. вблизи церкви Николая Чудотворца (теперь не существующей) возвышался большой камень-валун со стол средних размеров. На его плоско-наклонной верхней части в древности был высечен каким-то орудием знак, изображавший след огромного петуха. Отсюда название этого валуна — Петухов камень, отсюда же и название местности — Петухово.

С валуном связана интересная легенда. Она гла-

сит, что будто бы в стародавние времена, если угличанам грозила какая-либо беда, то прилетал и садился на этот валун огромный петух и троекратным кукареканьем давал знать о ней местным жителям, призывая их к бдительности. А так как разные напасти наваливались на угличан часто (нашествие Батюга и Дюденья в XIII в., захват города Михаилом Тверским в XIV в. и Василием Темным в 1447 г., опала и казни после гибели царевича Димитрия в 1591 г., разорение польско-литовскими интервентами в начале XVII в., многократные пожары и др.), то вещей петух садился на облюбленный им камень так часто, что на нем остался глубокий след одной из петушиных лап.

Эта легенда сходна со «Сказкой о золотом петушке» А. С. Пушкина. И не случайно. Поэт специально интересовался угличской историей в связи с работой над драмой «Борис Годунов» в 1824—1825 гг. и услышанную от угличан легенду о Петуховом камне в 1834 г. использовал в упомянутой сказке (хотя почему-то и принято думать, что эту сказку Пушкин сочинил всецело под влиянием «Альгамбры» Вашингтона Ирвинга).

В 30-е гг. XX в. Петухов камень был раздроблен на части для замощения угличских улиц.

Л и т е р а т у р а: Руснов Н. Д. Угличское Петухово и «Сказка о золотом петушке» // Русская речь. 1981. № 2.

Н. Д. Руснов

ПОТУДАТЬ — правый приток Дона в Воронежской и Белгородской обл. Гидроним фиксируется в документах начиная со второй половины XVI в. в пяти вариантах. Самая древняя форма — *Потудонь* отмечается под 1569 г. в «Разрядной книге» 1475—1598 гг.: «Видел вверх Котла и Потудони сентября в 7 день многих людей». Изредка отмечается ее вариант мужского рода — *Потудон*: «А речка Потудон пала в Дон», «ниже Потудона» («Книга Большому чертежу»). Попал он и в некоторые статистические и краеведческие издания XIX в. В «Росписи казачьих городков» XVII в., опубликованной А. А. Зиминим, встречается нигде больше не зафиксированная форма гидронима

Потудея: «От Потудеи реки до Тихие Сосны 20 верст». В XIX в. получает широкое распространение современная форма *Потудань* с очень редким вариантом мужского рода — *Потудан*.

Изначальная форма топонима, очевидно, была близка к самому раннему варианту *Потудонь* (конец слова изменился под влиянием других топонимов на *-ань*). Река *Потудань* находится в зоне распространения других названий на *-ань* (*Усмань*, *Прудань*, *Форо-стань*, *Холань* и др.). Название *Потудонь* вначале могло относиться к местности по правую сторону Дона, выше впадения в него Тихой Сосны, т. е. отделенной течением Дона территории, находившейся «по ту сторону Дона». Сейчас уже трудно установить мотивы называния: по отношению к чему данная местность воспринималась как расположенная на противоположном берегу Дона. Причины появления названия местности — в особенностях заселения края, направлении миграционных потоков в степном пространстве, которое соседствовало с обширной территорией известного с XIV в. Червленого яра, в освоении которой активное участие принимали славяне уже в древнерусский период.

Первичной формой топонима, очевидно, было префиксально-суффиксальное слово *Потудонье*, возникшее на основе словосочетания *по ту сторону Дона*, частично вошедшего в состав географического названия (на пропуск существительного *сторона* указывает сохранившаяся в составе топонима форма вин. п. местоимения *ту*). Ср. донской географический термин *обдонье* 'местность, примыкающая к Дону'. В дальнейшем название местности или урочища переходит на протекающую рядом речку. При этом происходит отсечение суффикса и окончания среднего рода, благодаря чему топоним получает форму женского рода, типичную для русских речных названий. Подтверждением такого пути развития служит возникновение другого гидронима — *Верхососень* в этом же районе Подонья (в верховье Тихой Сосны). Возникает он вследствие потери суффикса в названии урочища *Верхососенье*, т. е. местность в верховье Тихой Сосны (вблизи другого урочища — *Сосенских раздоров*).

В царских грамотах, адресованных воеводам на р. Корочу, и в челобитных корочан царю (XVII в.) встречаются обе формы: название местности *Верхососенья* и производное от него гидронима *Верхососень*: «В Короченском уезде на реке Верхососени» (1686). Развившийся аналогичным образом гидроним *Потудонь* (из *Потудонья*) уже в XIX в. теряет исконное конечное *-онь*, которое заменяется на *-ань* под влиянием соседних речных названий с этим суффиксом.

Е. С. Отин

ПОЧАГА — старое (исконное?) название р. Почайны в Нижнем Новгороде. Встречается в памятниках нижегородской письменности до XVIII в. Происхождение названия неизвестно. Может быть, *Почага* — искаженное на местный угро-финский лад (с заменой звонкого *б* на глухой *п* в начале слова) старорусское *бочага* < *мочага*? (См. *Почайна*.)

Н. Д. Русинев

ПОЧАЙНА — река в Нижнем Новгороде, теперь заключена в трубы, так что превратилась в овраг, отделяющий Часовую гору от остальных Дятловых гор, возвышающихся к западу от Нижегородского кремля. В прошлом у реки было иное название — *Почага* (Повидимому, субстратного, финно-угорского происхождения, ср. *Кокшага* и др. — *Прим. ред.*). Переименование ее в *Почайну* связывают с легендой об основании Нижнего Новгорода по повелению князя Юрия Всеволодовича. Будто бы он увидел большое сходство между Дятловыми горами, на которых определено было воздвигнуть Нижний Новгород, и теми приднепровскими горами, на которых расположен Киев. Сходство якобы усиливалось тем, что нижегородская *Почага* напоминала киевскую *Почайну* — как ландшафтно, так и начальными звуками своего названия. Последнее обстоятельство могло послужить толчком для вытеснения названия *Почага* названием *Почайна* в те времена, когда древнерусские князья из младшей ветви Мономаховичей, укрепляя и расширяя на восток свои владения в Ростово-Суздальской Руси и

стремясь к независимости от Киева, вместе с тем оценивали их как бы с «киевских позиций».

Литература: Кирьянов И. А. *Основание Нижнего Новгорода // История города Горького. Горький, 1971.*

Н. Д. Русинов

ПЫШМА — река, протекает по территории Среднего Урала и Зап. Сибири, правый приток Туры, длина — 603 км, площадь бассейна — 19,7 тыс. кв. км; 3 водохранилища. В русских источниках XVII-XVIII вв. (название реки представлено вариантами: *Пыш-река* («Книга Большому чертежу», 1627), *Пышма* («Чертежная книга Сибири 1701 г.» С. Ремезова), тат. *Пишни* (по Г. Ф. Миллеру, 1750). Оним *Пышма* не этимологизируется из тюркских источников; предположительно соотносится с обско-угорскими сегментами: *пыш* из *пых* (*пox*, *пex*) 'река, протока' (ср.: вах.-хант., вас.-хант. *пex* 'родник, ключ') плюс *ма/ба* — древний в регионе речной суффикс.

Н. К. Фролов

Р

РЖЕВ — город в Тверском крае, относится к числу древнейших в России. В летописях упоминается то в форме *Ржевка*, то *Ржева*: «... и князь Святослав обшелъ городец Ржевку»; «... а князь Володимерь Андреевичъ пришедь ратью взяль Ржеву». Самое первое упоминание о Р. относится к 1216 г., поэтому 1991 г. можно условно считать годом его 775-летия, хотя сам город, находившийся на удобных сухопутном и водном путях, был основан значительно раньше. Название этого города славянское, скорее всего, оно соотносится с древнерусским словом *ръжь*, 'рожь, ржаное поле'. Подтверждает это предположение и то, что жители назывались *рожевичами*: «...и совокупившесе Тферичи, Москвичи, Волочане, Новоторжци, Зубчане, Рожевичи и шедше биша Литву на лесь».

В XIII в. Р. входил в Смоленские земли и принадлежал князю Мстиславу Удалому. В XIV в., когда вся Русь оказалась поделенной на множество уделов, существовало уже самостоятельное Ржевское княжество. Князья московские, тверские, смоленские и литовские постоянно оспаривали право на владение ржевской землей. И в 1408 г. Р. входит уже в состав московских владений, но в 40-х гг. XV в. он был отдан московским великим князем Василием Васильевичем тверскому князю Борису Александровичу, которому в 1446 г. ржевичи оказали упорное сопротивление.

В Списке русских городов, включенном в Воскресенскую летопись, Ржев (в форме *Ржева*) отнесен к Залесским городам. А вот в законодательных актах начала XVII в. *Ржев* называется еще и *Ржевой Володимеровой*. И, видимо, поэтому в гербе, составленном в 1775 г. для уездного города Р., в верхней части щита изображен тверской герб, а в нижней — часть владимирского герба: лев, стоящий на красном поле.

Как и многие древнерусские города, первоначально Р. представлял собою крепость, обнесенную деревянной стеной протяженностью 1280 м, в которой было 8 глухих и 2 проездные башни. Посады и слободы, появившиеся вокруг крепости, заселял мастеровой и служилый народ. В 60—70-е гг. XVII в. во Ржеве было 130 посадских и 25 служилых дворов. Р. был примечателен тем, что он являлся центром по обработке льна. Среди посадского населения было много ткачей. Поскольку не все из них могли платить налоги, то некоторые бежали в московские хамовные слободы — Кадашевскую и Тверскую Константиновскую, жители которых имели всевозможные льготы.

В петровское время, когда Россия по указу Сената в 1709 г. была поделена на 8 губерний, Р. вошел в Ингерманландскую губернию, по реформе 1719 г. он был отнесен уже к Тверской провинции Петербургской губ. В 1775 г. Р. получил статус уездного города Тверского наместничества, и городом стал управлять магистрат, возглавляемый бургомистром. Чуть позже, в 1777 г., был утвержден Екатериной II генеральный план застройки г. Ржева. Он должен был прежде всего не допускать скученности зданий, что было важно

для города, в котором преобладали деревянные постройки. Каменных зданий было немного: здание полиции, уездного казначейства, магистрат со школой при нем, 4 церкви (еще 8 церквей было деревянными).

К концу XVIII в. город стал типичным купеческим городом: почти половина его населения относилась к купеческому сословию. Ржевские купцы вели обширную торговлю. В основном они скупали в окрестных тверских, смоленских и даже белорусских землях хлеб, пеньку и различные сельскохозяйственные продукты и вывозили все это в Петербург.

В связи с постройкой в 1874 г. железной дороги Вязьма — Лихославль, прошедшей через Р., открылись новые рынки сбыта. И такой товар, как лен, стал основным для торговли во Ржеве. С открытием через 15 лет Московско-Виндавской железной дороги Р. соединялся еще и с портами Балтийского моря.

Развивается в городе и промышленность. Если в конце XVIII в. во Ржеве существовали небольшие кожевенные, кирпичные, воскобойные, сальные и канатные заводы, то в конце XIX в. появились уже крупные для того времени такие предприятия, как писчебумажная фабрика купца Образцова, на которой работало 300 рабочих, 11 прядильных фабрик, где было занято более тысячи рабочих, маслобойный завод Синявиных, канатная фабрика Гота. В 20-х гг. нашего века в городе было уже 15 крупных предприятий, на которых работало более 3 тыс. человек, а в начале 1935 г. промышленных предприятий было уже 32. Крупнейшими среди них были льнозаводы, лесозаводы, маслобойные заводы, картонная фабрика, а также механический завод. Значительно увеличилось и население Р.: с 33 тыс. (в 1929 г.) до 54 тыс. (в 1939 г.).

Первая школа для детей купцов и мещан была открыта во Ржеве в 1777 г., и находилась она в здании магистрата. В ней обучали «русской грамоте, правописанию и истолкованию христианского закона, сокращенной всеобщей истории, арифметике и рисованию». К середине 30-х гг. нашего столетия в городе было несколько техникумов и учительский институт.

Город Ржев во время Великой Отечественной вой-

ны был разрушен и сожжен. Из 5434 домов уцелело лишь 297, развалины остались и на месте производственных корпусов фабрик и заводов. Полностью был разрушен железнодорожный узел, водопровод, взорвана электростанция. На восстановительные работы в городе только в конце 1945—1946 г. правительство страны выделило почти 42 тыс. рублей. Восстановление г. Ржева продолжалось до 1950 г.

Районный центр Тверской области — Р. примечателен тем, что в нем родился и работал всю свою жизнь удивительный изобретатель конца XVIII — начала XIX в. Т. И. Волосков. Им были созданы такие часы, которые показывали не только привычные нам минуты и часы, дни и месяцы, но также и фазы луны, движение солнца, високосные годы. Он был еще и химиком, занимался производством красок, которые были высоко оценены Академией художеств и не раз удостоивался наград в России и за границей. Подо Ржевом родились герой войны 1812 г. А. Н. Сеславин, а также академик АН СССР В. А. Обручев, известный геолог и географ, исследователь Сибири, Центральной и Средней Азии.

Литература: 1. *Города и районы Калининской области (Краткие очерки)*. М., 1978. 2. *Города России в 1910 г.* СПб., 1914. 3. *Никонов В. А. Краткий топонимический словарь*. М., 1966. 4. *Сахаров А. М. Города северо-восточной Руси XIV—XV вв.* М., 1959. 5. *Волга от истока до Каспия*. М., 1903.

З. С. Дерягина

РОД — одно из древнерусских названий в кругу мифологических персонажей.

Почти всегда сопровождается парными названиями: *рожаницы* — *рожаница*. В летописях Р. не упоминается. Источником сведений о Р. служат церковные поучения, направленные против пережитков язычества в народе. Наиболее раннее из них, «Слово св. Григория, изобретенное в толковании о том, как прежде язычники поклонялись идолам...», восходит к XII в. Несколько позже, по-видимому, появилось «Слово Исая пророка о поставляющих вторую трапезу роду и рожаницам». К XV — XVI в. относится рукописный комментарий к Евангелию, условно названный «О

вдуновении духа в человека», в котором Р. противопоставлен христианскому богу в аспекте сотворения человека: «То ти не род седя на воздухе мечет на землю груды и в том ражаются дети. ... Всем бо есть творец бог, а не род».

Научная трактовка Р. развивалась в двух направлениях. Одни ученые (А. Н. Веселовский, Е. В. Аничков, Н. М. Гальковский, Л. Нидерле и др.) видели в нем тип домашнего божка вроде домового. Однако еще И. И. Срезневский отметил, что, судя по ожесточению церкви против культа Р., это мог быть верховный бог славян. *Роженицы* традиционно рассматриваются как персонификация судьбы новорожденного (тип др.-греч. *мойр* или слав. *сужениц*). В наши дни концепцию Р. как универсального славянского *deus deorum*, сопровождаемого двумя *рожаницами*-богинями, разработал акад. Б. А. Рыбаков. С этой точки зрения, культ Р., генетически входящий в индоевропейский контекст, стадийно сменил культ *упырей* и *берегинь* и предшествовал культу *Перуна*. С изображением Р. исследователь отождествляет статую Збручского идола, четыре лика которой символизируют, по всей видимости, четыре стороны света, трехъярусное ее членение — мифологические представления о верхнем мире богов, среднем мире людей и нижнем мире хтонических персонажей; фаллическая форма вершины идола воплощает идею продолжения поколений, жизненной силы.

С осторожностью следует отнестись к парному числу *рожаниц*. Вывод об этом основан на том единственном из списков «Слова Исая пророка...», где они один раз названы формой двойственного числа (среди обычных для них форм ед. или мн. ч.). Однако еще Н. М. Гальковский указал, что автор этого списка вообще питает пристрастие к двойственному числу и употребляет его с ошибками. Действительно, обычное древнерусское написание формы дат. п. мн. ч. *рожаница^м* (рожаницам) легко прочитывается как дат. п. дв. ч. *рожаницама* (двум рожаницам) на фоне встречающихся в списках памятника синтаксических конструкций с дат. п. дв. ч.: «кумирома суетными» и «богома своима» — применительно к двум объектам — *Роду* и *рожанице*.

Внимательный анализ «Слова св. Григория...» вообще подводит к мысли, что слова *Род* и *рожаница* (*рожаницы*) имеют здесь обычные др.-рус. нарицательные значения '(ново)рожденный' и 'роженица, родившая'. Памятник бичует «матерь бесовскую Афродиту», «мать антихриста Коруну» (имя затемнено), Артемиду, богиню-деву, говорит о «стегноражении» — намек на рождение Диониса из бедра (др.-рус. *стегно*) Зевса, а также о прочих, еще более неприличных обстоятельствах рождения эллинистических божеств и о поклонении на этой почве матери-богини и ее сыну. В круг таких персонажей автор-русич и включает своих — *Мокошь*, *Диву*, *Перуна*, *Хорса*, *рода* и *рожаницу*. *Родом* и *рожаницей* названы также боги эллинов, халдеев, римлян.

Направленность документа против «родопочитания» (термин в его тексте) бесспорна. Точку над *і* ставит то, что византийский протограф его принадлежит перу константинопольского патриарха Григория Назианзина (Григорий Богослов). Известно, что он был главным идеологом введения праздника Рождества Христова и что именно при нем церковный собор 381 г. этот праздник установил, приурочив его к 25 декабря (старого стиля) — времени наиболее распространенных античных культов возрождающейся природы. Идеологический подтекст тут очевиден: христианская Богородица и ее сын должны вытеснить прочих «рожениц» и «родов».

Такое прочтение памятника объясняет, почему в нем на первом месте в перечнях богов оказываются женские персонажи, что явно нарушает обычный в других случаях порядок с мужскими божествами в начале и женскими в конце, ср.: *Перун*, *Хорс*, *Дажьбог*, *Стрибог*, *Симаргл*, *Мокошь* в пантеоне кн. Владимира. В данном случае виновницы торжества ситуативно выше виновников. Наричательный смысл названий *род* и *рожаница* видели, скорее всего, и авторы списков памятника: в одном из его мест говорится, что после рождения Осириса мать его впала в горячку («оказися»), вследствие чего египтяне стали поклоняться *роду* и *рожанице*; в другом месте прямо сказано, что эллины поклоняются «Артемиду и Артемиде

рекше роду и рожаницы» (др.-рус. *рекше* в таких случаях имеет значение 'то есть', *alias*). В дальнейшем слово *род* на фоне окружающих теонимов было воспринято как имя собственное, что перешло и в научную традицию. Таким образом, есть предпосылки квалифицировать название *Род* как к в а з и т е о н и м (см. *Теонимия восточнославянская*).

Литература: 1. Аничков Е. В. *Язычество и древняя Русь*. СПб., 1913. 2. Веселовский А. Н. *Разыскания в области духовного стиха. Судьба-доля в народных представлениях славян* // Сб. ОРЯС. Т. 46. СПб., 1890. 3. Гальковский М. Н. *Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. II. Древние слова и поучения, направленные против язычества в народе* // Записки Моск. археол. ин-та. Т. XVIII. М., 1913. 4. Гальковский Н. М. *Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916*. 5. Нидерле Л. *Славянские древности*. М., 1956. 6. Рыбаков Б. А. *Язычество древних славян*. М., 1981. 7. Рыбаков Б. А. *Язычество древней Руси*. М., 1987. 8. Срезневский И. И. *Рожаницы у славян и других языческих народов*. СПб., 1855.

Н. И. Зубов

РУССКАЯ НАРОДНАЯ АСТРОНОМИЯ — созданные русским народом названия звезд, созвездий и других объектов звездного неба. Число таких объектов весьма невелико: русским, судя по имеющемуся астрономическому материалу, традиционно были известны лишь Большая Медведица, Плеяды, Орион (точнее, три звезды его Пояса), Млечный Путь, Полярная звезда и Венера. Названия других созвездий и звезд единичны. В то же время есть основания полагать, что русские выделяли на звездном небе «свои», не совпадающие с общепринятыми объекты. В. И. Даль считал, что такой собственно русский объект — какое-то созвездие, носящее название *Петров Крест* («созвездие, составленное народом»), хотя другие собиратели, в частности большой знаток народной астрономии Д. О. Святский, связывают с этим астрономическим традиционные объекты (Орион, Лебедь и др.).

Несмотря на небольшое число самих называемых реалий, русская народная астрономия достаточно многочисленна; число астрономов, зафиксированных различными источниками, достигает 300 единиц, и есть основания считать, что полевой сбор материала

даст новые сведения. Наиболее употребительны: для Большой Медведицы — *Воз* на юго-западе России, *Лось* — на севере и востоке; для Плеяд — соответственно *Волосожары* (*Восожары*, *Висожары*, *Весожары* и под.) и *Утиное Гнездо*; для Пояса Ориона — *Габли* и *Кичиги* (*кичига* 'цеп'). Для Полярной звезды частотны в разных регионах названия *Кол-звезда* и *Северная звезда*, для Венеры — *Утренняя* (*Вечерняя*) звезда, для Млечного Пути — *Птичий путь*, *Гусиная дорога* и пр.

Русские народные астрономы хорошо «привязаны» к земле, проникнуты заботами крестьянина-земледельца, ср.: *Грудки* (*грудка* 'малая укладка снопов или сена'), *Курица с цыплятами*, *Лапоть*, *Решето*, *Сито*, *Солоничка*, *Стожары*, *Улей* — Плеяды; *Горбатый Мерин*, *Кичига*, *Ковш*, *Коромысло*, *Поваренка*, *Телега*, *Чинега* (ср. *чапига* 'деревянный остов плуга') — Большая Медведица; *Аршинчик*, *Габли*, *Коромысло*, *Оржаные промежки* (*промежек* 'часть стога между двумя стожарами') — Пояс Ориона; *Коромысла*, *Матица*, *Мышины Тропки*, *Пояс*, *Улица* — Млечный Путь и т. п.

Нашли в астрономии свое отражение религиозные представления народа; *Моисеева дорога*, *Святая дорога* (Млечный Путь), *Моисеевы Пальчики*, *Петровы Ключи* (Плеяды), *Моисеева Палица*, *Моисеев Палец* (Пояс Ориона). В память о грозных днях татаро-монгольского нашествия остались такие названия Млечного Пути, как *Батыева Дорога*, *Мамаева Дорога*, *Татарское Становище*.

Многие русские астрономы находят параллели в астрономии других народов Европы: к общеевропейским принадлежат образы повозки, воза для Большой Медведицы, курицы с цыплятами — для Плеяд; общеславянскими можно назвать образы косы (косарей) для Пояса Ориона. Севернорусские астрономы *Лось*, *Утиное Гнездо* перекликаются с финно-угорскими названиями, *Конь с Телегой*, *Горбатый Мерин* — с тюркскими образами небесного пастбища.

В настоящее время русская народная астрономия почти полностью исчезает: астрономы известны очень немногим носителям русских народных говоров, утрачиваются четкие связи названий и называемых реальных, возникают дублетные названия, приложимые од-

новременно к двум-трем созвездиям. Русская народная астрономия нуждается в немедленном широком сборе тех звездных имен, которые еще сохранились в народной памяти.

Л и т е р а т у р а: 1. Бондалетов В. Д. *Русская ономастика*. М., 1983. 2. Карпенко Ю. А. *Названия звездного неба*. М., 1981. 3. Рут М. Э. *Русская народная астрономия*. Свердловск, 1987. 4. Святский Д. О. *Под куполом хрустального неба*. СПб., 1913.

М. Э. Рут

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ ВЕТРОВ. В.

О. Ключевский ставит ветер, точнее — его направление, частую сменяемость на одной и той же территории, в ряд тех физических условий, «которые оказали наиболее сильное действие на ход исторической жизни» России [1].

Важная жизнеорганизующая роль этого природного явления находит разностороннее отражение в народном календаре и народных приметах. Например, 21 января. Следи за ветром: подует с юга — посулит грозное лето. 10 февраля — Ефрем. Ветер понесся — к сырому году. 14 марта — Евдокия. Отколе ветер с Евдокеи, оттуда и все лето. Теплый ветер — к мокрому лету, ветер с севера — к холодному лету. 16 июня — день Лукьяна-ветреника. На Лукьяна в канун Митрофана не ложись спать рано, а приглядывайся, откуда ветер дует: тянет ветер с полудня (юга) — яровому хороший рост, дует ветер с гнилого угла (северо-запада) — жди ненастья. 27 августа — Михеев день. Если на Михея дуют ветры-тиховеи, будет вёдреная осень, если же Михей с бурей, сентябрь будет ненастный. 3 октября — Астафьев день. Астафьевы ветры. Коли дует северный, сердитый ветер — будет стужа недалече, южак подул — к теплу, западный — к мокроте, восточный — к вёдру [2].

В народном сознании ветер осмысливается как явление, обладающее самыми различными свойствами и признаками. Вместе с тем обращает на себя внимание и то, что в литературном языке сравнительно мало видовых обозначений ветра в форме имен существительных. Так, в «Словаре синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой отмечается всего два синонима к слову *ветер* — *вихрь* 'порывистое круговое

движение ветра' и ураган 'ветер крайне разрушительной силы'. В «Словаре синонимов русского языка» под ред. Л. А. Чешко приводятся *вихрь, вихорь* (с пометой *уст.* и *прост.*), *зефир* (с пометой *уст. поэт.*). В качестве морских терминов, слов ограниченного функционирования, употребляются заимствования петровской эпохи: *ост, вест, норд, зюйд, норд-ост, норд-вест, зюйд-ост, зюйд-вест*, находящиеся в синонимических отношениях с русскими аналитическими обозначениями: *восточный ветер, западный ветер, северный ветер, южный ветер, северо-восточный ветер, северо-западный ветер* и т.п.

В пределах русского национального языка номинационная палитра, связанная с обозначением данного природного феномена, более богата и разнообразна. Как показывают словари [4, 5, 6], это выражается в наличии не только разветвленной сети диалектных прилагательных, например *меженный* 'летний, непостоянный', *навальный* 'дующий поперек реки, озера', *сельдяной* 'пригоняющий косяки сельди', но и немалого количества существительных, обозначающих разновидности ветров: *сиверко, южак, тиховой, восходник, закатник, буян, горник* и др. В своей совокупности эти названия отражают разные уровни и способы осмысления данного явления природы.

Самым древним из этих уровней является мифологический. Ветер, наряду с водой, огнем, землей, входит в круг явлений, глубоко почитаемых древними славянами, о чем свидетельствуют этнографические и фольклорные материалы. О высоком ранге этого явления в системе верований славян свидетельствуют и строки «Слова о полку Игореве», в которых ветры названы *Стрибожи внуци* (внуки Стрибога). Стрибог — это одно из трех имен верховного небесного божества славян [7]. Подтверждения этого находим и в славянской языческой демонологии, где ветер стоит в одном ряду с чертом, лешим, водяным. Ср. антонимически противопоставленные синонимические ряды со значением 'очень много, в избытке — полное отсутствие': *до черта, до беса, до вихора, до праха, до вихря, до лешего* — ни черта, ни беса, ни духа, ни вихора, ни праха, ни лешего. В некоторых говорах в слове *дух*

выделяется значение 'ветер', являющееся базовым для значения 'порыв ветра'.

Переведение ветра с верхнего на нижний ярус мифологии — это следствие внедрения христианских представлений, согласно которым небо было представлено «силам небесным», а языческие боги были оставлены на земле и превращены в «силы нечистые». До этого у язычников-славян не было ни «нечистой силы», ни «божьего воинства», эти два полюса, антагонистичность которых культивировалась церковью, были органическим единством, той сверхъестественной силой, которая наполняла всю окружающую наших предков вселенную [8]. С учетом последнего можно говорить о том, что содержание понятия «ветровой (дух)» у славян, стоящего в одном ряду с понятиями «домовой», «водяной», «лесной», «полевой», практически полностью совпадает с содержанием понятия «ветер» у древних индоевропейцев: этимологи считают, что это слово, возникшее в индоевропейскую эпоху, первым значением имело 'тот, кто дует', 'бог ветров' [9, 10].

Слово *ветровой* является обозначением общего понятия, которое в народном сознании выступает как совокупность ряда частных. Их словесные обозначения (для говорящих они — ипостаси ветрового) не что иное, как видовые названия ветров. Довольно развернутое их перечисление находим в заговоре против ветрового, записанном в Смоленской губ. в начале XX в.: «Хозяин-батюшка. Прости раба и рабу твоих. Вот тебе и хлеб, и соль, и низкий поклон от раба и рабы. Ты, и крестовой (дух, живущий на перекрестке дорог), и пудовой (устрашающий), ты, дворовой и северный, и южный, и западный, и восточный, и лесовой, и полевой, и водяной, и ночной, и полуночный, и денной, и полуденный, и все вы меня грешного (грешную) простите» [4]. Все эти обозначения носят субстантивный характер, о чем свидетельствует их употребление в функции обращения, а также синонимичность с обозначением *хозяин-батюшка*. Ветер в русских говорах довольно часто и в обыденной речи называют *батюшко*, *батюшка* (водяного называют *де-*

душка, к домовому обращаются со словами *хозяин*, *домовитель*, *покровитель*). В приведенной магической формуле отражены вполне земные, естественные признаки ветра, актуальность которых была осознана еще в глубокой древности.

Порядок следования названий в данном заговоре никоим образом не отражает иерархии признаков номинации. И тем не менее наблюдения дают основания говорить если не о существовании таковой, то во всяком случае о несомненной их системной организации.

Сама природа рассматриваемого явления требует введения его в определенные пространственные координаты. Доказательством того, что «направление в пространстве» является неотъемлемой частью осмысления этого природного феномена, служит наличие в некоторых говорах в слове *ветер* значения 'страна света': «В какой ветер пойдешь?» (Т. е. в какую сторону.) На Алтае и в Сибири в этом слове есть значение 'запад, западная сторона': «Дом стоит окнами на ветер» [4]. Номинация ветров отражает прежде всего такое пространство, где отсчет идет от человека вовне, во «все четыре стороны», т. е. в соответствии с основными и простейшими географическими координатами — восток и запад, север и юг. Вместе с тем в ней отражается и параллелизм направления в пространстве и во времени, обусловленный отождествлением в пределах архаичного сознания пространственных и временных координат космоса [11]. Обозначение пространства (стран света) в координатах времени последовательно представлено, например, в следующем поверье. По мнению юхновских и гжатских раскольников, ветры суть духи грешных людей. Духи эти находятся во власти четырех ангелов. Один из них обитает на восточной стороне, другой — на закате, третий — на полдне, четвертый — на полуночи; потому и ветры дуют не с одной стороны, а с четырех [4].

Указанный параллелизм четко отражался в семантической структуре русских слов *полдень* (середина дня; юг) и *полночь* (середина ночи; север) в литературном языке вплоть до XIX в. Аналогичная картина наблюдалась и в производных прилагательных. В го-

ворах же отмеченное сосуществование значений сохраняется и в наши дни, получая отражение в названиях северного и южного ветра: *сиверко, сивер, север* — Белое море; *север, северко* — Байкал; *северяк, сивер, сиверко* — оз. Ильмень; *север, северяк, сиврок* — оз. Селигер; *северик* — оз. Чудское; ветер *с северька* — Псковская обл.; *полночь, полуночь* — Белое море; *полудень* — Белое море; юг — Архангельская обл.; *полуденник* — Байкал; *полдник* — оз. Ильмень; *полудень, полуденник, полудник* — оз. Селигер; *южак* — Волга; *полденный* — Вятка; *южный, полдень* — Якутия.

В названиях южного ветра отражаются также основы слов *лето* и *весна*: *лето, летний, летник* — Белое море; *весняк, весенник* — Псковщина. Появление первых трех названий — это отголоски древнего отождествления понятий «юг» — «полдень» — «лето», а последние два отражают более позднее сближение понятий «лето» и «весна» (ср. в фольклоре *лето красное, весна красна* при отсутствии *осень красна, зима красна*); первоначально весна включалась в одно поле с востоком и утром.

Большинство названий восточного и западного ветра создано на базе лексем, обозначающих соответствующую страну света: *восток, всток, всточина, всточник* — сев.-запад, север, сев.-восток Европейской России; *всток, восток* — оз. Байкал; *всток, всточень* — оз. Ильмень; *всток* — оз. Селигер, *всходный, восходник* — Белое море, Новгород; *запад, западь* — сев.-запад, север, сев.-восток Европейской России, Сибирь, Якутия; *запад чистый, запад глубоный* — Волхов и оз. Ильмень; *западник* — сев.-запад и север Европейской России; *закатник* — Волга, от диал. *закат* 'запад'. Перечисленные названия убедительно свидетельствуют о единстве в выборе признака номинации при обозначении востока и запада на разных территориях. Русскому языку было известно обозначение запада как вечерней стороны и востока как утренней, однако в названиях ветра это отражения не получило. Следует также отметить, что восточный ветер может обозначаться через признак «зима»: *зимняк* — оз. Ильмень, Чудское; *зимник, зимняк* — оз. Селигер.

Подход к именованию ветров, ориентированных на промежуточные страны света, в литературном языке жидется на формуле «между А и Б», где А — это север и юг, Б — восток и запад: *северо-восточный, юго-восточный, северо-западный, юго-западный*. В народных названиях такой подход выявляется далеко не всегда. Северо-восточный ветер может называться *подсеверяк* — оз. Ильмень; *полуночник* — Белое море, Байкал; *зимник, зимняк* — оз. Селигер, Чудское; *восток, всток, всточина, всточник* — Сибирь. Промежуточность данного ветра четко фиксируется только в названии *подсеверяк* 'близкий к северному'. В остальных же названиях отражено фактическое его отождествление либо с северным — *полуночник*, либо с восточным — *восток, всток, всточина, всточник, зимник, зимняк*. На одних территориях восточный и северо-восточный ветры разграничиваются в своих названиях, например на Байкале: *всток, восток* — *полуночник*; на оз. Ильмень: *всток, всточень* — *подсеверяк*; на Белом море: *восток, всток, всточина, всточник* — *полуночник*, а на других обозначаются одинаково, например на оз. Селигер: *зимник, зимняк*; в Зап. Сибири: *восток, всток, всточина, всточник*.

В названиях юго-восточного ветра отражаются те же особенности: он отождествляется либо с восточным — *восток, вешник, весенник* (восток и весна находятся у славян в одном пространственном поле), либо с южным — *обедник* (обед — середина дня — полдень — юг). Аналогичны подходы к номинации северо-западного и юго-западного ветров. Правда, в ней в большей степени проявляется идея промежуточности: *подсиверок, подсиверный* — оз. Ильмень; *крестовый запад* — Волхов, оз. Ильмень; *паужник* — Белое море, где *паужное время* — время между обедом и ужином, т. е. югом и западом, ср. диал. *паужин* 'полдник, еда между обедом и ужином'; *полуденка* — Кубань. Одно из названий юго-западного ветра — *осенник* (оз. Чудское) — отражает включенность понятий «запад» и «осень» в одно пространственное поле у древних славян.

Народные названия ветров ярко отражают стремление носителей языка к конкретизации пространст-

венных представлений путем их закрепления за определенными топонимо-географическими ориентирами. Не следует забывать, что народная номинация ветров осуществляется в определенных региональных границах с устоявшимся и очень стабильным физико-географическим и топонимическим членением пространства. В названиях ветра может содержаться указание на местность, где он берет начало (в представлении именующих): *кубанец* — юго-восточный на Кубани, *ставрополец* — восточный в Краснодарском крае, *сталинградец* — восточный суховея в Павловском р-не Воронежской обл., *азовец* — суховея в Приазовье, *черноморский моряк* — юго-западный фен в Майкопе. В названиях ветров часто отражаются собственные названия рек, например на Байкале: *ангара* — северо-восточный, дует с долины р. Верхняя Ангара, *баргузин*, *баргузик* — северо-восточный, с верховьев р. Баргузин, *бугульдейко* — берет начало в долине р. Бугульдейка, *сарма* — с р. Сарма, *селенга* — с р. Селенга. На северо-востоке Охотского моря дует ветер *Пестрой Дресвы* (усиливается в долине р. Пестрая Дресва). Широко известно название юго-западного ветра *шелон(н)ик*, *шалоник*. Первоначально так назывался ветер на оз. Ильмень, дувший с р. Шелонь, впадающей в озеро с юго-запада. Вместе с новгородской колонизацией это название распространилось вплоть до Северного Ледовитого океана и в Сибири [10]. Думается, что результатом переноса является и название *баргузник* на Белом море.

При назывании ветра могут ориентироваться и на название селения: *култук* — на Байкале, *московский* — в областях южнее Москвы (по направлению он северный).

На территориях, значительно удаленных от государственного центра, отмечаются названия, отражающие параллелизм пространственного и этногеографического членения. Так, на Северной Двине и в Сибири бытует название ветра *русский* 'дующий с Руси' (в первом случае это южный, во втором — западный ветер). Ср.: «Когда поморы возвращаются океаном из Норвегии или с острова Новая Земля, то говорят, что идут вверх, в Русь» [4]. На Дону дующий с Украины

ветер называют *хохлацкий* (*хохлачий*). Здесь же наблюдается любопытная трансформация отмеченного признака номинации: ветер, дующий с Екатеринославщины, т. е. не с казачьей стороны, называется *мужичий*.

Надо отметить, что ориентировка на местность, откуда осуществляется движение, проявляется и при назывании других природных явлений. Так, одна из разновидностей льда в Архангельской области называется *зырянин*, поскольку идет он с верховьев р. Вычегды, из Зырянского края.

Иногда в названии ветра отражается не реальная пространственно-географическая соотнесенность территорий, а коннотативное осмысление названия одной из них. По мнению М. Фасмера, название ветра *сибирка* (Дон) есть трансформация формы *сиверка* под влиянием коннотации 'холодная сторона' в хорониме *Сибирь*.

Значительная группа названий ветров отражает осмысление их связи с оро- и гидрорельефом той или иной местности безотносительно к ее названию. Общим признаком номинации при этом выступает противопоставление «верх — низ». Частные его проявления — это прежде всего противопоставления «верховье, исток — низовье, устье» и «с горы в долину». В первую группу входят названия *верхова* — дует вниз по течению Енисея, *верховой*, *верхова* — южный с верховьев Северной Двины; *верховик* — с Верхней Ангары на Байкале; *низова* — ветер с низовьев в Сибири; *низовец* — с низовьев Печоры; *низовик* — с низовьев Енисея; *низовая* — с низовьев Ангары; *нижний* — в дельте Дуная.

В названиях этого типа косвенно отражается ориентировка на страны света. Ср. в диалектах: *верховец тот самый, теплый ветер, юг тот; низовец тот север, с низу ветер*. Известно, что в городах слова *верх*, *низ*, *низы* используются для обозначения направления. На Европейском Севере: *верх* — юг, *низ* — север; в Сибири: *низ* — Европейская Россия, т. е. запад; в Центральной России: *низ*, *низы* — юг России, Украина; на Северном Кавказе в терских говорах: *низ* — юго-западный конец Азовского моря; в Мурманской обла-

сти: верх — запад, низ — восток. Поэтому рассматриваемые названия в пределах определенных территорий выступают синонимами к *северный*, *южный*, *западный* и т. д. На Дону *верховым* называют северо-восточный или восточный ветер, на Северной Двине — южный. В Черноземье ветер *из низов* — это южный теплый ветер, *низовой* называют южный ветер с моря в Приазовье и на Дону.

В пределах региона противопоставленность верхового и низового ветра осознается довольно ясно. Например: *Если в Егорьев день будет полуденная верховка... урожай будет хороший, а если дует низовка али сиверу, то мороз рано упадет* [4]. На Дону это противопоставление имеет вид *низовка — горский*, где *гора* 'верховье реки'.

К другой группе относятся названия *гора*, *горний*, *горник*, *горной*, *горный*, *горная*, *горыч*, *горынь*, *нагорный*. С помощью первого из них обозначаются северный ветер со стороны гор, расположенных к северу от Байкала, северо-западный ветер на Байкале, юго-западный ветер на Волге, южный ветер со стороны материка в Арктике. *Горний*, *горник*, *горной*, *горная* — это обозначения южного и юго-западного ветров в архангельских говорах, *горыч*, *нагорный* — юго-западный на Волге. На Байкале наблюдается стремление, хотя и не совсем последовательное, к номинационному расподблению нескольких ветров «с гор»: *гора* — с северных гор; *горний*, *горник*, *горный*, возможно, *горыч*, *горынь* — северо-западный, дует поперек озера, обладает свойствами фена; *горная* — ветер, опасный для судов, так как гонит их на берег. На оз. Ильмень используется обозначение *ветер с горы*, а в Сибири ветер, дующий с горы вниз по долине, принято называть *верховик*. Возможно, этот же признак отражается и в названии *соровчак* — сильный северо-восточный ветер на Каспийском море, в котором можно усмотреть связь с термином *сар* 'гора, горная вершина, верх', отраженном во многих топонимах Армении, Азербайджана, Южной Осетии, Таджикистана [12]. В названиях *верховой*, *верховик*, *низовой*, *низовик* может фиксироваться высота перемещения воздушных масс относительно поверхности земли.

Исключительно важное значение в народной жизни имеет связь ветра с осадками. Ее отражение не только в разнообразных приметах, но и в названиях ветра: *суховей*, *гнилой*, *с гнилого угла*, *мокрик*, *мокряк*, *бухонный* 'несущий влагу', 'перед дождем', *мокрогузый*. Несущими влагу часто бывают ветры, дующие с моря (озера). Прямо это их свойство фиксируется в названиях *парной*, *водяной*. Однако основными признаками при назывании таких ветров избираются «из глубины», «с моря», «с озера»: *глубник*, *глубенник*, *глубинник*, *голомянный*, *голомянник* (от диал. *голомень* 'открытое море, морская даль'), *моряна*, *с озера*. Интересно, что названия такого ветра могут отражать степень его близости к берегу. Например, по р. Мезень ветер называют *глубником*, а около Архангельска он становится *побережником*.

При назывании ветра, дующего с суши на море, признаком номинации избирается движение воды в реке и ее уровень: *выгон*, *сгон*, *водогон*, *падун*. Такие названия бытуют на Севере РФ. По этому же принципу может называться ветер, дующий вдоль по течению крупных рек, например *выгон* на Волге и Северной Двине. На Волге этот признак используется и для называния ветра, дующего к берегу, — *прижимистый*, *прижимный*.

В названиях ветров получают прямое отражение их температурные свойства: *витязный*, *витязной*, *витязной* — очень свежий и сильный ветер на Волге, *студеный* (второе его название — *с северька*) — Орловская обл., *теплик* — оз. Чудское. Косвенное отражение этого признака находим в названиях *северик*, *сибирка*, *заморозник*, *рекостав*, *зимник*, *зимняк*, *снежнец*, *лето*, *летний*, *летник*, *меженный*, *межонный* (диал. *межень* 'середина лета'). О значимости этого признака говорит, например, наличие в смоленских говорах фразеологизма *ветер теплый* 'счастье'.

Существенным признаком ветра является его сила. Об этом, в частности, свидетельствует постоянный эпитет ветра в фольклоре — *буйный*. Сильный ветер называют *буйный*, *буй* — Псковщина, *буян*, *буйак*, *бурак* — Архангельская обл., *ветрогон* — Кубань, *заломник*, *падара*, *падера*, *падорга* — буря с дождем и сне-

гом на оз. Селигер. Сильный порывистый ветер с моря на Севере называют *ветер духами*, *ветер тороками* (диал. *дух*, *торок* 'порыв ветра'). На Каспии бытует образное обозначение сильного северо-восточного ветра *Егор сорвал шапку*. Отражается в названиях и противоположный признак — «легкий, слабый»: *тиховей*, *покойник* — на оз. Селигер, *бунацьа* — на Кубани (ср. диал. наречие *бунацо* 'спокойно на море, штиль'). В известной степени этот признак отражается в названиях *меженный*, *межняк*, *меженник*, *меженец* (в говорах *меженное время* — тихое, безветренное летнее время).

Многие названия отражают оценку ветра с точки зрения судовождения, что совершенно закономерно там, где рыбацкий промысел — основа хозяйственной деятельности. Детализация здесь весьма подробная и разносторонняя. Например, ветер вдоль — *побережник*, *побережень*, *долевик*, *долевой*, *долевая*; ветер поперек — *поперечень*, *поперечник*, *навальный*; ветер попутный — *поветер*, *поветерь*, *походный*, *в поход*, *в посев*, *прямой*, *задний*; ветер встречный — *встреча*, *встрета*, *встретный*, *в зубы*, *всочь*; сильный попутный ветер, относящий звуки, мешающий слышать, — *относный*; отражающийся от какого-либо препятствия — *заива*, *зайва*; способствующий причаливанию — *привальный*; способствующий отчаливанию — *отвальный*; препятствующий движению судна, производящий значительное волнение — *отбойный*; сильный ветер с берега, отрывающий и относящий в море снасти, — *относный*; относящий судно, зверя или рыбу от прямого направления — *выволочный*, *отдорный*.

Различаются в названиях ветер при хорошей погоде без осадков и ветер при пасмурной погоде. Первый называют *белым*, второй — *черным*, используя оценочные значения прилагательных. В названии *бабий* подмечено благоприятствование сушке белья (ср. *бабья прорубь*, т. е. прорубь для полоскания белья). На Селигере бытует шутовское обозначение ветра, стихающего на ночь, — *женатый* и не стихающего на ночь — *холостой*.

Рассмотренные названия показывают, сколь многочисленными и прочными узами связан русский человек с природой, которую он воспринимает как це-

лостность, находящуюся в движении и взаимопроникновении частей. Один и тот же ветер носит разнообразные названия, отражающие многообразие его признаков.

Л и т е р а т у р а: 1. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1. М., 1987. 2. Грошев В. Д. Календарь российского земледельца (народные приметы). М., 1991. 3. История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX в. М., 1981. 4. Словарь русских народных говоров. Вып. 1—21. М.; Л., 1965—1989. 5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1978—1981. 6. Прох Л. З. Словарь ветров. Л., 1983. 7. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 439—440. 8. Мокшенико В. М. Образы русской речи. Л., 1986. С. 177. 9. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1. М., 1964. 10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. 1. М., 1964. 11. Попович М. В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985. С. 56—62. 12. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

К. В. Першина

РУССКИЕ ОТЧЕСТВА — особая форма именования лица по отцу, обязательная для официального (паспортизированного) выделения личности. Современное русское отчество употребляется во всех юридических документах, определяющих статус личности, а также в официальных указах о награждении, в приказах о кадровых назначениях, в списках избирателей, часто в именовании третьих лиц. В значительной степени отчества уменьшают свою активность в сфере неофициального общения, особенно в сфере общения детей и молодежи, в разговорах в семейном и узком дружеском кругу. Так как основную функцию представления лица выполняет у русских фамилия, то имена и отчества могут и в официальных записях обозначаться не полностью, а инициально. Такое разнообразие в использовании форм отчества объясняется их длительной историей формирования, развития и социального функционирования.

История русских отчеств неразрывно связана с историей становления общественных, социальных и государственных отношений в русском обществе. На начальной стадии формирования древнерусского государственного устройства система выделения лица

среди ему подобных могла быть обеспечена многочисленным арсеналом прозвищных личных имен, подчеркивавших в дохристианский период какие-либо внешние, духовные, тотемные и другие признаки именуемого: *Нечай, Пятой, Головня, Худоца, Лихач, Коновал, Щука* и др.

После принятия христианства введение строгого нормированного использования христианских личных имен с обязательной привязкой конкретного личного имени для новорожденного, с рекомендательным списком в «святцах» привело к значительному сокращению числа употребляемых в древнерусском обществе имен. Появление в связи с этим большого числа тезок стало создавать определенные трудности. В таких случаях в дофамильный период при персонификации лица стали использовать как равноправные христианские (канонические) и мирские (прозвищные) личные имена. Ср., например, запись в «Родословной книге» (начало XVII в.): «Князь Костянтин Юрьевичъ Фоминской: а у него три сына, и вси Федоры, а прозвища им были: большому Красной, а среднему Слепой, а третьему Меншой» (Временник имп. Моск. общ. истории и древностей российских. Т. X. М., 1851. С. 106).

Использование только христианских и прозвищных имен без других антропонимических компонентов не отражало преемственной связи в установившейся родовой или семейной наследственности, что было необходимо в условиях формирования юридических норм права наследования. Вводимая в древнерусском обществе патронимическая форма именования (именование лица по имени отца) в сочетании с личными христианскими и прозвищными личными именами как раз и стала удобной антропонимической моделью в дофамильный период, которая не только отражала уважение к памяти родителей, но и выступала юридически закрепленным знаком своеобразного права на имущественное, духовное и другое наследование от своего отца. Отчества в большинстве случаев указывали на отношение детей к родителям по линии ближайшего кровного родства, но известны случаи, когда после усыновления (удочерения) чужих

детей последние получали новое отчество, закрепляющее отношения между отцом и детьми вне кровного родства, но с правом наследования.

В своем употреблении отчества более консервативны, чем личные имена и фамилии. Несмотря на определенные ограничения в выборе личных имен, все же они имеют норму выбора, в то время как отчество предопределяется только наличием имени отца. В отличие от фамилий отчества не наследуются, поэтому могут обслуживать лицо только при его жизни.

Все эти специфические признаки отчества в древнерусском обществе позволили им в сочетании с личными именами выступать как социально идентифицирующий признак выделения личности в пределах одного поколения. В дофамильный период древнерусские отчества не только указывали на патронимическую связь в пределах одной семьи, подчеркивая тем самым родство братьев и сестер, что свойственно и современным русским отчествам, но и в значительной степени расширяли свою социальную функцию. Древнерусские отчества нередко служили основой для образования родовых и фамильных прозваний, могли обозначать совокупность родственников, родичей, в некоторых случаях выступали в качестве элемента наследственного значения при именовании внуков, правнуков.

До XII в. формы древнерусских отществ встречаются в письменных источниках редко. Даже для представителей правящего княжеского рода Рюриковичей в летописных записях той поры чаще используется одно личное имя. С XII в. употребление отществ встречается не только при обозначении представителей княжеских родов, но и при именовании лиц других высших сословий: «1127 г. Иванко Вячеславль, тысяцкий Туровский», «1146 год. Иван Халдеевич, воевода Киевский», «1170 год. Коснятин Хотович, воин русский» и др.

Встречались случаи, когда при развернутом антропонимическом именовании лица делалась попытка сохранения не только отчества, указывающего на родство в первом колене, но и на имена деда, прадеда и др. В летописной записи под 1176 г. записано: «Князь

Владимир Святославич, внук Всеволож, правнук Ольгов, праправнук Святославль, прапраправнук Ярославль, пращур Великого Владимира». Но подобные родословные именованья использовались редко и только для именованья правящего княжеского рода.

При образовании древнерусских отчеств основной моделью стало патронимическое именованье, при этом признак притяжательности, принадлежности в значительной степени уменьшался, что постепенно привело к самостоятельному субстантивированному употреблению форм отчеств, тем самым противопоставляя в языке формы «мамин» (ч е й?) и «Мамин» (к т о?), «алмазов цвет» и «Алмазов сын».

В русской традиции закрепились отчества от имен отца. Матронимы (указание на имя матери в системе непосредственного ближайшего кровного родства), встречающиеся в летописных списках, были в русском обществе скорее исключениями, отступлениями от признанных норм: «Дмитрий сын Марфин, Новгородский боярин, 1471»; «Васко Варварин, крестьянин, 1495»; «Данило Катюшин, крестьянин, 1539» и др. Матроним в именовании лица мог указывать и на незаконное происхождение ребенка. Например, в Ипатьевской летописи под 1187 г. записано: «Олег Настасьич, сын Ярослава Галицкого и его любовницы Анастасии».

В истории развития русских отчеств отчетливо прослеживаются два периода: а) дофамильный, т. е. до XVII—XVIII вв., и б) современный, в основном XIX—XX вв. Социальная значимость русских отчеств в дофамильный период была более заметной.

До XVII в. русские отчества могли свободно образовываться не только от канонических христианских личных имен, но и от прозвищных, которые использовались при именовании лица как равнозначные («в крещении Иосиф, а мирьски Остромир», 1056; «во свои си приятелях именем Милонег, Петр по крещению», 1199). Тем не менее между отчествами, образованными от христианских личных имен (собственно отчествами) и отчествами от прозвищных личных имен существовали принципиальные различия, которые повлияли в дальнейшем на функции отчеств. Раз-

личие было на словообразовательном уровне. «Собственно отчества» образовывались от христианских личных имен при помощи суффиксов *-ъ, -ин, -ов/ев, -ович/евич, -ич* (*Мирославль, Петров, Сергеев, Кирин, Демидович, Алексеевич, Кузьмич*), в то время как для «прозвищных отчеств» были характерны суффиксы *-ов/ев, -ин* (*Волков, Окунев, Палкин*), реже суффиксы *-ого/его, -ово/ево* (*Дурново, Толстого*), которые не встречаются у собственно отчеств. Прозвищные отчества могли не согласовываться с личным именем и иметь форму род. п. на *-а* (*Иван Федоров сын Сабуров*, но и *Иван Федоров сын Сабурова*), в то время как собственно отчества всегда согласуются с личным именем (*Иван Петров, Иван Петрович*).

Прослеживается строгая закономерность в расположении собственно отчеств и прозвищных отчеств при официальном именовании лица. Если собственно отчество всегда стоит за личным именем (христианским или прозвищным), то прозвищное отчество при наличии в именовании собственно отчества всегда следует только за собственно отчеством: *Иван Перепеча Мартемьянов* (1526), но его сын *Борис Иванов сын Перепечин* (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Ч. 1. М., 1951. С. 143).

При именовании лица двухкомпонентной антропонимической моделью (личное имя + патроним) собственно отчества и прозвищные отчества различались только значением своей производящей основы, совпадая структурно и функционально во всем остальном. Например, в «Книге ключей и долговой книге Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в.» (М.; Л., 1948) встречаются в равной степени собственно отчества («Михаилу Васильеву сыну, порука отец его Василий», «Худяк Ермолин, порука отец его Ермола») и прозвищные отчества («Грише Болдину, порука отец его Болда», «Данилку Курьшкину, порука по нем отец его Курышка»).

Прозвищные отчества в дофамильный период стали выступать дополнительным различительным признаком именуемого, позволяя передаваться по наследству и обслуживать два и более поколений, что в значительной степени сближает прозвищные отчества с

современными русскими фамилиями. Именно прозвищные отчества на начальном этапе формирования русских фамильных прозваний в XVII—XVIII вв. легли в основу современных фамилий. Провести четкую границу между прозвищными отчествами и первыми русскими фамильными прозваниями сложно. В известном «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, изданном в 1903 г., все патронимические формы отнесены к отчествам, хотя в трехкомпонентном именовании они могли выступать и в функции фамильных прозваний.

Формальным показателем отчества могли выступать уточняющие слова *сын*, *дочь*, *дети*, в использовании которых не было строгого единообразия. Уточняющее слово *сын* могло стоять перед отчествами, особенно образованными при помощи суффикса *-jь* (*Брячислав сын Изяславль*, 1021). В отчествах на *-ов/ев* и *-ин* уточняющее слово *сын* могло стоять как перед отчеством (*Алекса сын Лазорев*, 1125), так и после него (*Семка Григорьев сын Говорухина*, 1569). Обычно в двухкомпонентных антропонимических именовании слова *сын* и *дети* могли отсутствовать, хотя морфологически второй компонент в форме патронима оформлялся (*Воин Ушаков*, 1589; *Ивашко Двойкин*, 1696; *Иван Гутенев*, 1678). Реже уточняющее слово *сын* отсутствует в трехчленных антропонимических именовании (*Кузьма Остафьев Дурной*, 1495; *Василь Пантелеев Деревяжкин*, 1495; *Андрей Иванов Дедешин*, помещик, 1610). В XVIII—XIX вв. уточняющие слова как бы усиливали противопоставление форм полуотчеств (*Петр Алексеев сын*) полным формам отчеств на *-ович/евич* (*Александр Сергеев сын Пушкин* и *Александр Сергеевич Хвощинский*).

На начальном этапе появления фамилий у русских при развернутом именовании лица могли указываться не только собственно отчества именуемого, но и отчество его отца, как правило в прозвищной форме. Ср. записи в «Актах...»: у волостного Семена Якшилова (1499) сын записан как «Неклюд Семенов сын Якшилов» (1506) или «Се яз Юрьи да яз Федор Борисовы дети Перепечина» (1519), у которых отец Борис Иванов сын Перепечин, а дед Иван Перепеча Мартемья-

нов сын Посульщикова (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. С. 51, 143). У Федора Папа сына Семена Вислоуха Ивановича Сабурова его дети были записаны как *Григорий да Степан Папины дети Вислоухова* (Тысячная книга 1550 г. М.; Л., 1950).

Появление фамильных прозваний в русском обществе нейтрализовало самостоятельные признаки у отчеств, постепенно отчества стали переходить в разряд уточняющих компонентов при именовании лица. В это же время заметно активизировалась функция отчества как знака социального расслоения в Русском государстве. В первую очередь это закрепилось в противопоставлении использования полных отчеств с суффиксами *-ович/евич, -ич, -вич* по отношению к так называемым полуотчествам с суффиксами *-ов/ев, -ин*. Длительное время правом именоваться полным отчеством в официальных документах пользовались только представители правящей княжеской знати и лица высшего сословия, которым это право было определено как царская милость. При этом передавать по наследству право именоваться полным отчеством не разрешалось. В русской истории известны случаи законодательного закрепления права пользования полным отчеством отдельным лицам. В 1692 г. царь принял указ, по которому «имена дьяков в боярских книгах и списках ныне и впредь писать по прежнему и по сему своему Великих Государей указу с отчествы» (Полн. собр. законов, № 1436). В Указе 1685 г. записано: «Будет кто напишет думного дворянина жену без *-вича*, и им на тех людех Великие Государи и сестра их Великая Государиня, благородная Царевна указали за то править безчестие» (Полн. собр. законов, № 1106). Традиция пожалования права величаться полным отчеством продолжалась и при Петре I, который в 1697 г. специальным указом разрешил князю Долгорукому писаться с *-вичем*, а в 1700 г. наделил такой же милостью именитого купца Григория Строганова.

В XVIII в. при Екатерине II устанавливается строгая нормированность употребления отчеств при именовании лиц различных классов и сословий. В изве-

стных «Чиновних росписях» только представители «особ первых пяти классов следует писать полным отчеством; лиц от шестого до восьмого классов включительно — полуотчеством, а всех остальных — без отчества, только по имени» (*Карнович Е. П.* Родовые прозвания и титулы в России... СПб., 1886. С. 37). Это означает, что в официальной записи полным отчеством могли именоваться, кроме царской семьи и канцлера, действительные тайные, тайные, действительные статские и статские советники, генералы — от генерал-фельдмаршала до генерал-майора. Полковники, подполковники и капитаны вместе с коллежскими, надворными советниками и коллежскими асессорами могли записываться только с полуотчеством (*Петр Иванов* или *Петр Иванов сын*), а штабс-капитаны, поручики, титулярные советники и губернские секретари должны быть записаны только по имени и фамильному прозванию. Такие правила последовательно соблюдались царскими канцеляристами и в XIX в. при оформлении различных юридических и нотариальных документов: купчие крепости, документы о разделе имущества, о продаже крепостных крестьян. Крестьяне же и городские мещане не могли претендовать на запись с отчеством, они нередко записывались только по имени. В «Крепостной книге» за 1812 г. записано: «Подполковник Иван Васильев сын Греков продал сотницкой вдове Ульяне Гладилиной купленных им в 1812 году у камергера князя Сергея князь Яковлева сына Гагарина крепостных Дениса Михайлова с женой Еленой и детьми» (цит. по: *Щетинин Л. М.* Слова. имена, вещи. Ростов н/Д, 1966. С. 44).

Более активно, без учета классово-сословных особенностей, использовалась полная форма отчества на *-ович/евич* в устном общении с оттенком уважительности к именуемому, что и закрепилось в содержании русской пословицы: «По имени называют, по отчеству величают». Кроме сочетания с личным именем, русские отчества могли употребляться и самостоятельно в номинативной функции. Эта традиция известна с древних времен. В сфере бытового общения обращение только по отчеству было распространен-

ным явлением. Например, в XVII в. дворянка А. С. Маслова в письме мужу писала: «Государю моему Дмитрию Ивановичу женишка твоя Агафьица много челом бьет... да пожалуй Иванович купи мне тилагрею тонкого... да пожалуй Иванович били челом крестьяне, чтоб ты пожаловал купить книгу Минею...» (Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII в. М., 1964. С. 92).

В крестьянской среде, среди слуг употребление отчества стало выполнять функцию возрастной характеристики. В русской литературе XVIII—XIX вв. имеется много примеров именованя таких лиц только одним отчеством: пожилая няня *Еремеевна* в «Недоросле» Д. И. Фонвизина, нянька Татьяны Лариной *Филиппьевна* в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, дворовый *Калиныч* в «Записках охотника» И. С. Тургенева, крестьянка *Федосеевна* в рассказе И. А. Бунина и др.

В дворянской же среде начиная со второй половины XVIII в. обращение к лицу только по отчеству считалось признаком дурного тона. Известен случай, когда императрицу Елизавету Алексеевну по ее прибытии в Германию встречавшие немцы в угоду ей приветствовали только по отчеству. «Странно было для русского уха слышать, — писал сопровождавший императрицу адмирал Шишков, — что в сей речи громко и с восторгом произносилось одно только отечественное имя ее: Алексеевна! виват, Алексеевна! Они думали подделаться этим под русский язык, потому что у них отечественное имя не в употреблении, но того не могли знать, что без приложения к нему собственного имени оно дико и только о простых и пожилых женщинах говорится» (*Морошкин М.* Славянский именовослов. СПб., 1867. С. 8).

Закрепление за фамилией основной функции официальной персонификации лица снизило социальную роль отчества во второй половине XIX в. Ориентируясь на западные традиции, в России нормой при официальной записи лица становится обозначение титула, чина, должности и фамилии, реже имени и фамилии. Получило распространение использование инициалов вместо полного имени и отчества. В официальных документах, как, например, записи мет-

рик, паспортов, родословных книг, различных послужных списков в XIX в. графу об отчестве не выделяют. Только в конце века в документах, удостоверяющих личность, запись отчества становится обязательной. Эта традиция сохранилась и в XX в.

Нормой для современных русских отчеств считается образование их от полной формы (официальной, паспортизированной) личного имени отца, а не от различных видоизмененных форм личного имени. От имен типа *Ивашка, Ванька, Ванюшка, Ванечка* и других отчества не образуются, а только от имени *Иван*, реже *Иоанн* — *Иванович, Иоаннович*.

Русские современные отчества образуются при помощи небольшой группы суффиксов: *-ич, -ович/евич, -овна/евна, -ична, -инична*. С помощью суффиксов *-ич* в мужском варианте и *-ична, -инична* в женском варианте образуются отчества от мужских личных имен, оканчивающихся на *-а, -я*, кроме имен *Вавила, Гаврила, Данила, Зосима, Иона*: *Илья — Ильич — Ильинична; Кузьма — Кузьмич — Кузьминична*. Суффиксы *-ович, -овна* участвуют в образовании отчеств от личных имен с нулевым окончанием, а также от имен *Вавила, Гаврила, Данила, Зосима, Иона*: *Борис — Борисович — Борисовна; Петр — Петрович — Петровна*. Отчества от мужских личных имен с окончанием на *-ий, -ей* (*Василий, Сергей*) и с мягкой непроизводной основой (*Игорь*), а также от имени *Яков* образуются с помощью суффиксов *-евич, -евна*: *Андрей — Андреевич — Андреевна; Дмитрий — Дмитриевич — Дмитриевна; Яков — Яковлевич — Яковлевна*.

В современном устном и неофициальном общении допустимо употребление сокращенных форм отчеств: *Данилович — Данилыч; Сергеевич — Сергеич; Сергеевна — Сергевна*. Такого сокращения не наблюдается при употреблении отчеств типа *Петрович, Львович*.

В советское время русская антропонимическая модель именования лица в официальных документах стала использоваться многими народами СССР, что привело к закреплению словообразовательной модели русских отчеств в большинстве литературных языков народов стран, составлявших Советский Союз, а суффиксы русских отчеств влились в словообразователь-

ный арсенал тюркских, финноугорских и других языков.

Л и т е р а т у р а: 1. Тупиков Н. М. *Словарь древнерусских личных собственных имен: Вступление.* СПб., 1903. 2. Валеев Г. К. *Наши «вичи» едят одни калачи // Русская речь.* 1981. № 1. 3. Зинин С. И. *Введение в русскую антропонию: Глава «Отчества».* Ташкент, 1972. 4. Ицкович В. А. *Ударение в личных именах и отчествах в русском языке // Русский язык в школе.* 1961. № 6. 5. Кононенко В. А. *Древнерусская патронимия X—XIV вв.: Словообразовательный и функциональный анализ: Автореф. канд. дис.* Ташкент, 1986. 6. Кузнецова Л. Н. *О произношении отчеств // Русская речь.* 1984. № 5. 7. Симица Г. Я. *История отчеств // Ономастика Поволжья.* Уфа, 1973. 8. Унбегаун Б. О. *Отчества на -ич и их отношение к русским фамилиям // Исследования по славянскому языкознанию.* М., 1971. 9. Фролова С. В. *Древнерусские отчества на -ич в словообразовательном отношении // Семантические и словообразовательные отношения в русском языке.* Куйбышев, 1981. 10. Хавин П. Я. *Заметки о стилистических нормах произношения отчеств // Вестник ЛГУ.* № 14. Серия истории, языка и литературы. 1956. Вып. 3. 11. Чичагов В. К. *Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Глава IV. Отчества.* М., 1959.

С. И. Зинин

С

САЛЕХАРД — город на Полярном круге, расположен на правом берегу р. Полуй при впадении в р. Обь (7 км). Официальной датой основания принято считать 1595 г., однако сохранились документы о строительстве русского Носового городка по указу березовского воеводы Никифора Траханиотова в 1593 г. на месте аборигенного поселения Обдорска, упомянутого уже в титуле царя Ивана IV под 1554 и 1556 гг. Коми-зырянский *Обдор* переводится как: *Обь* (название реки) плюс *дор* 'устье', 'мыс'; *Салехард* — по-хантыйски *Пулинг-Нгавот-Ваш*, где *Пулинг* — название р. Полуй, *Нгавот*, *ават* 'мыс', 'нос'; по-ненецки *Саля-Гард*, *Салия-Гарден*, где *сале*, *салия* 'мыс', 'полуостров', *харад*, *хард*, *харт* 'дом', 'город'. Острог Обдорск, потом село Обдорское, затем рабочий поселок Обдорск в 1933 г. был переименован в Салехард (ненец. 'мысовой город'), в 1938 г. преобразован в город ок-

ружного подчинения. Город имеет речной порт, рыбоконсервный и деревообрабатывающий комбинаты, судостроительный завод, пед. и мед. училища, краеведческий музей.

Н. К. Фролов

СА́НКТ-ПЕТЕ́РБУ́РГ — город-герой, центр Ленинградской обл. Днем основания города считается 16 мая 1703 г., когда Петром Великим была заложена крепость, получившая название Санктпите́рбург — в честь Святого Петра, небесного патрона императора. Крепость после сооружения в ней собора Петра и Павла стала называться Петропавловской, а ее первоначальное название оказалось распространенным на выросший вокруг нее город. Таким образом, специального акта, отмечающего основание города и определяющего присвоенное ему название, принято не было. Лица из иноязычного окружения Петра, говорившие преимущественно на немецком, шведском, голландском, английском языках, а также его русские сподвижники, в той или иной мере владевшие этими языками, название «город Святого Петра» произносили и писали каждый на свой лад.

В результате этого в первые 20 лет существования города написание его названия в различных источниках первой четверти XVIII в. (газета «Ведомости», письма самого Петра и к нему, другие документы) встречается более чем в 30 вариантах. Разнобой касался всех компонентов названия: *Санкт*, *Сант* и *Сан*; *Питер* и *Петер* (с флексией родительного падежа *-с*, *-з* или без нее); *бург*, *бург* и *бург*, причем все это в одно, два или три слова. Наиболее часто встречался вариант *Санктпите́рбург*. Очевидно, именно в это время и на основании именно этого варианта получило распространение неофициальное название города *Питер*, широко употребляющееся и в настоящее время. Да и сам Петр предпочитал варианты с *Питер-*, причем и свое имя он нередко писал *Piter*. Но после его смерти именно компонент названия закрепился в немецкой форме *Петер*, а затем и все название приобретает окончательный вид — *Санкт-Петербург*.

С началом первой мировой войны и развитием

антигерманских настроений столица 18 (31) августа 1914 г. была переименована: «Государь император ... высочайше повелеть соизволил именовать впредь город С.-Петербург — Петроградом». В топонимическом отношении это название не было неожиданным: модель на *-град* давно известна (*Царьград*) и довольно широко употреблялась в XVIII—XIX вв. (*Елисаветград* и др.), вспомним также пушкинское «Над омраченным Петроградом...». Однако смысл названия при этом переименовании был резко искажен: город стал называться уже не в честь святого, а по имени самого императора. Точнее было бы *Свято-Петроград*, но такое неуклюжее название было бы чуждо традициям русской топонимии.

В 1924 г., после смерти В. И. Ленина, решением II Всесоюзного съезда Советов город был вторично переименован, на этот раз в *Ленинград*. К 1990 г. активное общественное движение за восстановление исторических названий городов коснулось и Ленинграда. При обсуждении вопроса высказывались предложения назвать город *Санкт-Петербург*, *Петербург* или *Петроград*, а писатель А. И. Солженицын, возражая против *Санкт-Петербурга*, «навязанного вопреки русскому языку и русскому сознанию», предлагал *Свято-Петроград* или *Невоград*. Но недостаточное знакомство с русской топонимией подвело великого писателя. Оба варианта неудачны, причем первый вообще не имеет аналога в русской топонимии, а единственный аналог второго — Волгоград — был введен при Хрущеве в начале 60-х гг. лишь для того, чтобы избежать восстановления якобы «монархического» *Царицын* взамен переименовывавшегося *Сталинграда*. В ходе проведенного 12 июня 1991 г. опроса 54 процента жителей города высказалось за восстановление исторического названия *Санкт-Петербург*. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 сентября 1991 г. Ленинграду возвращено его первоначальное имя *Санкт-Петербург*.

Е. М. Поспелов

СЕВЕРСКИЙ ДОНЕЦ — топоним, самый крупный правый приток Дона. По мнению акад. Б. А. Рыбакова, участок среднего и нижнего течения Север-

ского Донца, а также современный Дон от его дельты до устья Донца в XII в. именовался *Великим Доном* [1]. Представления о том, что является главной рекой, а что ее притоком, в XII в. отличались от современных и могли иметь противоположный характер. Кроме того, значительная территория Донского бассейна выше устья С. Д. в эту эпоху еще не была заселена и освоена восточными славянами (за исключением верховьев Дона), и эта часть Подонья была для них в топонимическом отношении terra incognita. «К Дону Великому» преследовал хана Кончака князь Игорь Святославич (ср. в «Слове»: «Кончакъ ему слѣдь править къ Дону Великому»), и где-то там, «на рецѣ на Каялѣ у Дону Великого», произошла в 1185 г. битва русских с половцами. В некоторых летописных текстах современный С. Д. также именуется иногда *Доном* (например, в Московском летописном своде конца XV в., под 1105, 1114 и 1116 гг.).

У Дона, или Дона Великого (здесь великий — «большой»), имелись притоки, названия которых образовывались от этой же гидронимной основы при помощи суффикса *-ец* с уменьшительным (деминутивным) значением (ср. аналогичные образования в донской гидронимии: *Хопрец* — рукав Хопра, *Торец* — приток Тора, *Изюмец* — приток Изюма и т. д.). Об одном из таких *Донцов*, притоков *Дона Великого* в его верхнем течении, сообщается в «Слове о полку Игореве»: далеко ушедший в половецкую степь Игорь «мыслию поля мѣрить отъ Великого Дону до Малаго Донца», т. е. до какого-то притока Северского Донца в его верховье. Б. А. Рыбаков считает, что это правый приток Северского Донца — река Уда, или Уды. Уменьшительное значение формы *Донец* здесь подчеркнуто прилагательным *малый* (ср. соотносительное прилагательное в названии главной реки — *Дон Великий*) [2].

В своем верховье С. Д. (бывший Дон Великий) разветвляется на несколько небольших речек и ручьев, одинаково названных *Донцами*, но с разными уточняющими определениями: *Сажной*, или *Саженой*, *Донец* («Книга Большому чертежу», 1627, и другие документы начала XVII в.; в XIX—XX вв. — *Саженский Донец*, т. е. 'узкий, шириной в сажень'); *Липовый До-*

нец (в «Книге Большому чертежу»: «речка Донец Липовой»; в некоторых документах XIX в. — *Липовский Донец*).

Был еще и *Валуиченин Донец*, который тянулся в сторону г. Валуйки. Все эти Донцы в Патриаршей, или Никоновской, летописи под 1566 г. имеют общее название «верховские Донцы» [3]. Кстати, по свидетельству «Статейного списка похода в Азов боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина» (1697), правобережье Донца в XVII в. именовалось «валуйской», а левобережье — «азовской» стороной реки [4].

Среди них был и *Донец Северский*. Самая ранняя фиксация этого гидронима относится к началу XVI в. (1515): «повыше Сѵверского Донца» [5]. В материалах XVII в. зафиксированы случаи употребления гидронима *Сѵверский Донец* как названия одного из «рядовых» источников, питающих реку в ее верховье, например: «межь Сѵверскаго и Сажного Донца» [6]. В одном из документов 1637 г. приводится целая триада «верховских» Донцов: «А большая Муравская сакма лежит верх Липового и Сажного Донца и верх Донца Северскаго» [7]. Последний Донец своим течением протянулся в сторону Северной земли, или Северы. Очевидно, по этой же причине получила название *Северец* одна из речек в бассейне Сожа, левого притока Днепра. Вместе с тем приток Сейма — *Семица Донецкая* (бассейн Десны, левого притока Днепра) получила свое определение оттого, что начиналась недалеко от верховьев Донца.

Нынешнее название самого крупного притока Дона возникло в верховье Дона Великого, современного С. Д. В восточнославянской гидронимии отсутствуют названия таких крупных водных артерий с уменьшительным суффиксом *-ец*. Уменьшительное *Донец* следует рассматривать как производную форму не от современного гидронима *Дон*, а от первого компонента составного названия *Дон Великий*. Гидронимы-деминутивы на *-ец* в бассейне Дона всегда относятся к незначительным водным объектам (небольшим притокам Дона, его рукавам, старицам и т. д., например: *Донец*, или *Мертвый Донец*, один из рукавов Дона в его устье), чего нельзя сказать о широком и полно-

водном Северском Донце в месте слияния его с Доном.

Заселение бассейна реки в XVI—XVII вв. привело к тому, что прежде локально привязанное название одного из «верховских Донцов» — *Донца Северского* постепенно переместилось вниз по его течению и вытеснило прежнее его наименование *Дон*, или *Дон Великий*. Этому сопутствовало и активное заселение в это время русскими земель по самому Дону, который стал восприниматься как главная река бассейна. Благодаря этому форма *Донец* вступила во вторичную мотивационную связь с гидронимом *Дон*, относящимся к современному объекту этого собственного имени. В настоящее время уменьшительное значение в форме *Донец* благодаря опрощению ее состава (деэтимологизации) уже утрачено.

С XV в. отмечается употребление гидронима без определительной части, значение которой в гидрониме, ставшем названием всей реки (бывшего Дона Великого), постепенно дезактуализируется. В «Книге Большому чертежу» приводятся обе формы — полная и сокращенная (*Северский Донец* и *Донец*). Только один раз зафиксирован вариант *Донецкий колодезь* (в документе 1691 г.) с нетипичным использованием народного географического термина *колодезь* 'ручей, речка' по отношению к большой реке [8]. Этот гидроним относится к харьковской зоне течения С. Д., где в XVII в. среди его притоков изобиловали составные названия с этим термином (например, *речки и ручьи Белый Колодезь, Синий Колодезь, Разрытый Колодезь, Лозовой Колодезь* и т. д.). В документах XVI—XVIII в. (в Лебедевской летописи под 1559 г. и др.) отмечен также вариант названия *Сиверский Донец*: «перешли Сиверской Донец» (1671) и т. д. Со второй половины XVII в. в памятниках письменности засвидетельствована искаженная форма гидронима — *Северный Донец*, сохранившаяся до нашего времени (употребляется в разговорной речи), возникновение которой было вызвано так называемой народной этимологией. Она стала возможной благодаря забвению былой связи гидронима с историко-географическим понятием и названиями *Северская земля, Севера* (территория в

бассейнах Сейма и Десны), уже в XVIII в. переставшими употребляться в источниках. Вследствие этого произошла замена семантически неясного прилагательного *северский* на пароним *северный*. Ошибочная форма *Северный Донец* получила широкое распространение в XVIII и особенно в XIX — первой половине XX вв. в языке художественной литературы, прессы, в научных публикациях, а также в различных картографических материалах (например, на военно-топографической карте-трехверстке, составленной в прошлом веке военными топографами Генерального штаба). Начиная с 60-х гг. благодаря усилиям ученых и краеведов постепенно восстановилось употребление исторически правильной формы *Северский Донец*, которая сейчас уже стала нормативной.

В античную эпоху С. Д. у древнегреческих авторов — *Гиргис* (Геродот, кн. «Истории» — «Мельпомена»; как приток Танаиса, т. е. Дона). В латинском издании (1556) книги немецкого дипломата З. Герберштейна, побывавшего в России в 1517 и 1526 гг. (на рус. яз.: Записки о московитских делах. СПб., 1908), помещена карта России, где Северский Донец именуется как *Minor Tanais vel Donecz* 'Малый Танаис, или Донец'. Примерно так же обозначен Донец и на карте России С. Нейгебауера 1612 г.: *Donez sive Tanais Minor*. Надпись *Minor Tanais* или *Tanais Minor* находится на карте юго-восточной России С. Монстера (1559), на карте России И. Магина (1596).

Прилагательное *Sewerski* впервые появляется на карте южной России Г. Меркатора, изданной в 1595 г. При этом данное определение в многословном латинском названии относится не к славянскому, а к античному гидрониму *Танаис*: *Donetz id est minor Tanais Sewerski cognomine quod in Sewera oriatur* («Донец, т. е. малый Танаис Северский, названный так потому, что в Севере начинается»). Однако на карте России Г. Меркатора, изданной в 1694 г. надпись становится уже короче и более точной. Оба гидронима — славянский и искусственный греко-латинский (принятый в европейской картографии XVI—XVII вв.) — приводятся в ней одновременно (между ними — соединительный союз), но славянская форма поставлена на первое место: *Donecz Sewerski flu. et Tanais minor* (букв.

«река Донец Северский и Малый Танаис»). На карту южной России И. Масси 1633 г. нанесен только славянский составной гидроним (в искаженном виде): Serensci Donetz fl. (в верховье — надпись: Donetz gesa). На картах Г. де Боплана находим передачи только одиночного названия: Donice R. (карта «Польша», приблизительно 1651 г.) и Donies R. (карта Украины 1660 г.).

Литература: 1. Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // *Краткие сообщения Института материальной культуры.* № 43. 1952. 2. Он же. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве» // *Научные доклады высшей школы. Исторические науки.* 1958. № 1. 3. Полное собрание русских летописей. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью. СПб., 1901. С. 399. 4. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VII. Одесса, 1868. С. 146. 5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией. Т. 2. М., 1895. С. 141. 6. Беляев И. В. О сторожевой и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 60, раздел «Источники». 7. Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Харьков, 1890, с. 10. 8. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Отд-ние 1. Краткий обзор епархии и монастыри. Харьков, 1859.

Е. С. Отин

СИБИРЬ — часть азиатской территории России от Урала до хребтов Охотского побережья, от Северного Ледовитого океана до Казахстана и Монголии. Протяженность С. с севера на юг около 3500 км, с запада на восток — 7000 км, площадь около 10 млн. кв. км.

Название *Сибирь* (*Себир*) впервые упоминается иранскими авторами в конце XII в. и становится известно в русских источниках с начала монголо-татарского нашествия. В конце XIII в. на развалинах империи Чингизхана образуется ряд относительно самостоятельных тюркских владений, среди которых было Тюменское ханство, находившееся под патронатом Казани. Междуусобная война чингисидов имела следствием образование около 1495 г. Сибирского ханства во главе с Махметом, который построил на месте впадения р. Тобол в р. Иртыш крепость *Искер* (в источниках это тюркское название столицы имеет варианты — *Сибирь*, *Кашлык*).

Сибирское ханство в XVI в. платило дань московскому царю Ивану IV, «всех сибирских земель пове-

лителю». Попытка хана Кучума освободиться в 1574 г. от московской зависимости привела после успешной военной экспедиции дружины Ермака (1581—1585) к окончательному присоединению к России, а затем и расширению российских территорий. После возведения первых русских городов — Тюмени (1586), Тобольска (близ Искера, 1587) и других начинается планомерное русское освоение Сибири. Административным и духовным центром Сибирской губернии с 1698 по 1782 г. стал г. Тобольск, расположенный в бывшем центре небольшого Сибирского ханства, имя которого сохранилось для огромной территории России за Уралом.

Известно несколько этимологических версий хоронима региона *Сибирь*: В. Н. Татищев соотносит с тат. *сенбирь* 'ты первый' (главный), тобольский краевед Н. А. Абрамов — с татарским глаголом *сибирмак* 'очищать', томский краевед В. Ф. Флоринский — с русским словом *север*, что, однако, не выдерживает историко-лингвистической аргументации. Наивны толкования слова *Сибирь*, предложенные И. В. Щегловым (от монгол. *шивэр* 'заболоченная чаша'), П. Шафариком (от имени гунского племени *сабиры*, *себеры*), А. Г. Митрошкиной (от монгол. *сэбэр* 'красивый, прекрасный') и др. Обращает на себя внимание гипотеза З. А. Бояршиновой, поддержанная И. А. Воробьевой, о связи имени собственного *Сибирь* с названием группы древних угров *ситыр* (*севыр*, *сабир*). Тобольско-татарская крепость себеров *Себеркала* упомянута в XIII в. иранским историком Рашид-ад-динном.

Слово *Сибирь*, на наш взгляд, состоит из двух компонентов: 1. *Сиб* (вост.-хант. *сыв* 'ручей', 'река', 'протока', ср.: древнетюркск. *су*, *суб* 'вода'); 2. *ир* (общетюркск. *йир*, *ир* 'земля'), что не противоречит также монгол. *шибир* 'сырая равнина', 'болото'. На русской языковой почве финальный мягкий *р*' (из *ь*) приобретает традиционное значение принадлежности и совокупности (ср.: *Русь*, *Тюмень*).

Таким образом, *Сибирь* (*Сэбэр*, *Сэвэр*) — так называлась земля рек, озер и болот, где исторически проживали тюркизированные к XVI в. сибирские угры. [Наиболее вероятной представляется этимология *Сибирь* от иран. (др.-перс.) *asabāga* 'всадники, наездники'

(ср. дальнейшие сведения в кн.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. 2-е изд. М., 1987. С. 855—856: дополнения). Первоначально относилось к юго-западному району Сибири с кочевым населением, куда раньше проникли и другие иранские влияния (ср. *Обь*).— *Прим. ред.*]

Н. К. Фролов

СОРМОВО — район в Нижнем Новгороде, в прошлом рабочий поселок, а еще раньше — починок при оз. Марьином. В письменности упоминается с XVI в. По происхождению топоним *Сормово* — притяжательное прилагательное на *-ов* от собственного личного имени *Сорма* или *Сорм*, апеллятивная этимология которого не выяснена. По мнению одних исследователей, это русское имя *Сором* в нижегородском диалектном варианте произношения с редукцией до нуля второго, заударного, гласного *о*. Другие предполагают, что *Сорма* или *Сорм* из языка какого-то местного тюркского или угро-финского населения, и предполагают сближения с тат. *сорма* 'речной перекат', или *сармас* 'чуваш', или с мар. *сорма* 'лохмотья', или с мокшан. *сёрма* 'узор', 'письмо'.

События первоймайской демонстрации в С. в 1902 г. послужили М. Горькому материалом для написания романа «Мать».

Литература: 1. Безруков А. *Сормово*. Н. Новгород, 1925.
2. Трубе Л. Л. *Как возникли географические названия Горьковской области*. Горький, 1962.

Н. Д. Русинов

СОСЬВА СЕВЕРНАЯ — река, сплавная, судоходная, берет начало в Уральских горах, впадает в р. Малая Обь; длина — 754 км, площадь бассейна — 92 тыс. км², главные притоки: *Ляпин* — слева, *Малая Сосьва* — справа. *Сосьва* (Южная) — правый приток р. Тавды. Бассейны рек *Северная Сосьва* и *Южная Сосьва* — историческое местожительство манси.

Этимон онима *Сосьва* (*Сосва*) восходит к коми-перм. *сос* 'ручей', 'рукав' и *ва* 'вода', т. е. 'рукав воды' (реки). В русский язык название пришло через посредство коми языка, так как по-мансийски *Сосьва* называется *Тагай*, *Тайт*, что означает «рукав».

Н. К. Фролов

СТАВРОПОЛЬ (ТОЛЪЯТТИ). Основателем волжского города Ставрополя — Тольятти, без всякого сомнения, можно считать известного русского историка В. Н. Татищева, который в 30-х гг. XVIII в. был начальником Оренбургского края. Именно он отыскал удобное место для постройки города-крепости на левом берегу Волги в урочище Переполье, на протоке Кунья Воложка, о чем и известил императрицу Анну Иоанновну. 20 июня 1737 г. она подписала грамоту, в которой определялось «выше Самары и близ Волги реки построить крепость... и на означенное место собрать всех крещеных калмык, которые около этой крепости имеют по обыкновению кочевать...».

На постройку крепости было выделено 10 тыс. рублей. Строились одновременно и жилые здания, и здания административно-хозяйственного назначения (архив, канцелярии, склады, амбары, цейхгауз). В середине октября 1738 г., когда В. Н. Татищев приехал с проверкой, город всюю строился и был, как он писал, даже лучше, чем в проекте. По плану город имел форму неправильного шестиугольника, длина его равнялась 313 сажням, а ширина — 198. Поскольку это был не просто город, а город-крепость, то было построено два редута, установлено четыре батареи. Крепость имела Оренбургские, Симбирские и Водяные ворота. В названии последних отражена особенность их расположения у реки, а имена Оренбургских и Самарских ворот указывали на направление дорог, которые шли в крепость из этих мест.

Крепость на Волге была названа на греческий манер — *Ставрополь* (гр. σταυρός 'крест' и πόλις 'город'), что соответствовало духу того времени. Не случайно поэтому в ставропольском гербе, учрежденном Екатериной II 22 декабря 1780 г., изображен крест на фоне крепости. Сохранился указ Анны Иоанновны об именовании этой крепости от 21 февраля 1739 г., адресованный ее коменданту полковнику Змееву: «В нашей Коллегии иностранных дел тайный советник Татищев от 20 июня 1738 г. присланным доношением требовал нашего Указу именовании новопостроенной... крепости. И мы всемилоостивейше повелеваем тое... построенную крепость именовать Ставрополь...».

Интересно то, что возле крепости по царскому указу предписывалось также построить 20 торговых лавок с жильем, чтобы «российским купцам и охочим людям дать позволение в оных покаях жить и торговать...». Купцам давались привилегии, если они оставались жить в С. В 1744 г. рядом с крепостью уже располагалась Купеческая слобода, где проживало 127 купцов. В это же время появилась и Солдатская слободка. На 1750 г. в Ставрополе было 500 домов, расположенных по трем улицам — Соборной, Купеческой и Посадской. Было поставлено три храма: собор Святой Троицы в крепости, церковь Успения Богородицы в Солдатской слободе и церковь Рождества Богородицы в Купеческой слободе.

Земли, лежащие между Волгой, Черемшаком, Кондурчею и Соком, предназначались для кочевки калмыков. Близ С. для них были построены еще и слободы. Кроме различных пособий, выданных калмыкам для начального обзаведения, им отпускался еще казенный хлеб для засева полей.

С момента своего образования город управлялся советом из калмыцкой знати и ставропольским комендантом. В 1745 г. в С. был образован иррегулярный полк, состоявший в основном из калмыков, принявших христианство; он делился на восемь сотен. В это же время был учрежден кроме городского суда еще и особый калмыцкий суд под председательством войскового полковника.

Крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева захватила и Ставропольскую провинцию Оренбургской губернии. Несколько раз в С. приезжали гонцы от Пугачева с тем, чтобы склонить ставропольцев перейти на сторону восставших. Вот одно из свидетельств того времени: «...полковник Лысов... послан от Пугачева в Ставрополь, чтобы оных склонить в чем успех имел, ибо оные Пугачеву преклонялись...». Осенью 1773 г. на сторону Пугачева перешел отряд ставропольских калмыков в составе 700 человек под командованием Ф. И. Дербетова. И это в какой-то мере определило судьбу самого С.: в январе 1774 г. крепость была взята почти без единого выстрела.

В 1780 г. (при князе Потемкине) ставропольское войско перешло под управление оренбургского губернатора, а сам город был причислен к Симбирскому наместничеству. Через 60 лет (1842) ставропольских калмыков перевели в оренбургские степи, а из ставропольского полка была образована новая линия укреплений в Верхнеуральском и частью в Орском уезде. Начиная с середины XIX в. земли близ С. заселяются бедными дворянами Рязанской, Смоленской и Тульской губерний, а также выходцами из мещан и бывших крепостных.

Протока Кунья Воложка, на которой был поставлен Ставрополь, судоходна только ранней весной, в летнее время все суда и пароходы останавливались у пристани ниже города. Именно поэтому город не имел промышленного значения, в нем, например, в 1871 г. было только 12 полукустарных заводов (салотопенный, свечный, поташный, кожевенные, кирпичные). Жители еще занимались огородничеством: посевом лука и картофеля.

К началу XX в. С. вырос, его население составляло уже около 6,5 тыс. человек (в 1862 г. было чуть более 4 тыс. человек). Однако на 34 небольших заводах было занято всего лишь 69 человек. Город располагался по 13 улицам, в нем было около 2 тыс. домов, из которых только 45 домов были каменными.

В 1924 г. по новой административно-территориальной реформе Ставрополь превращается в село Самарского уезда Самарской губернии. Лишь после Великой Отечественной войны (1946) он вновь получил статус города районного подчинения.

Бурный подъем С. начался в 50-е гг., когда он стал центром строительства Волжской ГЭС и был причислен к числу городов областного подчинения. Но еще больший рост начинается в связи со строительством Волжского автомобильного завода. В начале 60-х гг. был разработан проект строительства завода-гиганта, на котором предполагалось выпускать отечественные машины типа итальянского «Фиата». Именно это обстоятельство и дало повод к переименованию города в 1964 г. в память об итальянском общественном деятеле П. Тольятти. В первой полови-

не 70-х гг. здесь выросли корпуса завода и жилой массив на 100 тыс. человек. Город стремительно растет, его численность с 1959 по 1979 г. дважды увеличивалась в 2,6 раза (1959 г. — 72 тыс., 1969 г. — 187 тыс., 1979 г. — 502 тыс.). Сейчас его население насчитывает более 600 тыс. человек.

Л и т е р а т у р а: 1. *Волга от Твери до Астрахани.* СПб., 1862. 2. *Географическо-статистический словарь Российской империи.* Т. IV. СПб., 1873. 3. *Город Тольятти.* Куйбышев, 1987. 4. *Кузьмин А. Г. Та-тищев.* М., 1987. 5. *Рубаненко Б. Р., Образцов А. С., Савельев М. К. Новый Тольятти.* М., 1971.

З. С. Дерягина

СТАНИЛОВО — село в верхней части течения р. Сити. Среди его жителей и соседей бытует легенда, что зимой и весной 1238 г. на месте *Станилова* был стан то ли войска владимирского князя Юрия Всеволодовича, то ли татаро-монголов хана Батыея и что именно здесь в конце зимы 1237—1238 гг. произошла битва русичей с татаро-монголами. Отсюда якобы и название села *Станилово*. На самом же деле это название образовано как притяжательное прилагательное на *-ов-* от личного собственного имени *Станило* или *Станила* и, следовательно, не указывает, что битва на Сити произошла именно на месте с. *Станилово*. Однако в его окрестностях при различных земляных работах не раз находили предметы (части оружия, одежды) конца XII — начала XIII в., свидетельствующие о том, что сражение воинов Юрия Всеволодовича могло происходить именно здесь.

Л и т е р а т у р а: *Русинов Н. Д. Углич — древнейший русский город на берегах Волги // Материальная и духовная культура феодальной России: Межвузовский сб. Горький, 1990.*

Н. Д. Русинов

СТАРАЯ ЛАДОГА. Многие русские города, упоминаемые в летописях и в других письменных памятниках, исторически развивались именно в городах в современном понимании этого слова. Но случалось и так, что те или иные некогда известные и значительные центры и даже удельные столицы превращались в небольшие городки или села. К ним можно отнести

поморский город Холмогоры (в настоящее время село), Радонежский Городок, бывший в первой половине XV в. стольным градом удельного княжества (сейчас село Радонеж), а также город *Старая Ладога* (современное село в Волховском районе Ленинградской области).

С. Л. стоит на левом берегу Волхова, в 12 км от его устья. Первоначальное ее имя — *Ладога* — было перенято от речки, которая впадает здесь в Волхов (сейчас она называется *Ладожка*). Известный ученый проф. А. И. Попов писал, что «речное имя Ладога сделалось именем приречного укрепленного и торгового пункта, получившего такое огромное значение в торговых отношениях Новгорода со Скандинавией и немецкими городами, что и лежащее рядом с Ладогой озеро Нево новгородцы в конце концов стали называть «Ладозьским». Что касается объяснения названия речки Ладогои, то оно имеет достаточно выраженный прибалтийско-финский характер, скорее всего, от *Ala-djogi 'Нижняя река'. Это объяснение происхождения названия речки Ладогои убедительно прежде всего тем, что речка действительно находится в нижнем течении Волхова.

Появление города Ладогои относят ко второй половине IX в. В Ипатьевской летописи под 862 г. в рассказе о призвании варягов на Русь читаем: «И придоша к Словенном первее и срубиша город Ладогу, и седе старейшии в Ладозе Рюрик».

На небольшом мысу, омываемом с одной стороны Ладогой, а с другой — Волховом, была поставлена первоначально деревянная крепость, которая занимала господствующее положение на начальном участке великого водного пути «из варяг в греки». В конце IX в. она была и административным центром, объединяющим местное население, и торговым центром, где, как определяют археологи по типам застроек, жили в основном ремесленники и торговцы, т. е. те, кто в большинстве своем не был связан с сельским хозяйством.

По легенде, Ладогу любил посещать князь Олег. В летописной записи под 922 г. рассказывается о смерти Олега под Ладогой: «Иде Олег к Новгороду и отту-

да в Ладогу... и уклони его змея в ногу и с того умре; есть могила его в Ладоге». И действительно, рядом с Ладогой на крутом берегу Волхова виден большой курган, который называют «Олеговой могилой», однако, по другому летописному преданию, Олег умер недалеко от Киева, где также указывают на его могилу.

Ладога (под именем *Альдейгабурга*) упоминается в скандинавской саге о походе на Русь норвежского ярла Эйрика в 997 г., в результате которого она была разрушена. Остатки этой древнейшей крепости покоятся сейчас под культурным слоем на глубине 3,5 м. При археологических раскопках, проводившихся в Ладоге под руководством А. Н. Кирпичникова (1972—1975), были найдены остатки еще двух крепостей — XI и начала XII в. Высота стен крепости XII в. достигала 8 м, а толщина их в нижней части (где кладка была двухрядной) составляла 3,5 м. Возможно, это остатки именно той крепости, о строительстве которой сообщается в «Повести временных лет» под 1114 г.: «Павел посадник Ладожский заложил Ладогу град камян». Мощные ее стены выдержали осаду шведов в 1144 г. В летописи также есть сведения о нашествии их и в 1164 г.: «Приидоша свее под Ладогу, пожгоша ладожане хоромы своя, а сами затворишася в граде с посадником Нежатою». Археологи утверждают, что при позднейших перестройках крепости в середине XV в. (1445) и на рубеже XV—XVI вв. кладка стен начала XII в. была сохранена и использована как основа. В крепости было пять башен: Ворóтная (название указывает на то, что через нее шел вход в крепость), Тайничная (внутри башни находился потайной колодец, соединявшийся деревянной трубой с Волховом), Раскатная (на открытой ее площадке стояла пушка), Климентовская (рядом с башней находилась церковь Климента), Стрелочная (здесь, на стрелке, сходились две стены).

Почти до середины XIV в. Ладога была самым первым русским городом-портом на торговом пути из Балтики в Русскую землю. Поскольку в низовьях Волхова большие пороги, то именно здесь, в Ладоге, шла перегрузка товаров с морских судов на речные, шедшие в основном в сторону Новгорода Великого.

Город Ладога до присоединения Новгорода к Москве (1478) был центром одного из новгородских владений — Водской пятины. В ее писцовых книгах за 1500 г. отмечается, что Ладога делилась на пять концов, названия которых повторяли названия храмов: Богородицкий (по церкви Успения Богородицы), Климятцкий (Климетецкий) — по церкви Климента, Никольский (по Никольской церкви), Семеновский (по церкви Симеона Богоприимца), Спасский (по церкви Спаса Нерукотворного). Никольский и Климятцкий концы были расположены на правом берегу речки Ладоги, а остальные — на ее левом берегу; Спасский и Семеновский концы разделяла речка Грубица, впоследствии пересохшая. В Ладоге была еще и Варяжская улица, название ее указывает на то, что там жили и торговали в основном варяги (шведы), хотя по местной легенде это название улицы связывают с тремя братьями-варягами.

В упомянутой уже писцовой книге Водской пятины 1500 г. сообщается, что «всех дворов на посаде в Ладозе лутчих людей, и середних, и молодых, и с теми дворы, что на монастырских местех и на церковных, 108 дворов, а людей в них... 137 человек». Здесь речь шла о тех ладожанах, которые несли тягло. Кроме того, в Ладоге были еще и нетяглые дворы. К ним относились дворы духовенства, а также «двор намесничь да двор тиун», т. е. дворы княжеского намесника и тиуна.

Ладога очень пострадала от шведского нашествия в 1610—1617 гг. Именно тогда были разрушены три каменные церкви XII в. Жители вынуждены были оставить город и после подписания Столбовского мира между Россией и Швецией в феврале 1617 г. весь край, в том числе и Ладога, заселялись заново. И еще в 1649 г. в челобитной царю ладожане писали: «Уездишко малое и пустое, делать такова великого городского дела некем».

Ладога XVII в. представляла собою крепость, вокруг которой располагались слободы: Стрелецкая, Казачья, Пушкарская, Ямская, Подмонастырская и Никольская (в двух последних селились зависимые от монастырей крестьяне). Крепость имела следующее

вооружение: «...пищалей разных калибров 26 и ядер к ним 1160 штук; зелья 75 пудов; свинцу 20 пудов и 3 отливки...». Гарнизон Ладogi состоял из 100 стрельцов, 124 казаков, 17 детей боярских, 6 пушкарей и 2 воротников.

И хотя по указу Петра I Ладога была укреплена (были созданы мощные оборонительные сооружения — земляные бастионы, достигавшие в высоту 10—12 м), вскоре она потеряла свое и стратегическое, и политическое значение. Это было связано со строительством в 1704 г. нового города в устье Волхова (на берегу Ладожского озера). От *Ладogi* к нему перешли не только привилегии административного центра, но даже имя: вновь построенный город стал называться *Новая Ладога*, а древний с этого времени получил добавление — *Старая*. В Новую Ладогу переехали «именитые» люди; туда же были переведены государственные учреждения и даже перевезена соборная Климентовская церковь. Через 10 лет (1714) в Старой Ладоге был ликвидирован гарнизон и слободы служилых людей. И уже в справочниках XIX в. этот древний город описывается так: «Старая Ладога (Успенское) — селение Санкт-Петербургской губернии, Новолadoжского уезда, на левом берегу реки Волхов, при речке Ладожке, в 12 верстах от уездного города».

Сейчас С. Л. известна всем как музей под открытым небом, где можно увидеть старинные крепостные сооружения и памятники древнерусского зодчества и настенной росписи. Здесь находится церковь Георгия, которая считается самой изысканной по своим формам и самой компактной по своим размерам из всех известных храмов домонгольского периода (высота ее — 15 м). За удивительно светлый и строгий вид ее называют «Ладожской невестой». По преданию, в 1240 г. в этой церкви перед битвой на Неве со шведами молился 25-летний князь Александр Ярославич.

Л и т е р а т у р а: 1. Керт Г., Мамонтова Н. Загадки карельской топонимики: Рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1976. 2. Орлов С. Н. Старая Ладога: Исторический очерк. Л., 1962. 3. Попов А. И. Следы времен минувших. Л., 1981. 4. Старая Ладога. Л., 1984.

З. С. Дерягина

СТА́РЫЙ ГОРОДО́К — Городище в Нижнем Новгороде (в прошлом возле Нижегородского посада), упоминается в памятниках нижегородской письменности XVI—XVII вв. В царской грамоте 1593 г. в Нижний Новгород и в Нижегородских писцовых книгах 1621 г. указано место Старого городка: на правом берегу р. Оки, выше Благовещенского монастыря, неподалеку от Муромской дороги. В Нижегородском летописце XVII в. указано легендарное происхождение этого городка: его якобы поставили суздальские князья, когда ходили для сбора дани, еще до основания Нижнего Новгорода. Археологические раскопки на месте Старого городка, произведенные в 1956 г., показали, что это городище относится к финно-угорской археологической культуре рогожной керамики последних веков до н. э. — начальных веков н. э. Именно поэтому к происхождению и начальной истории Нижнего Новгорода никакого отношения не имеет, вопреки мнению некоторых нижегородских краеведов.

Л и т е р а т у р а: 1. Гацвский А. С. *Нижегородский летописец. Н. Новгород, 1886.* 2. Кирьянов И. А. *Основание Нижнего Новгорода // Горьковский рабочий. 1970. № 187.* 3. Русянов Н. Д. *Этимологические заметки по русской лексике // Лексика. Терминология. Стили: Межевзовский сб. Горький, 1973. Вып. 2.*

Н. Д. Русинов

СУРГУТ — город Ханты-Мансийского авт. окр. Тюменской обл., порт на р. Обь, ж.-д. станция; население — 250 тыс. жителей; центр нефтегазовой добычи региона, ГРЭС-1, ГРЭС-2; газоперерабатывающая, деревообрабатывающая, рыбная, пищевая промышленность; филиалы Тобольского пединститута, Тюменского индустриального института; краеведческий музей.

С. основан в 1593 г. воеводами Михаилом Волконским и Матвеем Львовым (по Г. Ф. Миллеру — Владимиром Оничковым) рядом со столицей предводителя Пегой Орды Бардака, находившейся на р. Бардаковке, впадающей в Обь. Название г. Сургута в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллер связывает с находившейся в 6 верстах от городка рекой Сургуткой (хант. *Сургунть-Мугот*), притоком Оби.

Название *Сургут* связывается с созвучным этнонимом: так назывался один из селькупских родов Пегой Орды (самоназвание *соргула*). *Саргатами* именовалась группа сибирских татар, видимо, тюркизированной ранее группы селькупов. Апеллятив *сургут* легко дифференцируется на палеоформанты *сур* 'вода', *гут/хут* 'жилище', что, возможно, относилось к части предков селькупов, живших у водных источников и занимавшихся рыболовством.

Н. К. Фролов

ТАВДА¹ — левый приток р. Тобол, берет начало в Уральских горах, длина — 719 км, площадь бассейна — 88 тыс. км², средний расход воды — 450 куб. м в сутки; река нерестовая, сплавная, судоходная; главные притоки — Пельым, Черная, Сосьва, Лозьва.

Русифицированная огласовка имени *Тавда* имеет прямое отношение к мансийскому названию реки *Таут* (варианты *Тагт*, *Тайт*, *Таыт*, *Тыут*, см.: *Сосьва*). Мансийский апеллятив *тайт* 'рукав реки', объективно отражающий географическую реалию, в процессе онимизации и адаптации в русской языковой среде модифицировался в *Тавда* из *Тагт*, *Таут*, *Таута*.

Н. К. Фролов

ТАГАНРОГ¹ — город в Ростовской обл. РФ на северо-восточном побережье Азовского моря. Топоним Т. встречается в документах XV в. сначала как название урочища в форме *Тайган*: «на усть Миюша и на Тайгане», «на Миюше и на Тайгане» (1489). Эта простая форма (без элемента *-рог*) просуществовала до начала XVIII в. Так, в «прелестном письме» атамана Н. Голого, соратника Кондратия Булавина (1708): «под Азов и под Таган». В анонимном турецком трактате об османских крепостях на северном берегу Черного моря, составленном не позднее начала второго десятилетия XVIII в., упоминается крепость *Тыган* (*Тыган калеси*) при морском заливе «на расстоянии восьми часов пути от крепости Азак», т. е. Азова. Арабская запись топонима может быть прочитана как *Тайган* и как *Тыган*. Первый вариант прочтения отра-

зился в цитированном документе 1489 г. — в тексте речей («памяти») великого князя Ивана Васильевича, выданном его послу Мичуре Доманову, который был направлен к таманскому князю Захарью. *Тайган* и *Тыган* в русском языке изменились в *Таган*.

Первая часть топонима *Таганрог* восходит к тюркскому слову *таган* 'подставка для котла, треножник': в старину на мысе была башня-маяк, на котором зажигался огонь. Следы его, по-видимому, сохранились на плане крепости, который был приложен к написанному на латинском языке дневнику И. Г. Корба, совершившего путешествие в Московию в 1698 г. (в период уже начавшегося строительства крепости Таганрог) в качестве секретаря посольства австрийского императора («цесаря») Леопольда I к Петру I. Восточнее трех небольших укреплений, составляющих единое фортификационное сооружение, у основания мыса, на стороне, обращенной к Азову, отмечена построенная турками «каменная башня, обнесенная земляной насыпью» [1]. Турки, как отмечает Корб, именовали ее Таганрогом. Разумеется, в речи тулок топоним употреблялся без элемента *-рог*. На вершине этой башни, очевидно, стоял на тагане котел, в котором разжигался маячный огонь. Примечательно, что недалеко от Тагана в 1702 г. в устье Дона был сооружен другой маяк (считался первым в России), обеспечивавший безопасность плавания русскому флоту. Здесь была построена башня, на вершине которой разжигали костер. И на других маяках России («холмах каменных» и деревянных башнях) в первой половине XVIII в. маячный огонь в металлических треножниках-жаровнях поддерживался путем сжигания дров и угля (в 30-е гг. XVIII в. такие треножники-жаровни стояли на Ростральных колоннах Петербургского порта). Об остатках такого маяка (тагана), давшего имя урочищу, и повествует в своих записках И. Г. Корб.

Вторая часть топонима *-рог* является русским народным географическим термином со значением 'мыс'. Он входит в состав целого ряда топонимов: *Козий Рог* (мыс на Валдайском озере), урочище в Крыму *Казанрог* (XVII в.), *Мишурип Рог* (село на берегу Днепра, расположенное на высоком гранитном мысе) и

т. д. В своем современном виде топоним *Таганрог* — тюркско-славянский гибрид, но его сложный состав уже не осознается в наше время. В памятниках письменности XVII — начала XVIII в. обе части его нередко еще склонялись самостоятельно: «к Тайгануругу», «до Тайгануругу» (1642) и т. д. Нередки примеры уже и полного слияния его частей в одно слово с единственным падежным окончанием: «к Таганрогу (1646), «на Таганроге» (1698), «итти к Таганрогу» (1708) и др. Первая часть топонима в этот период отмечается и с мягким конечным звуком, о чем свидетельствуют написания типа: «к Тоганю рогу», «у Таганьрогу» (1698).

О самостоятельности обеих частей названия свидетельствуют как раздельное их написание на картах и в документах того времени, так и написание каждой из них с прописной буквы или через дефис. Например, на рукописной «Топографической карте части Азовского моря с устьями реки Дона...» изображена линия оборонительных сооружений, протянувшаяся между крепостями Павловской (на берегу Миусского лимана) и Черепахой (в устье балки Черепаха, впадающей в Азовское море), вдоль которой нанесена надпись: *Тагань Рожская линия*. В полном названии этой карты обе части топонима *Таганрог* написаны через дефис: «...крепостей Семеновской, Таган-рога, Павловской, Черепахи...».

Таганрогом в XVII в. называлась также пристань возле мыса и урочище, объединявшее мыс, гавань и поселение: «И пришли, государь, мы к пристани к Таганрогу...» (Из войсковой отписки о морском походе казаков на крымцев в 1646 г.); «на урочище Тагане Роге» (1697), «К урочищу Таганрог» (1698). Город и крепость, построенные в урочище *Таганрог*, вначале получили название *Троицкий* — от имени соборной Троицкой церкви, сооруженной здесь в 1699 г. В тексте титла карты Шхонебека 1701 г. «Восточная часть Палус Меотис, ныне называемое Азовское море» поселение и крепость на мысе именуются «город Святая Троица».

В документах конца XVII — начала XVIII в. названия города (*Троицкий*, *Троицкое*) и урочища (*Таганрог*) еще нередко разграничиваются. Например, в челобит-

ной Петру I троицкого воеводы Егора Янова (1699): «...о том у меня в Троицком на Таганроге в приказной палате от них, капитана и комендора и от моряков, на письме ведомости нет». Сравните еще: «около Троицкого, что построено на Таган Роге» (1702), «в Троицкой на Таганрог» (1709), «в Азове и в Троицком, что у Таганрога» (1710).

Впоследствии название урочища *Таганрог* вытесняет название города (крепости). Прямое указание на крепость *Таганрог* имеется уже в документах конца XVII — начала XVIII в.: «до Таганрога-города» (1697) «в Азов и Таганрог» (1697), «новые азовские кастели (т. е. крепости) Таганрог, Павловск и Миус разорить» (1700), однако параллельное употребление старого (*Троицкий*) и нового (*Таганрог*) названий города продержалось весь петровский период. Во второй половине XVIII в. топоним *Таганрог* уже перестает употребляться как название мыса и урочища и становится только названием города.

Литература: Корб И. Г. *Дневник путешествия в Московию*. СПб., 1906.

Е. С. Отин

ТАЗ — река, берет начало в заболоченной лесистой местности Красноселькупского р-на Ямало-Ненецкого авт. окр. Тюменской обл., впадает в Тазовскую губу за Полярным кругом. Длина — 401 км, площадь бассейна — 150 тыс. кв. км. Средний расход воды около 1450 куб. м в сутки, половодье — с апреля (верхнее течение) по сентябрь. Основные притоки справа — Бол, Ширта, Пякылькы, Худосей, Русская (Луцияха); слева — Ратта, Поколька, Толька, Часелька, Юредейяха.

Название реки *Таз* в русских источниках стало известным от коми-зырян и самодийцев уже в конце XVI в., особенно после строительства в 1600—1601 гг. тобольскими казаками во главе с Мироном Шаховским и Даниилой Хрипуновым г. Мангазея, в котором принимали участие и березовские казаки. В «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера имеются сведения о воеводах Масальском и Савлуке Пушкине, построивших ряд

укрепленных пунктов на реках Таз и Енисей, являющихся центрами торговли и сбора ясака.

Этимология имени *Таз* остается неясной: по-ненецки название звучит *Тасу-Ям* (ср. *Тасу-хаби* 'селькупы'), по-селькупски *Тас-Кволты* (*кволт, колт, колд* 'большая река, текущая в море'); в татарских диалектах *тас, таз* 'лысый, голый', якут. *таас* 'гора', 'скала', каз. *тас* 'камень', тат. *таш* 'холм'. Привлекает внимание вероятность заимствования в начале нашего тысячелетия обскими уграми древнекетского термина *цис* (*чис, сес*) 'река' с последующей меной в восточноугорских диалектах *с — т* (*сор — тор* 'озеро'). В селькупском, ненецком и позднее русском языках *Таз* — заимствование из угорских наречий.

Н. К. Фролов

ТЕОНИМИКА — раздел ономастики, изучающий теонимы (собственные имена божеств) в плане их системной организации, функционирования, эволюции, этимологии, а также в их связях с другими разрядами собственной и нарицательной лексики. Еще в 1886 г. вышла книга Г. Узенера «*Götternamen*», в которой мифология рассматривается через имена мифологических персонажей; ее название, переводимое как «Имена богов», соответствует современному термину *теонимия* (см. *Теонимия древнерусская*). Однако даже в 1965 г., по замечанию Н. В. Подольской, термин *Т.* вызвал много возражений при обсуждении на заседании Топонимической комиссии МФГО. Ю. А. Карпенко в 1974 г. отметил, что ономастическое изучение теонимии все еще пребывает в эмбриональном состоянии. Фактически и в настоящее время *Т.* остается по преимуществу декларативным разделом ономастики. Для выделения *Т.* в отдельную дисциплину прежде всего следует решить вопрос о том, имеет ли она свой особый объект изучения в ономастической лексике.

В общем виде проблема имен вымышленных персонажей была поставлена в рамках логицистического подхода Б. Расселом и Г. Рейхенбахом, которые исходили из того, что каждое имя собственное должно иметь десигнат (обозначаемое). Поскольку у мифологических персонажей десигната как реального объекта

действительности не наблюдается, то их имена не могут быть собственными. Б. Рассел вообще отказывается таким словам как в каком-либо смысле, так и в статусе имени. Г. Рейхенбах, примиряя противоречие, вызванное тем, что такие слова существуют реально, вводит, помимо собственных и нарицательных, понятие еще одного класса имен — «имена вообще», *only names*.

Следует согласиться с Е. Гродзинским, который, анализируя эти позиции, утверждает, что семантическая классификация языковых фактов не может зависеть от факта существования во внелингвистической действительности объекта, обозначаемого данным языковым выражением, и что носители языка вообще могут иногда ошибаться на этот счет. Как аргумент в пользу этой позиции можно привести остроумное замечание С. Лема по сходному поводу: ангелы существуют, но не так, как существуют табуретки или даже облака. Принципиально важно для Т., что как Б. Рассел, так и Г. Рейхенбах фактически выделили именам мифических персонажей в особый класс слов — либо «не-имя», либо «имя вообще».

Другого типа возражения против выделения теонимов в отдельную лексическую группу можно встретить у некоторых лингвистов. Так, М. И. Привалова причисляет имена божеств к антропонимам — именам человека, лица. Однако в таком случае имена звероподобных божеств следовало бы, наверное, отнести к кличкам животных (зоонимам), солярных — к названиям звездного неба (астронимам или космонимам) и т. п. Подобное преувеличение лишь показывает, что нет знака равенства между человеческим коллективом и его пантеоном: это два смежных явления, из которых второе является как бы преломленным отражением первого. На этом основании выделяют *мифонимию* как своеобразный сектор ономастического пространства, который создан наподобие реальной его части и в котором особое место принадлежит *теонимии* и *демононимии*. Объектом изучения теонимики является целый комплекс вопросов, главные из которых — достоверность сведений о конкретных именах и названиях мифологических персонажей; статус собственно-

го или нарицательного каждого из таких именовании в разных диалектных и этнических зонах; взаимосвязи собственного и нарицательного в теонимии; взаимосвязи теонимии и антропонимии, функциональные отличия теонимов и антропонимов; выявление системных отношений в плане этимологии мифологических именовании. Из смежных дисциплин Т. прежде всего связана с антропонимикой, топонимикой, историей языка и диалектологией, мифологией, фольклористикой, этнографией, историей религии, историей и археологией.

Рассматривая мифологическую лексику под специфическим углом зрения ономастики, Т. позволяет часто по-новому увидеть уже известные явления и, оставаясь самостоятельным разделом ономастики, может оказать существенную помощь другим наукам.

Л и т е р а т у р а: 1. Карпенко Ю. О. *Про критеріи поділу власних і загальних назв // Повідомлення Української ономастичної комісії. Вип. 10. Київ, 1974.* 2. Подольская Н. В. *О развитии отечественной топонимической терминологии // Развитие методов топонимических исследований. М., 1970.* 3. Приявалова М. И. *Собственные имена и проблема ономики // Вопросы языкознания. 1979. № 5.* 4. Суперанская А. В. *Общая теория имени собственного. М., 1973;* 5. Grodziński E. *Zarys ogólnej teorii imion własnych. Warszawa, 1973.* 6. Usener H. *Götternamen. Bonn, 1886.*

Н. И. Зубов

ТЕОНИМИЯ ДРЕВНЕРУССКАЯ — совокупность др.-рус. теонимов (см. теонимика).

С точки зрения лексикологии это небольшая замкнутая группа имен-историзмов, которые представляют общее наследие русского, украинского и белорусского языков и входят в более широкий лексический класс — мифологическую лексику. Т. др.-рус. является объектом изучения теонимики (см.). По времени фиксации и характеру источников Т. др.-рус. неоднородна. Наиболее древние и подтвержденные разными памятниками (летописание, церковные поучения, художественная литература), восходящими к XII в., — это теонимы *Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Симаргл, Мокошь* (так называемый киевский пантеон), а также *Волос / Велес*. (В прошлом ставился вопрос о происхождении разнообразия исторических сведений об

этих теонимах из одного первичного списка, который затем по случаю использовался позднейшими авторами. Вопрос не решен.) Единственный раз, в славянском переводе византийской хроники Иоанна Малалы, включенном в др.-рус. летописание, назван славянский бог *Сварог* — отец *Дажьбога*. Оба эти теонима служат параллелью греческим *Гефесту* и *Гелиосу*, о деяниях которых и повествует византийский протограф. В списках одного из церковных антиязыческих поучений от XII в. встречаются имена *Дива* и *Переплут*.

В тех же списках среди теонимов фигурирует *Род*, который в более позднем источнике XIV — начала XV в. выступает антагонистом христианского бога. В памятниках XVII в., связанных с Киевом, наряду с именами *Перун* и *Волос* названы теонимы *Ладо* (*Ладон*), *Позвизд*, *Купало*, *Коледа*, а также *Лоло*, *Дид* и некоторые другие (*Лада*). Впервые часть этих слов-песенных рефренов фиксируется в польских антиязыческих источниках от XIV в. (*lado, boda, ileli*), соответствующий список имен богов принадлежит краковскому канонику Яну Длугошу (XV в.). Польское влияние на киевские сведения просматривается довольно явно. В др.-рус. церковных поучениях от XII в. называется еще *сварожич*, или *огонь сварожич*, как объект поклонения русичей. Традиционно большинство исследователей рассматривает это название в качестве второго имени (отчества) *Дажьбога*. Этнографические материалы XIX в. дают сведения о *Масленице*, *Маре*, *Кострубоньке*, *Купале*, *Яриле* как персонажах календарно-обрядовых действий (чаще всего в виде антропоморфных чучел).

Т. др.-рус. связана с Т. прибалтийских славян — *Поренут*, *Поревит*, *Прове*, *Радогост*, *Сварожич*, *Руевит*, *Святовит*, *Яровит*, менее ясные *Жива*, *Подага*, *Триглав*, *Чернобог* и некоторые другие. Сведения о язычестве восточных славян дошли к нам через восприятие древнерусских книжников-христиан, «ревнителей по правой вере» (термин одного из поучений) с начальной хронологической дистанции примерно в 150—200 лет: ср. 988 г. как дату официального крещения Руси и 1185 г. как дату, после которой создано

«Слово о полку Игореве» (святищеся, напомним, языческой символикой). Это был своего рода взгляд на язычество изнутри, в общей культурной среде автора и слушателя, что не требовало пояснения известных в коллективе обстоятельств. При этом книжники в контексте понятных стремлений обосновать равно- великость греческой и русской церковью «дотягивали» и свое язычество до эллинистических образцов: «тем же богам требу творят и словенский язык».

Сведения о язычестве прибалтийских славян исходят от католических миссионеров и западноевропейских хронистов, которые были современниками (а часто — очевидцами и участниками) римской экспансии на север и восток Европы. Это был взгляд людей другого культурного круга и с другими задачами: относительно подробные описания культов, храмов, богов славян придавали весомость победам, создавали ореол подвижничества и даже мученичества для миссионеров. Не зная жизни славян, не понимая, как правило, их диалекта, не имея графических средств в латинице для передачи специфики славянской речи, такие свидетели тем легче могли что-то исказить. Эта известная науке проблема христианского «вклада» в язычество славян еще не изучена в комплексе. Под ее углом зрения в Т. славян следует различать собственно *теонимы* как имена реально мыслимых язычниками божеств (*Перун, Волос, Святовит* и под.); *квазитеонимы* как слова, фактически не являющиеся теонимами, но воспринятые в качестве таковых интерпретаторами (см. предположения в статьях *Род, Дива, ср.: Сварожич, Лада*); *псевдотеонимы*, сконструированные либо фальсифицированные имена несуществовавших божеств (например, *Улад* из «ус злат, а борода серебряна» в летописном портрете *Перуна* или же богиня *Дана*, которая якобы дала название *Днепру*: *Дана + присно* 'вечная, юная Дана').

Такая классификация Т. сильно затруднена спецификой самой мифологии, которая по сути явление принципиально неопределенное, с размытыми ситуативными границами между элементами: как пример можно вспомнить христианскую Троицу и теологические споры о ней. Вторая трудность — отсутствие хоть

в какой-либо степени законченных фрагментов из древних сведений о язычестве восточных славян. В исследованиях этой области надо четко различать исходную фрагментарную фактологическую базу и ее научную интерпретацию, которая остается системой гипотез, в той или иной степени адекватных объекту. Для перепроверки фактической стороны и для подтверждения гипотез исследователи привлекают широкий индоевропейский материал, анализируя его с языковедческих и культурологических позиций (В. В. Иванов и В. Н. Топоров), с этнолингвистических позиций обследуют районы Славии с тем, чтобы выявить реликтовую систему обрядности и верований (Н. И. Толстой и его коллеги), анализируют место язычества в древнерусском социуме и стремятся выявить «глубину памяти» язычества, т. е. определить в мировом контексте этапы его эволюции (Б. А. Рыбаков).

Ономастическое изучение Т. др.-рус. и Т. западных славян может оказать помощь в рамках каждого из обозначенных подходов к язычеству. Поиск системности в номинациях богов подводит к мысли, что возможны этимологические сближения их. Праслав. корни *svět-, *ruj-, *jaг-(ъ), *pг(k)- воплощают идею силы, жизненной страсти, что объединяет ряд *Святовит, Руевит, Ярила* и, быть может, *Поровит, Прове, Перун*. Имена *Мокошь* и *Мара* могут оказаться объединенными идеей водного начала — важным элементом верований славян: *мок- 'мокрый' и *мог- / *мег- 'болото', 'вода' (ср. еще укр. *ириця* 'ведьма', белорус. царица *Ирица* о змее, ведущей птиц в *ирей* и укр. *вир* 'водоворот'). Другая ориентация корня *мог- / *мег- 'смерть' сближается с идеей смерти, загробного мира в корне *vel-, который обнаруживается в теониме *Волос / Велес*. Идеей блага, богатства объединена пара *Дажьбог* и *Стрибог* как податель блага и распространитель блага в свете убедительной этимологии *dadjъ + *bogъ и *stri + *bogъ при *bogъ 'богатство, благо'. Даже теонимы *Хорс, Сварожич* и название огня *сварожич*, если принимать их иранскую этимологию, восходят к одной идее — «небо, сияющее небо, солнце»: последние формы отражают огласовку *svaг- до VII в. до н. э., а имя *Хорс* может оказаться рефлексом того

же корня с закономерным переходом $s > h$ в иранских диалектах в VIII в. до н. э.

Сопоставление Т. славян с их антропонимией показывает, что в последней практически не засвидетельствованы теофорные имена-компози́ты по типу, например, гр. *Арте́мидор* «дар Артемиды», *Зинаида* «дочь Зевса» и под. В позднейшей фиксации засвидетельствованы антропонимы, полностью совпадающие с теонимами, но они, как правило, могут иметь альтернативное объяснение. Средневековый сербский антропоним Хрс (указанный Р. Якобсоном) отражает не теоним, а гр. антропоним $\chi\rho\sigma\acute{o}\varsigma$, $\chi\rho\acute{\upsilon}\sigma\eta\varsigma$ наряду с его же калькой *Златан* (В. Георгиев). Сходный укр. антропоним *Хурс* является закономерной славянской трансформацией имени *Фурс* (М. Л. Худаш). В 1585 г. Псковская Писцовая книга называет имя псковского пушкаря *Мокош Хлоптун*. В свете диалектного ярославского *мокоша*, *мокуша* 'хлопотливый человек' прямая связь имени *Мокош* с теонимом *Мокошь* становится проблематичной. При этом вторая часть имени *Хлоптун* выглядит симптоматично ('тот, кто хлопочет?').

Неясны настоящие отношения древнейших славянских антропонимов типа *Святослав* или *Святополк* и теонима *Святовит*. Больше всего в именнике славян представлены теофорные имена с корнем *бог*. Значительная часть их — несомненные кальки византийско-христианского именослова: *Богдан*, *Богдар*, *Богдал* (интересно укр. *Богдавлад*), *Божидар*, *Богумил*, *Богуслав*, *Богухвал* и гр. по происхождению *Диодор*, *Диодот*, *Дорофей* и *Феодор*, *Феодот*, *Досифей* и *Феодосий*, *Филофей* и *Феофил* и т. п. Однако другая часть имен, содержащаяся в западнославянском именослове, не так легко объясняется христианством: *Богумир*, *Богуметь* и *Мстибог*, *Свойбог*, *Свебож*, *Унебож* и др. Есть предположения, что весь ряд имен такого типа вообще был инициирован древнейшим иранским влиянием (Т. Милевский).

В особом контексте надо, вероятно, воспринимать антропоним *Даждьбог*, отмеченный А. Н. Афанасьевым в Мосальском уезде (настораживает, кстати, старославянская огласовка вместо рус. *Дажьбог*), рекон-

струируемое имя *Дажбог* из *Данило Дажбогович Заде-ревецкий* в одной староукраинской грамоте и польский антропоним *Dadzbog*. Пожелательная формула «дай бог», повторяемая сотни и сотни лет тысячами и тысячами людей в разных фонетических и эмфатических вариациях, могла породить и самостоятельные названия, не зависящие от теонима *Дажьбог*: укр. *дазьбі 'бог подаст'* из *дасть біг (бог)* и прозвищное *дацьбоги* (того же происхождения). Польск. *Dadzbog* легче, быть может, объяснить из подобной формулы, чем через теоним (к тому же гадательно, было ли у поляков божество *Дажьбог*).

В целом интересная проблема соотношения Т. и антропонимии славян далека еще от системного обследования. То же можно сказать об отражении Т. славян в топонимии: известны отдельные работы по топонимическим следам культа *Перуна* и разрозненные замечания исследователей в связи с тем или иным теонимом. Однако заметно, что следов Т. славян почти нет в названиях населенных пунктов (языческий бог еще не стал феодалом: ср. христианские *Покровки*, *Троицкие*, *Богоявленские* и мн. др.) Из общей картины выбивается теоним *Радогост*: он единственный зафиксирован синхронно с антропонимами *Радогост*, и он единственный отражается в названии крупнейшего центра прибалтийских славян *Радогощ* (а такие же топонимы известны и в восточнославянских пределах). Быть может, прав был А. Брюкнер, который активно отрицал существование божества с этим именем.

Еще одна важная проблема Т. — соотношение теонимов и названий персонажей так называемой низшей демонологии. Известно, что в рамках христианства языческие боги низводились до этого уровня бесов и нечистой силы: *Мокошь* и домовый женский дух *мокоша* на Русском Севере, *Волос* и старочешск. *veles* 'черт, демон'. Но при этом остается в тени вопрос, не было ли изначально так, что в разных славянских диалектно-племенных зонах сходные названия имели разный статус: ср. главный бог *Сварожич* на западе и *огонь-сварожич* на востоке славянского мира. За таким вопросом сложнейшая проблема структуры языка славян в хроно-географическом аспекте. При

этом важно учесть факты межъязыковой омонимии в номинациях мифологических персонажей: в словацком языке известно диалектное заимствование из венг. *mókuskirály* 'король-белка' — сказочный персонаж; морав. *řetunek* 'горный дух' и остравско-силезское *řetun* 'черт' возникли на базе фонетико-морфологических преобразований нем. *Bergmann* 'горный дух'. Эти факты, конечно же, вносят коррективы во взгляды на следы почитания *Перуна* или *Мокоши* у западных славян. В целом изучение Т. др.-рус. и Т. других славянских областей с точки зрения ономастики позволяет рассчитывать на определенный успех в исследованиях языческого комплекса славян.

Литература: 1. Иванов В. В., Топоров В. Н. *Славянские языковые моделирующие семиотические системы*. М., 1965. 2. Иванов В. В., Топоров В. Н. *Исследования в области славянских древностей*. М., 1974. 3. Нидерле Л. *Славянские древности*. М., 1956. 4. Рыбаков Б. А. *Язычество древних славян*. М., 1981.

Н. И. Zubov

ТИХОН ЖЕЛТОВОДСКИЙ — нижегородец по происхождению, монах Макарьевского Троицкого монастыря на Желтых Водах по левую сторону р. Волги, неподалеку от устья р. Керженца. Жил в XVII в. Иждивением Тихона Желтоводского в Нижнем Новгороде была построена церковь Вознесения господня. Около 1677—1679 гг. Т. Ж. написал для своего монастыря Латухинскую степенную книгу. Она состоит из 3 частей: первая — от начала славян до Смутного времени XVII в., вторая — о Смутном времени XVII в., третья — рассказ о событиях царствования Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича.

Источниками для написания степенной книги Тихону Желтоводскому послужили Макарьевская степенная книга, «Новый летописец», «Сказание Авраамия Палицына», «Хронограф» во 2-й редакции, «Иное сказание» и какие-то не дошедшие до нас письменные памятники, в частности документы о Годуновых. Это сочинение «степенной книгой» назвал сам Т. Ж., а Латухинской она именуется по фамилии одного из ее владельцев — балахнинского купца Латухина (у него один из ее списков приобрел Н. М. Ка-

рамзин). Латухинская степенная книга интересна прежде всего тем, что представляет собою текст, составленный по нижегородским литературным нормам русского языка XVII в., и содержит наряду с общеизвестными и такие сведения по русской истории, которых нет в других памятниках письменности.

Имя Т. Ж. как автора Латухинской степенной книги зашифровано в виршах, предшествующих ее основному тексту. Эти вирши представляют собой акростих, который расшифровывается так: «Тихон-монах... Бозе почах сия не трудно писах довольну же мзду за се взях в Лавру Желтоводскую отдах в лето седм тысящ сто осемдесят седьмое в месе...» Известен ряд списков Латухинской степенной книги. Предполагаемый оригинал ее хранится в Нижегородской областной библиотеке. Тихона Желтоводского называли так по Троицкому Желтоводскому монастырю. А монастырь получил свое определение по желтоватому от песка цвету воды в р. Волге у впадения в нее р. Керженца.

Литература: 1. Васенко П. Г. Заметки о Латухинской степенной книге. СПб., 1902. 2. Корещкий В. И. К вопросу об источниках Латухинской степенной книги // *Летописи и хроники*. М., 1974. 3. Платонов С. Ф. Древние русские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. СПб., 1913.

Н. Д. Русинов

ТОБОЛ — левый приток р. Иртыш (бассейн р. Обь), протекает в Кустанайской обл. (Казахстан), Курганской и Тюменской обл. РФ.

Длина — 1591 км, площадь бассейна — 426 тыс. кв. км, средний расход воды — 805 куб. м в сутки, питание р. в основном дождево-снеговое, половодье — с апреля до середины июня. Крупные притоки: слева — Уй, Исеть, Тура, справа — Убаган. На р. Тобол — города Лисаковск, Рудный, Кустанай, Курган, Ялуторовск, Тобольск. Река судоходна от места впадения в нее р. Туры (255 км).

В русские источники название р. *Тобол* вошло через тюркское посредство с XVI в. и стало широко известным после основания в 1587 г. города Тобольска, главного административного центра Сибирской гу-

бернии (1708), а затем Тобольской губернии (1791—1919).

Этимология имени *Тобол* остается не раскрытой. Наивны лингвистически, географически и исторически версии о сходстве слова с каз. *тобылки* 'таволга', «лабазник» (по-казахски *Тобол* — *Тобыл*), манс. *Тогал* 'плохой', *топна* 'край, граница' («пограничная река»), *Тоболак* (имя хана) и др. На наш взгляд, *Тобол* является местным угорско-тюркским словосложением: угор. *тов*-(*тоб*-) плюс тюрк. *ол* (*ул*, *юл*).

Древнее угорское заимствование *тоб*- (совр. манс. *тов* 'приток реки, ветвь', хант. *тоу*, *тоух* 'озерная протока') в результате адаптации в тюркской языковой среде осложнилось сегментом *-ол* (из *-ул* / *-юл* 'ручей, река') и вошло в русский язык уже в модифицированной тюркской огласовке.

Н. К. Фролов

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МОСКОВСКОГО ФИЛИАЛА РОССИЙСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. Образована в 1959 г. путем выделения из Отделения исторической географии и истории географических знаний. К этому времени уже ряд научных учреждений Москвы, отдельных ученых начали в той или иной мере проявлять интерес к топонимике. Высказывались соображения о необходимости организационного оформления, однако ни в Академии наук СССР, ни в каком-либо другом ведомстве эти идеи в то время поддержки не получили. Решением проблемы явилось создание Топонимической комиссии в системе Географического общества, что позволило объединить на вневедомственной основе разрозненных в то время по различным учреждениям географов, лингвистов, историков и представителей других специальностей, интересующихся топонимикой. Организатором создания комиссии был В. А. Никонов (1904—1988) — см., он же был ее первым председателем (до 1964 г.). В состав бюро в разные годы входили Р. А. Агеева; В. Д. Беленькая, Г. П. Бондарук, А. А. Минкин, О. Р. Назаревский, Н. В. Подольская, Е. М. Поспелов (с 1964 г. председатель комиссии), Г. П. Смолицкая, Т. П. Соколова, А. В. Суперанская.

Формы деятельности комиссии различны. Главная из них — ежемесячные заседания. Начиная со дня основания и вот уже свыше 30 лет комиссия ежемесячно, с перерывом лишь на летние каникулы, проводит заседания, на которых заслушиваются научный доклад или краткие сообщения с последующим обсуждением. По мере необходимости проводятся также конференции, совещания, «круглые столы», организуются выставки литературы, семинары, студенческие конференции, кружки учащихся, школьный лекторий; ведется постоянная издательская деятельность.

Научная тематика работы комиссии весьма разнообразна. Как первое направление должна быть упомянута теоретическая топонимика, включая классификации топонимов, топонимическую терминологию, методы исследования, лексико-семантические и структурно-грамматические особенности различных категорий топонимов (гидронимов, оронимов, ойконимов, микротопонимов и т. д.), источниковедение, историю науки. Повышенное внимание к теории определялось не только ее совершенно понятным значением для развития науки, но и особенностями ситуации, сложившейся в отечественной топонимике в конце 50-х — начале 60-х гг.: при несомненном интересе к географическим названиям, проявляемом самыми широкими кругами общества, научная база топонимики оставалась крайне слабой, что порождало дилетантизм, региональную ограниченность и упрощенчество. Исключительная роль в преодолении этих болезней роста и в становлении топонимики как науки принадлежала В. А. Никонову.

Положение комиссии в составе Географического общества определило ее постоянный интерес к географическим аспектам топонимики, проявившийся в двух направлениях: что дает понимание географических условий возникновения и функционирования названий для топонимики и что может дать понимание происхождения и значения названий для наук географического цикла.

Из исследований первого направления особенное развитие получило изучение народной географической терминологии и ее роли в формировании топо-

нимов. Это направление возглавил Э. М. Мурзаев (тюркская географическая терминология) и Н. И. Толстой (славянская терминология), которые не только внесли неоценимый личный вклад, но и привлекли к участию в работе комиссии своих многочисленных учеников.

Второй аспект — историко-географический. Теснейшая связь топонимики с исторической географией традиционна для русской науки вообще и для топонимической комиссии в частности. В духе этой традиции исследовались принципы определения этнических границ по данным топонимики, реконструирование на основе анализа топонимов бывших географических условий, истории заселения территории, особенностей форм расселения и т. п. Более того, даже для сугубо лингвистических докладов, посвященных семантическому или структурному анализу топонимов, предъявляется как обязательное условие историко-географическое осмысление выявленных топонимических фактов.

В рамках этой проблематики развиваются также прикладные разделы: топонимические основы русской передачи иноязычных названий на картах и в литературе, а также топонимика в школьной географии как база для сознательного усвоения учащимися географической номенклатуры.

Среди исследований, посвященных региональной топонимике, важное место занимает изучение географических названий Московской и 18 окружающих ее центральных областей РФ, образующих так называемую зону Московского филиала Российского географического общества, т. е. тех, которые в организационном и научном отношениях тяготеют непосредственно к Центру. Многие из докладов этой тематики заслушивались на выездных заседаниях комиссии, проводившихся в различных городах центральных областей: Владимире, Калуге, Обнинске, Рязани, Смоленске, Тамбове, Твери, Ярославле.

Региональными интересами комиссии обусловлено также формирование картотеки микротопонимов Московской области. Для этой цели разработано «Руководство для собирания топонимов, микротопони-

мов, местных географических терминов и построения топонимических картотек» (1970). В собирании материала для картотеки участвуют краеведы, студенты-диалектологи и географы, туристы-учащиеся старших классов.

В последние годы в работе комиссии все большее место занимает социотопонимика. Происходящие в стране общественно-политические преобразования, снятие цензурных ограничений позволяют рассматривать проблему «Топонимия и общество» с необходимой полнотой. В исследованиях объединяемых комиссией ученых рассматриваются различные аспекты взаимодействия топонимии и общества, социальной обусловленности многих топонимических явлений, отражения в топонимии истории, социальных условий, традиций отдельных народов, выявление топонимических последствий репрессирования ряда народов нашей страны, большевизации национальных топонимических систем и осуществления топонимического геноцида.

Кроме докладов, объединяемых названными выше основными направлениями, заслушиваются доклады и по многим другим темам, что связано с широким диапазоном научных интересов членов комиссии и их стремлением обсудить с коллегами планы своих работ или результаты, полученные на разных этапах исследования.

По проблемам, которые в разное время представляли особенный интерес для комиссии, проводились совещания или конференции, по составу участников обычно выходящие далеко за пределы зоны Московского филиала. При подготовке многих совещаний публиковались тезисы докладов и сообщений, а после их проведения издавались научные сборники. Всего было проведено 13 совещаний: Региональные топонимические словари, 1959; Топонимика Востока, 1961; Принципы топонимики, 1962; Топонимика в вузах, I, 1962; Микротопонимия, 1964; Местные географические термины в топонимии, 1966; История топонимики в СССР, 1967; Топонимика в вузах, II, 1967; Оронимика, 1969; Топонимия Центра, 1972; Топонимика — исторической географии, 1977; Топонимия

Москвы, 1981; Топонимика в региональных географических исследованиях, 1984.

Кроме того, начиная с 1966 г. ежегодно проводятся студенческие топонимические конференции, в которых принимают участие студенты ряда городов страны, в вузах которых изучается топонимика. Как показал опыт, это направление деятельности комиссии весьма плодотворно для подготовки кадров топонимистов. В целях еще более раннего пробуждения интереса к топонимике с 1985 г. при Московском филиале ГО СССР работает «Школьный топонимический лекторий» для учащихся старших классов.

Доклады, заслушанные на заседаниях комиссии, на совещаниях и конференциях, как правило, публикуются. Издательская деятельность комиссии довольно обширна и разнообразна по форме. В первое десятилетие это были преимущественно сборники, издаваемые совместно с другими организациями: с Институтом востоковедения АН СССР были изданы «Топонимика Востока» (1962), «Топонимика Востока. Новые исследования» (1964), «Топонимика Востока. Исследования и материалы» (1969), с ОЛЯ АН СССР «Принципы топонимики» (1964), с ЦНИИГАиК — «Оронимика» (1969), с Библиотекой им. В. И. Ленина — аннотированный указатель «Топонимические карты» (1974). В те же годы на основании материалов комиссии другими организациями изданы библиографический обзор «Иностранная литература по топонимике» (ВГБИЛ, 1965), «Микротопонимия» (МГУ, 1967), «Развитие методов топонимических исследований» (ОЛЯ АН СССР, 1970).

Но уже с конца 60-х гг. комиссия начинает самостоятельно издавать свои труды в рамках Географического общества. Прежде всего это публикация тезисов докладов, заслушанных на заседаниях комиссии, в серии «Материалы Московского филиала Географического общества СССР. Топонимика» (вып. 1—5. М., 1967—1971). После прекращения издания материалов МФ ГО серия некоторое время продолжалась в виде сборников, имевших подзаголовки (или указания в предисловии) «Материалы Топонимической комиссии». Таких сборников вышло шесть: «Вопросы топо-

нимики СССР» (1972), «Исследования по топонимике» (1974), «Теория и практика топонимических исследований» (1975), «Топонимика и историческая география» (1976), «Проблемы восточнославянской топонимии» (1979), «Топонимика зарубежных стран» (1981).

Позже изданы сборники, имеющие более четко выраженный тематический характер, включающие материалы конференций и «круглых столов» и заказные статьи. Указание на преемственность с ранее издававшимися «Материалами» в них уже отсутствует. Это «Прикладная топонимика» (1983), «Топонимика в региональных географических исследованиях» (1984), «Этническая топонимика» (1987), «Топонимия и общество» (1989), «Топонимика СССР» (1990), «Топонимика в межнациональных отношениях» (1992).

Труды комиссии публиковались и в серии «Вопросы географии». Это научные сборники МФ ГО СССР, основанные в 1946 г., которые сначала издавались Географгизом, а с 1963 г. издательством «Мысль». Комиссии в этой серии принадлежат шесть сборников. Из них первые два имели общий характер: «Географические названия» (сб. 58, 1962) и «Изучение географических названий» (сб. 70, 1966), но остальные были строго тематическими: «Местные географические термины» (сб. 81, 1970), «Топонимия Центральной России» (сб. 94, 1974), «Топонимика на службе географии» (сб. 110, 1979) и «Географические названия в Москве» (сб. 126, 1985).

С учетом издававшихся тезисов к конференциям, рекомендательного списка топонимической литературы, руководства по сбору топонимов и других малотиражных материалов всего за время существования комиссии издано 40 книг и брошюр общим объемом свыше 260 уч.-изд. л.

Л и т е р а т у р а: 1. Карпенко Ю. А. Топонимическая серия Московского филиала Географического общества СССР // Топонимика зарубежных стран. М.: Московский филиал Географического общества СССР, 1981. 2. Поспелов Е. М. Юбилей московской топонимики // Географические названия в Москве. М., 1985. (Вопросы географии. Сб. 126).

Е. М. Поспелов

ТОПОНИМИЯ РАДОНЕЖСКОЙ ЗЕМЛИ: *Киясово, Клементьевское, Княжее, Панинское, Хотьково, Богородицкое, Подсосенье, Поддубье, Воздвиженское, Благовещенское, Дуденева, Гусинцы, Карамзинское, Копнино, Зубачево, Афонасьево, Коростьково.*

Попробуем мысленно совершить одно из топонимических путешествий: по селам и монастырям Радонежского княжества. История их названий может многое сказать для понимания становления топонимической системы. Большая часть названий радонежских поселений возникает в XIV—XV вв. Топонимы этой эпохи в свойственной ей языковой форме сохранили нам «Житие Сергия Радонежского» и грамоты Троице-Сергиева монастыря. За период между 1392 и 1504 гг. они опубликованы в I томе издания «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси», а за период между 1505 и 1526 гг. — в книге «Акты Русского государства». Очень ценный для истории топонимической системы хронологический срез дает «выпись» из писцовых книг 1542—1543 гг., сохранившаяся в 642-й книге собрания Троице-Сергиева монастыря. Из того же фонда происходят Кормовая книга монастыря 1590—1592 гг. (книга 82) и сыскная книга 1622 г. (книга 658). Описания радонежских земель 1570—1590-х гг. были опубликованы в 1872 г. в первой части издания «Писцовые книги Московского государства». Менее доступны для исследователя описания XVII в., которые хранятся в фонде Поместного приказа Центрального государственного архива древних актов: названия были извлечены из писцовых книг 1617 (кн. 258), 1622—1624 (кн. 260), 1646 (кн. 9809), 1680 (кн. 273) и 1684 (кн. 275) гг. Кроме того, привлекались данные чертежей 1660—1676 гг. (ф. 27) и ревизий 1725—1728, 1748, 1762—1765 гг. (ф. 248, 350, 16) того же архива.

Для того чтобы яснее представить особенности происхождения названий сел и монастырей, рассмотрим вначале топонимы, возникающие на княжеских, или, как их называли, «волостных», землях, а затем названия сел — центров боярских вотчин. Социальные отношения и быт этих категорий поселений сильно различались. На волостных землях существо-

вала администрация князя, но основным хозяйственным распорядителем являлась крестьянская община — волость. На протяжении XIV и XV столетий московские и удельные князья широко раздавали земли в вотчину своим боярам и служилым людям. Население вотчинного селения выплачивало подати не князю, а его служилому человеку и тем самым обособлялось от окружающих селений.

Среди княжеских сел ранее других упоминается *Киясовское*. Последний радонежский удельный князь — Василий Ярославич — пожаловал его в 1444—1445 гг. Троицкому монастырю, указывая при этом: «как было за моим дедом за князем Володимером Андреевичем». Владимир Андреевич Храбрый владел Радонежем в последней трети XIV и начале XV в. Название села, установившееся, видимо, ранее этого времени, происходило от прозвища *Кияс* (*Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974*). В документе 1503—1504 гг. село упоминается как *Киясово* (в грамоте 1526 г. именуется то *Киясовским*, то *Къясовским*), а с 1542—1543 гг. оно фигурирует в источниках как *Кѣсово*. Так, например, в «Кратком летописце Свято-Троицкие Сергиевы лавры» под 1546—1547 гг. читаем: поставили церковь деревянную на *Кѣсовѣ* чудотворца *Алексѣя* митрополита» (Летопись занятий Археографической комиссии. Вып. 3. СПб., 1865. С. 21). В XVII в. во время «троицких походов» московские государи ехали из Москвы в Троицко-Сергиев монастырь мимо «Кесовых прудов», располагавшихся вблизи одноименного села. В конце XVIII в. село Кесово запустело. В середине XIX в. И. Е. Забелин писал, что название прудов забыто, но «ложе их и теперь еще видно, версты три не доходя Клементьевской слободы» (*Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. М., 1847. С. 16*).

Клементьевское, *Княжее* и *Панинское* — села, на основе которых в XVII—XVIII вв. возник г. *Сергиев Посад* (см.). Кормовая книга 1590—1592 гг. сообщает, что первые два из них были даны в Троицкий монастырь князем Андреем Радонежским (1410—1426).

Княжее в 1503—1504 гг. уже не существовало и отмечено как «селище Княже». Во время осады Троицкого монастыря в начале XVII в. «на княжом поле»

происходили сражения (Сказания Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 143). Этимология этого названия очевидна: оно обозначало принадлежность села князю. Село *Клементьевское* впервые упомянуто в летописи под 1446 г. [1, с. 265]. В 1503—1504 гг. оно названо *Клемянтиевским*, а с 1646 г. фигурирует в источниках как *Клементьево*. Название села сохранилось в названии ул. *Клементьевской* и городского района (*Клементьевка*). Судя по археологическим данным, село возникло во второй половине XIV в. Видимо, тогда же оно получило свое название, восходящее к имени *Климент* — в произношении XIV—XV вв. *Клементий*.

Село *Панинское* также располагалось до середины XV в. на княжеских землях. Между 1456 и 1462 гг. великий князь Василий Темный передал его Троицкому монастырю. Помимо своего основного названия, возникшего от прозвища Панин, село имело второе название — *Ильинское* (по церкви св. Ильи), под которым оно значится в 1481 г. В XVI в., судя по писцовым книгам, название *Панино* закрепляется за селом. В Смутное время *Панино* запустело и в 1622—1624 гг. упоминается как пустошь. В 1610 г. после осады Троицкого монастыря, под горой, на которой ранее располагалось село Панино, были устроены Пушкарская и Стрелецкая слободы. Но старые названия оказались живучи: в 1684 г. слободы уже именовались *Подпанина* и *Ильинская*. Ильинская церковь сохранилась до нашего времени к западу от Троицкого монастыря.

Большая группа поселений названа была по имени храма. Особый интерес представляют названия радонежских монастырей, образованные по единой модели: Троицы в Маковце, Покрова на Хотькове, Богородицы под Сосной. Троицкий монастырь был основан Сергием Радонежским около 1342 г. в северной части Радонежской волости. Его полное название сохранили нам документы XV в. «Живоначальные Троицы Сергиева монастыря, иже в Маковце Радонежском, сия книга Пролог...» — так начинается одна из богослужебных книг, вышедшая из монастырского скриптория в 1429 г. [2, № 79]. Сохранился подлин-

ник жалованной грамоты Великого Новгорода, которая была дана между 1448 и 1454 гг. «в дом святей Троицы в Сергиев монастырь в Маковець». Вторая часть названия монастыря произошла, как известно, от слова *маковец*, обозначающего вершину горы (Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский. М., 1909. С. 24, 25).

Два других монастыря были посвящены Богородице. Древнейший из них — *Покровский на Хотькове* — располагался в 5 км от городка Радонежа вверх по течению р. Пажи, в западной части Радонежской волости. В Хотькове приняли постриг родители Сергия Радонежского Кирилл и Марья. «Житие Сергия Радонежского», написанное Епифанием Премудрым около 1418 г., сообщает, что брат Сергия Стефан был монахом «в монастыри Святыя Богородица у Покрова иже на Хотьковъ» [3, с. 38]. Монастырь находился на землях князя и получал от него «ругу» (жалование). В 1506 г. Василий III пожаловал «ругу» попу и дьякону, «что служат... у Покро]ва Пречистые в монастыре на Хотькове, где лежат Сергея чудотворца родители». Топоним *Хотьково* произошел, видимо, «от имени Фотий, по старинному произношению — Хоть, Хотьково» [4].

Монастырь *Успения Богородицы* возник в XVI в. у восточной границы Радонежской волости. В XIV в. в этом месте «великий...и широкий путь вселюдский» из Москвы в Переяславль, как именует его Епифаний Премудрый, пересекал реку Торгошу. По археологическим данным, поселение существовало здесь с XIV в. В 1462—1466 гг. оно упомянуто как село *Богородицкое*. В 1481 и 1526 гг. как село «у Богородицы под Сосною». В описании 1503—1504 гг. о селе сказано: «На Торгоше у Пречистые христиан 9 дворов». Грамота 1536 г. именует это место *Богородицким погостом*.

Между 1536 и 1559 гг. при церкви села был устроен девичий монастырь. Писцовая книга, составленная между 1588 и 1594 гг., упоминает «монастырь Богородицкой Подсосение на речке на Торгоше» и добавляет: «под тем же монастырем мельница... а мелет на королевен обиход к Пречистой под Сосенки». Данный текст отражает период, когда наряду со старым

названием начинает применяться новое — *Подсосение*. После Смутного времени старый вариант продолжает бытовать: в 1622—1624 гг. упоминается село, в котором «был монастырь Богородицкой под Сосной». Писцовая книга 1646 г. фиксирует новый вариант в сочетании с названием XV в.: «село Богородицкое Подсосенцево тож». К 1680 г. вариант *Подсосенье* закрепился за селом и, не изменяясь, дожил до нашего времени.

Обращаясь к церковным названиям сел, мы обнаруживаем, что они, так же как и названия монастырей, восходят к XV — первой половине XVI в. Близость названий волостных сел и монастырей проявляется порой в одинаковой модели их образования. Примером может служить наименование «сельца Никольского Поддубского» (1542—1543), располагавшегося на месте современного поселка *Семхоз* и получившего свое имя от древних дубрав, которые сохранились здесь частично до наших дней. Особенно близок названиям монастырей такой вариант, зафиксированный дозорами 1638 г.: «Николая Чудотворца церковная земля в Поддубье». На чертеже 1660—1676 гг. это сельцо, к тому времени наполовину опустевшее, обозначено как «погост Николаевской Поддубье».

Название села *Воздвиженское*, которое на протяжении XVI—XVIII вв. было центром дворцовых (бывших княжеских волостных) земель Радонежского края, связано с церковью Воздвиженья. Топоним этот, впрочем, далеко не однозначно воспроизводит данное наименование. Начиная с первого упоминания села (1478) и вплоть до 1684 г. оно именовалось *Здвиженским*. Лишь ко времени первой ревизии (1720-е гг.) за селом закрепилось его современное название — *Воздвиженское*. Различие в номинации села и храма осознавалось еще в древности: «Село Здвиженское, а в нем церковь всемирное Воздвижение честнаго Креста», — читаем мы в писцовой книге 1646 г. Следует отметить в этой связи, что по церковной традиции праздник Воздвижения креста служит воспоминанием того дня (14 сентября 335 г.), когда была освящена церковь, построенная на месте распятия

Христа. При освящении церкви крест, на котором был распят Иисус, «воздвигали» (поднимали) над головами молящихся, отчего праздник и получил свое название [5, с. 869]. По словам А. И. Бокатиной (1887 г. рождения, д. Зубцово, Загорский р-н), «на праздник Воздвижения деревянный крест от часовни несли в церковь села Воздвиженского. От этого и называется Воздвиженское — воздвижение креста» (записано от дочери А. И. Бокатиной в 1984 г.). В этом рассказе речь идет о древнем деревянном резном кресте Стефана Пермского, который хранился в часовне «Крест», располагавшейся до 1935 г. близ Ярославского шоссе, в 4 км от Воздвиженского. Каменная часовня была выстроена в XVII в. на месте деревянной, построенной в память благословения Стефаном Пермским Сергия Радонежского около 1390 г. [6, с. 20, 24].

Поскольку село именовалось *Здвиженским* в 1478 г., можно предполагать, что крестный ход был установлен ранее этой даты. После ликвидации Радонежского удела (1456) и включения его в состав владений московского великого князя, великокняжеский двор был размещен не в Радонеже, а в Воздвиженском. В этих условиях установление крестного хода к церкви Воздвижения способствовало бы росту значимости нового великокняжеского административного центра в ущерб Радонежу, с которым была связана удельная традиция. Пример этот показывает, что топоним несет порой в скрытом виде ценную историческую информацию.

От имени храма получило название и село *Благовещенское*, лежащее к западу от Лавры и известное своей деревянной церковью XVII в., сохранявшейся до недавнего времени. Впервые оно упоминается в 1462—1466 гг., когда уже вошло в вотчину Троицкого монастыря. Судя по косвенным данным, село возникло на княжеских землях. Современный вариант названия села — *Благовещенье* — сменяет древнее между первой (1725—1728) и второй (1748) ревизиями. Кстати, по аналогичной модели во второй половине XVII в. изменяется и название села *Подсосенье*.

Названия сел, принадлежавших радонежским боя-

рам и служилым людям, открывает нам топонимический пласт, отличающийся значительным своеобразием. Специфика вотчинной топонимии состоит в ее почти исключительной антропонимичности. Как было показано С. Б. Веселовским, села, принадлежавшие боярам и служилым людям, получили названия по их родовым прозвищам. Рассмотрим некоторые примеры подобных топонимов.

Одним из древнейших родов радонежских земле-владельцев были Дюденева. По сообщению Епифания Премудрого, Дюдень переселился из Ростова в Радонеж вместе с отцом Сергия Радонежского Кириллом (около 1337). Потомок Дюденя — Тимофей Дюденев был упомянут как «послух» (свидетель) в грамоте (1455—1456), касающейся земельных дел в ближайших окрестностях Радонежского городка. Можно поэтому предполагать, что Тимофею или его однодворцам принадлежала деревня *Дуденева*, располагавшаяся к северу от городка (1542—1543). В годы опричнины деревня опустела и в 1622—1624 гг. упоминается уже как пустошь «Дюденева а Дерюлкина тож». Под именем *Дуденева* пустошь была отмечена в 1680 г. и на плане 1768 г. Этот топоним сохранился в устной традиции села Городок: в 1980—1984 гг. автором были сделаны записи о *Дудёневской дороге* (варианты: *Дудинская*, *Дюдёневская*).

Дюдень не единственное родовое прозвище тюркского происхождения, которое отразилось в топонимии Радонежа. Близ Дуденевской дороги расположены поле, луг и лес, до сего времени называемые *Гусинцы*. Впервые этот топоним был записан в 1820 г. [7, с. 149]. Описание 1617 г. сохранило нам полное название данного места: «пустошь, что была деревня Сартакова, Гусенниково тож». Таким образом, топоним *Гусенниково* — от названия растения, произраставшего на этом месте (см. словарь В. И. Даля. 2-е изд. Т. 1. С. 411), — оказался более жизнеспособным, чем Сартаково, возникшее от прозвища тюркского происхождения.

В начале XV в. радонежскому князю Андрею служил боярин Василий Борисович Копнин. Около 1436 г. он пострится в Троицком монастыре. В 1478 г. вдо-

ва Василия Борисовича Марья передала в монастырь вотчину мужа — село *Карамзинское* с деревнями. Название села произошло скорее всего от прозвища его первоначального владельца («черный мирза»), жившего во второй половине XIV в. (именно этим временем датируется возникновение села по данным раскопок). Как и в примере с названием *Сартаково*, топоним, образованный от тюркского прозвища, не закрепился за селом. Новое название начало формироваться сразу же после перехода села к Троицкому монастырю. Документы конца XV в. отражают период, когда оно было еще не устойчиво.

В 1478—1485 г. упоминается земля *Копнинская*, а в грамоте 1481 г. ограничиваются повинности в *Марьинском Копнине*. Перед нами полуописательное название — производное от слов *Марья Копнина*. Понадобилось около 30 лет, чтобы новое название приобрело оптимальную языковую форму: в описании 1503—1504 гг. село было записано как *Копнино*, и с этого времени название уже не менялось до конца XVII в., когда село заустело. Сейчас о нем напоминает *Копнинский пруд*, известный жителям окрестных деревень (к северу от поселка Семхоз).

В нашем распоряжении имеется пример того, как церковное название села сменяется топонимом, возникшим от прозвища. Речь идет о крупной вотчине на северной окраине Радонежского княжества (селе *Юрьевском*), принадлежавшей в начале XV в. «Семену Яковлю сыну Зубачева». Около 1400—1410 гг. вотчина была приобретена Троицким монастырем. К 1425—1427 гг. за селом уже закрепилось название *Зубачевское*, происшедшее от родового прозвища его бывшего владельца. В XVII в. поселение было перенесено на новое место и превратилось в деревню, которая при этом сохранила старое название. В настоящее время это *Зубачево* на северной окраине Сергиева Посада.

В первой половине XV в. Троицкий монастырь по частям скупил вотчину Афанасия Елизаровича Княжнина, сложившуюся в конце XIV в. или ранее. Сын Афанасия Иван передал в монастырь центральную часть этой вотчины — «село Старое в Радонеже». Через десять лет (1462—1466) оно упоминается уже как

Офонасьево. В XVII в. село превратилось в деревню *Афонасьево*, сохранившуюся до нашего времени на южной окраине Сергиева Посада.

Села, расположенные вблизи Троице-Сергиева монастыря, получили названия, как можно видеть, по именам и прозвищам тех вотчинников, от которых они перешли к монастырю. Произошел как бы социальный отбор одного из нескольких возможных названий. Монастырским властям памятли были землевладельцы, передавшие свои села «в дом Святой Троицы» и оставившие заметный след в хозяйственном развитии края, — им было отдано предпочтение.

Таким образом, в XIV—XV вв. возникли и закрепились названия сел и большей части деревень Радонежского княжества. Что касается названий волостных сел, а также монастырей, то документы XV в. застают их уже сложившимися. Молодость волостного пласта топонимической системы осталась в далеком прошлом, за пределами, освещаемыми нашими источниками. В частности, в названиях радонежских сел XV в. безраздельно господствует модель с суффиксом *-ское*. Именно по этой модели построены названия большинства княжеских сел Московской Руси, упоминаемых в духовных грамотах великих князей XIV в. Вотчинный пласт топонимии, напротив, зафиксирован актами XV в. в становлении. К началу XVI в. мы имеем первый полный перечень названий, и топонимия Радонежа предстает перед нами практически в законченном виде. В конце XV в. и первой половине XVI в. наблюдается совершенствование утвердившихся ранее названий, что проявляется в их вариантности. Названия «притираются» друг к другу. Так, например, Покровский и Успенский монастыри получают на короткий период единообразное наименование «У Пречистые» с уточнениями «на Хотькове» и «на Торгоше».

В XVI в. топонимический фонд Радонежского уезда, как стали тогда называть бывшее удельное княжество, пополнился за счет названий новоосвоенных деревень. Кроме того, в XVI в. наблюдается новый всплеск изменений ряда названий. Топонимическая система вновь переживает этап ускоренного развития,

который, впрочем, имеет оттенок перерождения. Чтобы понять этот феномен, необходимо вспомнить, что XVI в. явился эпохой широких раздач государством старых волостных земель помещикам и вотчинникам. Историческое значение этого явления проанализировано в книге В. Б. Кобринина «Власть и собственность в средневековой России» (М., 1985). В Радонеже этот процесс начался в годы княжения Василия III и в период боярского правления. Писцовая книга 1542—1543 гг. отразила его ранний этап. Поместья воспринимались тогда еще как временная форма владения «волостными» деревнями. Поэтому последние продолжали еще именоваться «землей великого князя» (например, «земля великого князя поместная Василья Петелина сельца Никольского»).

К 1580-м гг. ряд деревень и мелких селеч получили названия по именам своих новых владельцев-помещиков и вотчинников. Но большей части этих названий не суждено было привиться. История деревни *Коростьково* может послужить иллюстрацией данного явления. В 1472—1473 гг. пустошь *Коростьковская* была приобретена у потомков радонежского боярина Воронца Степанова и вскоре перешла к Троицкому монастырю. К 1503—1504 гг. поселение здесь было восстановлено. К 1584—1586 г. название селения изменилось до полной неузнаваемости: писцовая книга упоминает его как «Ивановское Аристово тож», принадлежащее Ивашке Опочинину. В смутное время сельцо превратилось в пустошь и дважды поменяло своего владельца. В 1622 г., когда власти Троицкого монастыря предприняли проверку ранее принадлежавших им земель, «городка Радонежа попы и крестьяне» так сказали об этом месте: «пустошь Коростьково а Ивановское и Опачинино тож, блиско городка Радонежа и Хотькова». Местные жители, таким образом, выделили древний топоним, поместив его перед калейдоскопически сменявшимися владельческими наименованиями. Топонимическое чутье не отказало радонежцам: название *Коростьково* эта деревня носит до нашего времени, утратив все свои приобретенные в XVI в. названия.

Литература: 1. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.; Л., 1949. 2. Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. М.,

1980. 3. Памятники древней письменности и искусства. Т. 53. СПб., 1885. 4. Смирнов М. И. Радонежские легенды. 1939 // Гос. музей Ярославск. обл., ф. Р—913, оп. 1, д. 294, л. 94. 5. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 12. СПб., 1892; 6. Снегирев И. М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М., 1859. 7. Ходаковский З. Русский исторический сборник. Т. 7. М., 1844.

С. З. Чернов

ТУРА́ — левый приток р. Тобол, берет начало на восточном склоне Среднего Урала, протекает по территории Свердловской и Тюменской обл. Длина — 1030 км; площадь бассейна — 80,4 тыс. кв. км; сплавная, судоходная на 635 км от устья. Крупные притоки слева: Тагил, Ница, Пышма. На р. Тура находятся города Верхотуринск, Нижняя Тура, Туринск, Тюмень.

Название *Тура* традиционно связывается либо с монгол. *тур*, *тура* 'городок', 'крепость', либо с тат. *тура*, *турэ*, *торэ* 'становище', 'дом', 'крепость', 'город', либо с манс. *тэрэ*, *Тэрэя* 'река Терэ', а также *тур* 'озеро'. Однако современные языковые параллели данных лексем не вполне удовлетворяют, являясь формальными созвучиями. Можно предполагать, что этимон р. *Тура* доугорского и дотюркского происхождения. Алтайско-уральский корень *тур с общим значением 'приток' сохранил реликты в ряде языков: ср. бурят. *тоором* 'озеро', венг. *tó* 'озеро', каз. *сор* 'солончаковое озеро', камас. *ту* 'рукав воды', 'озеро', коми *шор* 'река', манс. *тур* 'озеро', ненец., селькуп. *то*, *ту* 'озеро', удм. *шур* 'река', хант. *тор* 'озеро'.

Н. К. Фролов

ТЮМЕНЬ — город, центр Тюменской обл., порт на правом берегу реки Туры при впадении в нее р. Тюменки, ж.-д. станция; 552 тыс. жителей. В городе заводы: аккумуляторный, машиностроительный, моторный, приборостроительный, станкостроительный, судостроительный; легкая, пищевая, деревообрабатывающая, химическая промышленность, домостроительный комбинат; 6 вузов, в том числе университет, 2 театра, 3 музея, картинная галерея.

Русский городок был заложен воеводами Василием Борисовичем Сукиным и Иваном Мясным 9 июля

1586 г. на месте древнего городища, столицы Тюменского ханства, находившейся рядом с татарским селением *Чинги-Тура* (*Цинги-Тура*, *Цинги*) и сожженной ок. 1555 г. ханом Кучумом.

На территории России известно более десяти созвучных названий: *Актюменские юрты* (Вагайский, Тобольский р-ны Тюменской обл.), *Тюмень-Ула*, река в Читинской обл., *Тюма*, *Тюменкино*, села в Новосибирской обл., *Тюменевка*, деревня в Воронежской обл., *Тюменское*, село в Ивановской обл., *Тюмень*, село в Алтайском крае, *Тюменяк*, поселок в Башкирии и др.

При толковании топонима *Тюмень* предлагались разные версии: 1) выдвинутая в середине XVIII в. Г. Ф. Миллером (История Сибири. Т. 1. Л., 1968. С. 273—274) версия о связи данного названия с монгол., тат., каз., калм. *тумэн* 'тьма', 'множество', '10.000' (скота, подданных), поддержана с небольшими дополнениями А. Щекатовым [1], А. И. Поповым [2], А. К. Матвеевым [3], 2) Г. Е. Корнилов связывает *Тюмень* с чуваш. *тэмен* 'возвышение', 'кочка' [4], 3) Н. А. Абрамов [5], М. Т. Муминов [6] связывают этот ойконим с тат. *тю мяна* 'мое достояние'. 4) П. И. Рощевский [7] вслед за М. Фасмером согласует данный оним с угор. *чемген* 'волок' (*Тюмень*). Вместе с тем этимологическая связь тюрко-монгол. апеллятива *тумэн* с названием *Тюмень* не противоречит историческому, географическому и лингвистическому критериям обоснования слова.

Тюмень — в русской огласовке — засвидетельствована в Архангельском летописце с 1406 г. в связи с убийством хана Тохтамышша Шадибеком в Сибирской земле близ *Тюмени*. В Воскресенской летописи под 1475 г. сохранилась запись: «...татарове побиша устюжан... идучи к Тюмени торгом...», что имеет, видимо, отношение к торговому пути: Казань—Тюмень—Бухара (Тюменское ханство попеременно находилось под патронатом Бухары и Казани). Дорусский городок *Тюмен Великий* указан на карте Московии (1542) польского географа Антония Вида; город *Тюмен* обозначен также на картах немецкого географа Себастьяна Мюнстера (1544) и австрийского посла в Москве Сигизмунда Герберштейна (1549).

В «Книге Большому чертежу» 1627 г. отмечен городок *Тюмен* на реке *Тюменке*. Тюменское ханство, возникшее в конце XIV в., именуется в летописях XVI в. «Великой Тюменью», «Великой Татарией». По справедливому замечанию Ю. В. Откупщикова [8], слово *Тюмень* могло обозначать административную единицу и закрепилось в качестве названия населенного пункта.

Аналогичный апеллятив в Бухарском Эмирате, Турции и Иране также известен в роли термина, обозначающего политико-административную единицу (*тумен, вилайет*). Значение самого апеллятива *тумен, тумэн* раскрывается из алт., башк., тат. 'низ', 'нижний'. Слово *тумэн* и его фонетические варианты в средневековые имели значение «низовые реки», где располагался пункт для сбора ясака. В модифицированном значении *тумэн* 'пункт' (окраина, вотчина) затем используется в номинативных целях. Смягчение конечного согласного *н* в русской языковой среде аналогично случаям вроде *Астрахань, Пермь, Русь, Рязань*.

Литература: 1. Щекатов А. *Словарь названий Российской Империи*. 1808. 2. Попов А. И. *Названия народов СССР*. Л., 1973. 3. Матвеев. А. К. *Географические названия Урала*. Свердловск, 1980. 4. СФУ. 1988. № 3. 5. ЖМНП. Ч. 30. 1841. С. 89. 6. *Материалы по этимологии тюркских топонимов // Учен. зап. УрГУ*. 1963. № 80. 7. *Учен. зап. Свердловского, Тюменского пед. ин-тов*. Сб. 157. Вып. 10. Тюмень, 1971. 8. Откупщиков Ю. В. *О топониме Тюмень // Этимологические заметки*. Вып. 6. МГУ, 1968.

Н. К. Фролов

УГЛИЧ — древнейший по времени основания русский город на берегах р. Волги. Судя по угличской Серебрянниковской летописи, возник между 937 и 945 гг. по воле киевского князя Игоря. Эта хронология косвенно подтверждается I Новгородской летописью младшего извода. В ней сказано, что князь Игорь, заняв киевский престол, действительно, «нача грады ставити на Руси». Археологические находки бытовых предметов на территории Угличского кремля и поблизости от него, датируемые X в. и более ранним временем, тоже свидетельствуют, что на месте современного У. тогда было какое-то большое укреп-

ленное ровом и земляным валом поселение. В дальнейшем У. был центром удельного княжества (XIII—XVI вв.), уезда (XV—XVII вв.), провинции (XVIII в.), вновь уезда (в пределах Ярославской губернии XVIII—XX вв.), а теперь — районный центр и город областного подчинения.

В удельный период своей истории У. наибольшего культурного и экономического расцвета достигал при князьях Романе Владимировиче (вторая половина XIII в.) и Андрее Васильевиче Большом Горяе (вторая половина XV в.). Этому благоприятствовали наличие в пределах Угличского княжества болотных железных руд (особенно в Железностюге), богатых бобровых гонов (особенно по рекам Корожечне и Пукше) и хороших условий для земледелия и животноводства. Этому способствовало и то, что У. находился на перекрестке водного пути по р. Волге и сухопутной части дороги из Москвы в Скандинавию, в европейское Северное Поморье и в Мангазею. Отсюда — развитие в Угличском княжестве разных ремесел, промыслов и торговли и ежегодные многомесячные ярмарки в Холопьем городке с участием в них не только местных верхневолжских, но и иноземных купцов.

В XVIII в. У. оставался значительным центром металлообработки. В конце XIX в. У. вместе с его уездом оказался на 1-м месте среди уездов России по числу грамотных призывников в армию. В XVIII—XX вв. У. дал России выдающихся ученых — акад. П. В. Тарханова (XVIII в., астрономия) и акад. А. И. Опарина (XX в., биология), художников И. В. Тарханова (XVIII в.), П. Д. Бучкина (XX в), механика-изобретателя В. И. Калашникова (XIX в.), лингвиста Н. В. Шлякова (XIX—XX вв.) и других деятелей науки и культуры. Современный город Углич славится научно-исследовательским институтом сыроделия и маслоделия, часовым заводом (его женские часы «Чайка» идут на экспорт), гидроузлом (электростанция, шлюз для речных судов, водохранилище), памятниками старинной жилой и церковной архитектуры, краеведческим историко-художественным музеем (существует с 1892 г.) и включен в туристическое «золотое кольцо России».

Скорее всего, г. Углич в X в. возник как укрепленная товарная и перевалочная база г. Ростова на одной из важнейших его торговых дорог. Ведь он с магистральным путем «из варяг в греки» и одновременно с Киевом и Новгородом был связан через р. Устье и Улейму, через верховья р. Волги и местные волоки. Один из них начинался там, где р. Улейма отклоняется от р. Волги (возле с. Чурьякова и д. Дерябино), и шел к Каменскому или к Селиванову ручьям, впадающим в Волгу. Здесь неизбежно должен был появиться какой-то перевалочный пункт. Им и стал У. — подобно тому как приблизительно через 70 лет после этого для г. Ростова стал нужен и возник Ярославль, т. е. другой опорный пункт, но на пути от Ростова не в «греки» или «варяги», а по р. Которосли к Волге и по ней в «хвалиссы», или «хвалисты».

В исторической литературе об У. обычны утверждения, будто он на страницах общерусских летописей впервые упоминается под 1148—1149 гг. с названием *Угличе Поле* или *Углече Поле* и что это название для У. исконное. Имеется в виду, в частности, следующий текст Лаврентьевской летописи: «Иде Изяслав Новгороду ис Кыева в помочь новгородцем на Гюргя... и сам с новгородци дошед Волгы... и не успе ничто же Гюргеви и дошед Углеча Поля поворотися Нову Городу». Однако здесь отнюдь не очевидно, что название *Углече Поле* относится только к г. Угличу, а не ко всему Угличскому Верхневолжью. Ведь оно тоже именовалось *Угличе* (или *Углече*) *Поле* или упрощенно *Поле*. Например, в духовной грамоте угличского князя Владимира Андреевича Храброго от 1401—1402 гг. читаем: «А на Углече Поле дал есмь княгине своей село Богородское со всеми деревнями и с лугы и с лесом». Бесспорное же обозначение г. Углича словосочетанием *Угличе* (или *Углече*) *Поле* находим в общерусских летописях лишь под 1293 г., например в Московском летописном своде конца XV в.: «они же... много градов избиша: Володимерь, Суждаль... Углече Поле, — а всех градов взяша 14». В дальнейшем название *Угличе* (или *Углече*) *Поле* применялось к г. Угличу еще и в начале XVI в. Следовательно, выражение *Угличе* (или *Углече*) *Поле* — это не исконное на-

звание г. Углича, а перешло на него лишь со временем.

Первоначально У. именовался словом *Волга* — по реке, на которой возник, подобно тому как по соответствующим рекам получили свои названия многие другие города средневековой Руси: г. Веллуга — по р. Веллуге, г. Вологда — по р. Вологде, г. Кострома — по р. Костроме, г. Молога — по р. Мологе, г. Москва — по р. Москве, г. Нерехта — по р. Нерехте и т. п. Наиболее убедительные факты обозначения г. Углича словом *Волга* в общерусских летописях имеются под 1015, 1096, 1135, 1148—1149 и 1237—1238 гг. Так, в Софийской первой летописи XV в. о пути великого князя Юрия Всеволодовича из г. Владимира на р. Сить через г. Ростов и У. для организации отпора татаро-монголам зимой 1237—1238 гг. сказано так: «Выеха Юрьи из Володимеря и еха на Волгу с сыновци своими: съ Васильком, и съ Всеволодом, и съ Володимером. И ста на Сите станом, ждучи к себе брата своего князя Ярослава и Святослава съ полкы». Ясно, что в этой цитате словом *Волга* обозначен г. Углич. В противном случае пришлось бы думать, что в 1237—1238 гг. этого города еще не существовало, тогда как на самом деле он, по Лаврентьевской летописи, тогда был уже стольным городом удельного князя Владимира (Димитрия) Константиновича — одного из тех самых трех сыновцев (племянников), с которыми князь Юрий Всеволодович отправился на р. Сить.

Из нелетописных обозначений г. Углича словом *Волга* показательно, например, «Сказание о Борисе и Глебе» по Успенскому сборнику XII в. В этом памятнике говорится, что князь Глеб, вызванный в 1015 г. князем Святополком из г. Мурома в г. Киев, отправился туда верхом на коне до Волги, а затем водным путем по Волге и Днепру. «И пришедь на Вьлгу на Поле потъче ся подъ нимъ конь въ рове и наломи ногу малы», — читаем в «Сказании» в связи с этим о Глебе. В XI в. кратчайший удобный конный путь от Мурома на Волгу для дальнейшего следования к Киеву пересекал р. Клязьму (где-то возле будущих г. Владимира или Боголюбова), тянулся вдоль Нерли клязьминской на Ростов, а от него к тому месту, где теперь

г. Углич. Стало быть, в указанном месте Успенского сборника XII в. словом *Волга* названы и река и г. Углич на ней, причем упомянутый ров не какая-то случайная яма, а оборонительное сооружение вокруг Угличского кремля, *Поле* же — местность Угличе Поле.

Словосочетание *Угличе* (или *Угличе*) *Поле* по мере утраты своего исконного значения 'Угличское Верхневолжье', все учащавшегося употребления в новом смысле 'город Углич' и вытеснения в этой функции слова *Волга* само подвергалось деформации: утрачивало определяемую часть *Поле* и отнесенность к среднему грамматическому роду — превращалось в *Углич* или *Углич*. Ср. отражение этой эволюции в письменности: «Даю ему город Угличе Поле» в духовной грамоте великого князя московского Ивана Васильевича от 1504 г.; «Даю ему Угличе со всеми волостями» — в грамоте Василия Темного от 1461 г.; «Того же лета июня згоре град Угличь весь» — в Московском летописном своде конца XV в. под 1491 г.; «сыну же моему Федору... села, которые въ Угличком уезде, село Никольское, Жданово с деревнями сыну же моему к Угличу» — в духовной грамоте Ивана Грозного от 1572 г.

Вариантность в письменности минувших столетий *Угличе* — *Угличе* или *Углич* — *Углич* (то с *и*, то с *е* в основе) отражает традиционное диалектное смешение угличанами гласных *и* и *е* в устной речи.

Большинство исследователей древнерусской истории обычно полагали и полагают, что г. У. в XII в. возник, т. е. фактически исходят из указанного летописного упоминания *Углича Поля* под 1148—1149 гг. Так, М. Н. Тихомиров создал трехэтапную схему возникновения древнерусских городов и по ней отнес У. к третьей хронологической категории — «города с посадами XII—XIII вв.». То же место в этой схеме отвели г. Угличу А. Н. Насонов и В. А. Кучкин. Но оно явно не соответствует истине, так как указано без досконального изучения ранней истории Угличского Верхневолжья.

Литература: 1. Дубов И. В. *Города, величеством сияющие*. Л., 1985. 2. Киссель Ф. X. *История города Углича*. Ярославль, 1844. Кириков Б. М. *Углич*. Л., 1984. 3. Русняков Н. Д. *Углич — древнейший*

русский город на берегах Волги // Материальная и духовная культура феодальной России // Межвуз. сб. Горький, 1990. 4. Эдянг Б. Ростов Великий. Углич. М., 1913.

Н. Д. Русинов

УГЛИЧЕ (УГЛЕЧЕ) ПОЛЕ — старинное, теперь не употребляемое название местности в Верхневолжье, на которой в древности возник г. Углич (см.) и которая простирается на десятки километров вдоль и поперек в бассейнах р. Улеймы, Пукши, Корожечны (с Кадкой) и Мологи (особенно в ее верхней части). В прошлом *Угличе (Углече) Поле* было наиболее стабильной частью Угличского удельного княжества XIII—XVI вв. Применительно к той местности название *Угличе (Углече) Поле* или просто *Поле* в памятниках письменности встречается до конца XVI в. Например: «А на Углече Поле дал есмь княгине своей село Богородское со всеми деревнями и с лугы и с лесом», — читаем в духовной грамоте угличского князя Владимира Андреевича Храброго от 1401—1402 гг.; «Се аз Иван Репех на Углече Поле дал есмь деревню на Выреске», — сказано на данной Ивана Репеха от 1410—1427 гг.; «Отец наш князь великий Василий Иванович всея России написал в своей духовной грамоте брату моему Юрью город Угличъ и все Поле с волостьми и с путыми и с селы и со всеми пошлинами и с Холопьем что торг на Мологе», — значит в духовной грамоте Ивана Грозного от 1572 г.

На протяжении XII—XVI вв. название *Угличе (Углече) Поле* постепенно вытесняло старое название Углича — *Волга*, утрачивало элемент *Поле*, переходило при этом из среднего грамматического рода в мужской и в конце концов стало обозначать только г. *Углич*, потеряв свою первоначальную семантическую функцию. Колебания в старинных написаниях *Угличе Поле* и *Углече Поле* (то с *и*, то с *е*) отражает диалектную особенность жителей Углича и его окрестностей заменять в произношении этимологический гласный *и* на *е* (особенно в неударных позициях). По происхождению *Угличе* — притяжательное прилагательное или патроним, т. е. первоначально указывало на принадлежность поля (реальную или мифическую) некое-

му лицу или олицетворяемому предмету, в названии которого был корень *угл-* (из **хгъл-*, *оугл-* или какого-то иного происхождения?). Суффиксом *-ич-* название *Угличе Поле* сближается с топонимами русских и белорусских территорий к западу от г. Углича: *Барановичи*, *Боровичи*, *Яновичи* (однако все они не единственного, а множественного числа).

Литература: Руснов Н. Д. Лингвистический очерк истории средневековой культуры в Угличском Верхневолжье. Горький, 1988 (депонировано в ИНИОН АН СССР. № 37964. 19 мая 1989).

Н. Д. Русинов

Ф

ФАМИЛИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Существование особого донского ареала русских фамилий доказывается, во-первых, наличием некоторой ядерной группы фамилий, устойчиво бытующей в наиболее старых поселениях Подонья, фамилий, в семантике основ которых отразились социально-исторические и физико-географические особенности края, во-вторых, преобладанием в составе местных фамилий моделей и формантов, типичных для данного ареала, и, в-третьих, своеобразным количественным соотношением генетических типов местных фамильных антропонимов.

Среди фамилий, исторически устойчивых для двух, трех и более станиц, выделяются классы *фамилий широкой распространенности* (более 10 станиц), *умеренной распространенности* (3-10 станиц) и *редкие* (1-3 станицы). Разновидностью редких фамилий можно считать *уникальные* фамилии, которые не только не встречаются в других населенных пунктах Подонья, но и в силу семантики основ маловероятны для других русских антропонимических ареалов.

Примерами донских фамилий широкой распространенности могут служить такие, как *Макаров* (25 станиц), *Фролов* (24 станицы), *Лазарев* (21 станицы).

ца), *Иванов*, *Петров*, *Тарасов*, *Фетисов* (20 станиц) и еще 63 отантропонимические фамилии, *Попов* (80 станиц), *Кузнецов* (51 станица), *Болдырев* (44), *Калмыков* (33), *Морозов* (29), *Чеботарев* (27), *Ковалев* (26), *Колесников* (16), *Табунщиков* (11) и др.

К фамилиям умеренной распространенности следует отнести такие фамилии, как *Волгин* (7 станиц), *Выпряджин* (4), *Кагальников* (4), *Каргальсков* (7), *Кривошлыков* (5), *Молоканов* (5), *Московкин* (5), *Мушкетов* (5), *Осетров* (4), *Раздорсков* (4), *Рубашкин* (5), *Туголуков* (6) и др.

Редкими в исследуемом ареале являются такие фамильные антропонимы, как *Афонин* (2 станицы), *Каменщиков* (2 станицы), *Монетов* (1 станица), *Недорослев* (2 станицы), *Никитушкин* (1 станица), *Нюхарев* (2 станицы), *Поликарпов* (3 станицы), *Рыковсков* (2 станицы) и ряд других.

К классу уникальных мы относим фамилии *Виноходов*, *Виножадов*, *Винохватов* (все из станицы Багаевской), *Катагаров* (Голубинская), *Лазутчиков* (Кагальницкая), *Недомерков* (Нижнечирская), *Нестреляев* (Багаевская), *Одров* (Кумылженская), *Тумин* (Правоторовская), *Тюрморезов* (Кочетовская) и др.

Словообразовательная характеристика донских фамильных антропонимов отличается четко выраженной стереотипностью: по своей структуре они относятся к производным (94%), сложным (5%) и простым, или безаффиксным (1%). Простые фамилии, структурно не отличимые от прозвищ, многочисленны в донских документах XVIII в., но в последующие 50 лет в подавляющем большинстве обросли антропонимическими суффиксами. В разновременных документах одних и тех же станиц прослеживаются преемственные пары антропонимов, свидетельствующие о перерастании простых фамилий в производные по аналогии с господствующим аффиксальным стереотипом: *Растяпа* (1745) — *Растяпин* (1800) (ст. Голубинская), *Сивоха* (1752) — *Сивохин* (1894) (ст. Багаевская), *Катагарь* (1745) — *Катагаров* (1800) (ст. Голубинская), *Поцелуй* (1752) — *Поцелуев* (1800) (ст. Филипповская) и др. Всего обнаружено свыше 200 таких преемственных пар.

Аффиксальный арсенал донских производных антропонимов значительно меньше общерусского и ограничивается суффиксами — *ов*, *-ев*, *-ин*. Фамилии на *-ый*, *-ий*, *-ой* (*Ладный*, *Великий*, *Сказоватой*) встречаются крайне редко.

Фамилии на *-ский* в большинстве документов имеют синхронные диалектные дублиеты на *-сков*: *Дубовский-Дубовсков*, *Бузулуцкий-Бузулуцков*, *Золотовский-Золотовсков*, *Хоперский-Хоперсков* и т.п.

В ряде производных фамилий отмечается нагнетание суффиксов, по-видимому связанное со стремлением писарей к единому стереотипу на *-ов*: *Бабкинов*, *Бородинов*, *Ильинов*, *Маминов*, *Харинов* и т.п. В этом случае можно также усматривать давление аналогии с фамилиями, образованными от прозвищ оттопонимического или этнонимического происхождения: *Грузинов*, *Немчинов*, *Татаринов*, *Трубчанинов* и т.п. Существенной чертой словообразования донских производных антропонимов является то, что каждый из господствующих суффиксов (*-ов*, *-ев*, *-ин*) не исчерпывает, а только завершает деривативную модель с различными основами и большим числом промежуточных строевых элементов. Эти последние, принадлежащие к традиционному словообразовательному арсеналу мирских имен и прозвищ, на уровне фамилий подверглись структурному перераспределению, в результате которого суффикс фамилии объединился с суффиксом производящей основы.

Так, суффикс *-ов* дал не менее 15 распространенных моделей: 1) *-сков*, *аков* (*-яков*). *-иков*, от именных основ: *Блинков*, *Лысаков*, *Пухляков*, *Сватиков*; 2) *-анов*, от именных и глагольных основ: *Беланов*, *Молчанов*, *Рубанов*; 3) *-унов*, от глагольных основ: *Крикунов*, *Моргунов*, *Ревунов*; 4) *-щиков*, от именной основы: *Рыльщиков*, *Табунщиков*; 5) *-айлов*, от глагольной основы: *Вещевайлов*, *Качайлов*, *Хитайлов* и др.

Суффикс *-ев* завершает 8 структурных моделей: *Ведмедев*, *Двойнев*, *Жутнев*, *Айданцев*, *Зимовцев*, *Висящев*, *Плугатырев*, *Гуляев*, *Потатуев*, *Романовичев*, *Гладышев* и т.п.

Образования на *-ин* (*-ын*) распадаются на 9 моде-

лей: *Саблин, Сироткин, Соловейкин, Старушкин, Братанин, Шумилин, Черепахин, Скакурин, Хромушин.*

Регулярным словообразующим элементом уровня фамилий можно считать префиксы *без-, за-, пере-, по-, не-(недо-)*: *Бесхлебнов, Забродин, Забазнов, Перельгин, Попаримов, Немудрякин, Невредимов.*

В образовании сложных фамилий типа *Белоусов, Быкадоров, Туголуков* принимали участие две отчетливо разграничиваемые равновеликие группы основ (около 200 основ в каждой), выступающих в качестве первого или второго компонента сложной фамилии. Лишь около 30 из них встречаются в функции обоих компонентов (*Мясоутов — Толстомясов, Пяторезов — Чернопятов, Коновалов — Красноконов*). Наиболее продуктивными первыми компонентами оказались прилагательные, обозначающие цвет, характер поверхности, форму и размер — чаще всего в сочетании с существительными — названиями частей тела; *Белобок, Белоглазов, Белогрудов, Белоусов, Вислобоков, Вислоусов, Вислоухов, Кривоzubов, Кривоногов, Кривоперстов, Долгоногов, Долгопятов, Долгошеев* и т.д. Наиболее продуктивные вторые компоненты сложных фамилий — кроме названий частей тела — названия домашних животных и термины родства: *Пятиволов, Трекозин, Семибратов, Семидетков.*

Синтаксически сложные фамилии восходят к прозвищам — сочетаниям определения с определяемым: *Голошубов, Рябоконеv, Трегубов*; к сочетаниям прямого дополнения и сказуемого: *Быкадоров* (от *драть быков*, т.е. снимать шкуру), *Дерикозов, Костоломов*, к сочетаниям обстоятельства образа действия и сказуемого: *Долгодумов, Криволаев, Разногладов.*

Важнейшей чертой ареальной антропонимии является ее количественная структура, исторически сложившееся количественное соотношение различных генетических типов фамильных антропонимов. Поскольку качественный состав антропонимов, сами генетические типы являются общими для всех или большинства ареалов национальной антропонимии, специфика ареала проявляется именно в степени продуктивности различных типов в рамках местного антропонимического фонда. Донская фамильная антро-

понимая имеет следующую количественную структуру: 1) фамилии, образованные от описательных прозвищ, запечатлевших черты внешнего облика или характера человека: *Тонконогов, Усачев, Бешанов, Бодраков, Ленивов* — 51%; 2) фамилии, восходящие к прозвищам этнонимического происхождения: *Греков, Калмыков, Литвинов, Ляхов, Мордовкин* — 2%; 3) фамилии, имеющие в своей основе термины родства: *Вдовин, Дедушкин, Мачехин, Кумов* — 0,4%; 4) фамилии оттопонимического происхождения: *Раздорсков, Медведицков, Московкин, Саратовсков* — 8%; 5) фамилии, образованные от прозвищ топографического характера: *Загороднов, Колобродов, Колобанов, Наугольнов, Суяров* — 0,9%; 6) фамилии, возникшие из сословно-должностных и профессиональных прозвищ: *Блинников, Генералов, Титарев, Хорунжев, Шляхтин* — 12,5%; 7) фамилии отантропонимического происхождения: *Аникин, Дейкин, Мустафинов, Питонин, Харланов* — 26,1%; 8) фамилии, восходящие к некалендарным русским именам: *Квасов, Поздняков, Субботин, Шестаков, Ярилов* — 1,6%.

Отличительной особенностью рассматриваемой структуры является значительное количественное преобладание фамилий, образованных от описательных прозвищ. Уступая отантропонимическим фамилиям в распространенности, по своему многообразию они не имеют себе равных. Из того факта, что описательные прозвища, содержавшие индивидуальную информацию о конкретном носителе, послужили источником большинства донских фамилий, следует вывод о том, что в местном языковом сознании при образовании прозвищ первостепенную роль играли индивидуальные признаки лица (внешность, манера поведения, внутренние качества), а признаки наследственные (происхождение из определенной местности и определенной семьи) были отеснены на второй план. Исторически это явление можно объяснить особенностями формирования языкового коллектива, многие члены которого (беглые холопы и посадские люди) должны были в целях безопасности скрывать свое происхождение и наследственные имена.

Важным шагом в изучении ареалов национальной

антропонимии является выделение ядерной группы фамилий, основы которых образуют антропонимическую панораму исследуемого ареала. Понятие «антропонимическая панорама» может быть определено как совокупность социально-исторических, естественно-географических, мировоззренческих, морально-этических и эстетических характеристик эпохи становления фамилий в данном ареале, отраженных в основах ядерной антропонимии.

Ядерная антропонимия донского ареала складывается из нескольких подгрупп фамилий, в основах которых отразились природа Подонья; названия донских станиц и хуторов; названия мест, откуда пришли на Дон первые поселенцы; названия примечательных топографических пунктов, около которых они селились; черты их внешности, характера и поведения; их национальность; родственные связи; занятия и ремесла, имущественное положение, чины и должности, памятные эпизоды их жизни. Местные и общерусские названия представителей фауны Дона лежат в основе 9% всех фамилий ареала (*Бабин* от *баба*, — пеликан; *Бугаев* от *бугай* — бык; *Витютнев* от *витютень* — дикий голубь; *Чебедушкин* от чебедушка — соловей; *Бакланов*, *Дятлов*, *Раков*, *Щучкин*).

Названия трав, деревьев, плодов и овощей вошли в основу более 100 местных фамилий, например: *Вербичев*, *Рогозин*, *Шипшин* от *шипшина* - шиповник. Фамилии казаков, переехавших в разное время из одной станицы в другую, повторяют в своих основах почти весь местный топонимический словарь: *Багаевсков*, *Камышансков*, *Мигулинсков*, *Раздорсков*, *Тютеревсков*. Разнообразные этнические включения в преимущественно русское население края запечатлены в фамилиях *Арнаутов*, *Греков*, *Калмыков*, *Мордовин*, *Поляков*, *Чувашин*. Около 600 донских фамилий сохраняют в своей основе память о занятиях, ремеслах, должностях и чинах их основателя или его зависимости от человека соответствующего (социального) положения *Кузнецов*, *Попов*, *Солдатов*, *Чеботарев*, *Полковников*.

Около 2500 фамилий произошли от прозвищ, которые огромным набором синонимических вариантов выразили мысли современников о внешности и ду-

шевных свойствах людей XVII-XVIII вв. Только одной портретной черте — худобе или тучности посвящено свыше 50 антропонимических основ: *Жировов, Икрянов, Круглов, Пухляков, Пузанов, Палкин, Щепин*. Чубы, усы и бороды стародавних донцов вдохновили создателей почти 40 разных фамильных прозваний.

Ядерные фамилии ареала отличаются высокой степенью исторической информативности. Нередко значение их основ позволяет проследить общественно-бытовую дифференциацию, связанную с географической отнесенностью семантически родственных исходных прозвищ к разным частям Подонья. Так, фамилии *Булеев* (ст. Вешенская), *Булешкин* (ст. Нагавская) происходят от прозвища, данного по характерному присловью низовых казаков *бул, було*, а фамилия *Чигансков* (ст. Кумылженская) из прозвища верховых казаков *чига*. Прозвищем *Болдырь* (отсюда распространенная фамилия *Болдырев*) отмечали по всему Дону происхождение от смешанного брака русского с татаркой, калмычкой и т.д. Значительно реже встречаются фамилия *Тумин* (ст. Скородумовская) от прозвища *тума* 'некоренной казак, приبلудный, метис', которое адресовалось верховыми казаками низовым, среди которых смешанные браки были более частым явлением.

Виды охотничьего промысла, которыми преимущественно занимались в разных станицах, отразились в фамильных прозваниях *Камышанов, Камышкин* (ст. Верхнечирская) — от прозвищ охотников на водоплавающую дичь и *Гулебщиков* (ст. Елизаветинская) от *гулебщик* — охотник на крупную дичь. Еще большая охотничья специализация запечатлена в фамилиях *Бобровников* и *Лебедятников*.

Особое место в антропонимической панораме занимают фамилии, основы которых сообщают о таких памятных событиях в жизни первых носителей прозвищ, которые были типичными для донской повседневной действительности XVII в: *Драницын* (ст. Дурновская) — от *драница* — человек, которого драл медведь; *Купленов* (ст. Иловлинская) — от прозвища казака, выкупленного из азовского плена; *Подрезов* (ст. Нижнечирская), *Тюрморезов* (ст. Кочетовская) — от

подрезать тюрьму — подкопать или подломить стену темницы с целью побега, *Недуванов* (ст. Старочеркасская) — от неучастия в каком-то памятном для современников дележе (дуване) военной добычи после побега на турок или татар и т.д.

Универсальной характеристикой донской фамильной антропонимии, сохранившейся поныне, является орфографическая многовариантность. Большинство нормативных записей соотносятся с 3-5 ненормативными вариантами.

Несомненно, что любой искаженный вариант антропонима становится при регистрации юридически самостоятельным именем и не может быть исправлен без соответствующей юридической процедуры. Однако историческая практика функционирования антропонимов в донском ареале свидетельствует о том, что наряду с орфографической дивергенцией антропонимов постоянно действует и обратный процесс конвергенции, процесс нивелировки по известному антропонимическому или апеллятивному образцу. Многократно приходится наблюдать, как в одном и том же документе или в преемственных документах (в разновременных или разноцелевых списках казаков одной и той же станицы) со сменой почерка составителя *Астраухов* вновь становится *Остроуховым*, *Арешкин* — *Орешкиным*, *Авчаров* — *Овчаровым*, *Уласов* — *Власовым*, *Уколов* — *Вуколовым*. Члены семьи, носившей в XVIII в. фамилию *Абуховых* или *Алейниковых*, в XIX-XX вв. нередко превращаются в *Обуховых* и *Олейниковых*.

Литература: Щетинин Л.М. *Русские имена*. 3-е изд. Ростов н/Д, 1978.

Л.М. Щетинин

ФЕДОР КЛЕМЕНТЬЕВИЧ ШАРАПОВ — угличанин, жил во второй половине XV в., был мастером списывания книг. Из его продукции до нас дошла псалтирь 1485 г. с красочными миниатюрами (285 ил.), вольно копирующая Киевскую псалтирь 1397 г. Вероятнее всего, Ф.К. Шарапов по-своему воспроизвел эту псалтирь, получив заказ угличского удельного князя Андрея Васильевича Большого Горя (см.). В

настоящее время Шарапова псалтирь хранится в Петербургской публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Литература: Свирин А.Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950.

Н.Д. Русинов

ФЕРАПОНТОВ МОНАСТЫРЬ

Ферапонтов монастырь и земли вокруг него традиционно входят в Белозерский край; *Белозерье* — так чаще всего называют этот севернорусский край. Как и на всем русском Севере, да и не только на Севере, здесь встречаются и славянские по происхождению, и неславянские географические имена. Это связано с историей заселения края. Славяне появились на этой территории во второй половине I тысячелетия н.э. и «сели» на землю. Они осваивали свободные земли, не занятые автохтонными кочевыми племенами прибалтийских финнов, которые промышляли исключительно охотой и рыболовством. Передвигаясь с места на место в поисках лучших охотничьих угодий и мест, изобилующих рыбой и птицей, прибалтийские финны (вепсы, карелы) в какой-то мере освоили этот край, и это выразалось также и в том, что географическим объектам присваивались имена.

Большие и малые географические объекты получали наименования, но в первую очередь гидрографические, так как реки и озера (а для русского Севера характерно наличие не просто большого количества рек и озер, но чаще всего многочисленных систем их) были самыми надежными путями сообщения, а берега их — местами стоянок и поселений. Следует заметить, что до прихода славян здесь проживали в разные исторические периоды кроме прибалтийских финнов саами, волжские финны и другие народы. И все они передавали друг другу свои имена для обозначения географических объектов. Поэтому некоторые географические названия представляют собой неразрешимые загадки, нельзя объяснить их с помощью известных языков финно-угорской группы (живых и мертвых). Почему? Скорее всего потому, что в процессе

поэтапного заимствования из одного языка в другой названия претерпели очень большие изменения.

Район Белого озера заселен славянами давно, по традиционной точке зрения, — в VIII-IX вв., очень рано Белоозеро начинает упоминаться и в русских летописях. Есть тому и археологические свидетельства. Однако некоторые современные археологи считают, что славяне в районе Белого озера появились еще в VI-VII вв. (по данным А.Н. Башенькина, руководителя археологической экспедиции Череповецкого краеведческого музея). В 1984 г. эта экспедиция в Чагодощенском районе Вологодской области у д.Падун обнаружила славянские поселения VI-VII вв.

Но есть и языковые признаки, также указывающие на раннее проникновение славян в район Белого озера по сравнению с другими территориями русского Севера. А.К. Матвеев отмечает такую интересную фонетическую особенность, как регулярность соответствия финского краткого звука *ä* русскому *о*. Эта закономерность отмечается в различных тематических группах слов, в том числе и в словах, обозначающих географические понятия, а также в составе географических названий (топонимов). Для сравнения можно привести такие примеры, как карел. *karjala* — др.-рус. *корела*, фин. *lappi* — др.-рус. *лопь*, фин. *lahti* — севернорус. диал. *лохта* 'залив', 'низкий берег реки, озера', фин. *saga* — севернорус. диал. *со́ра* 'развилка (реки, дороги, дерева)' и др. На большей же части территории русского Севера отражено соответствие финского краткого *ä* русскому *а* (ср. современные названия *Карелия* и *Лапландия*, а также известное во многих севернорусских говорах слово *лахта* 'залив'. Соответствие финского краткого звука *a* русскому *о* на территории Белозерья, по мнению проф. А.К. Матвеева, свидетельствует о том, что эта территория была освоена русскими тогда, когда в древнерусском языке еще не завершился праславянский процесс перехода краткого звука *a* в *o*, т.е. никак не позже VI-VII вв.

Район Белого озера заселяли кривичи (они двигались с юга, «с низу», с берегов Волги по Шексне) и новгородские словене (они шли с запада в район р. Уломы по Шексне). Историки отме-

чают, что освоение славянскими племенами Белозерья и в целом русского Севера шло мирно: свободных земель было много, прибалтийско-финские племена были малочисленными, кочевыми, не «сидели» на земле. Поэтому здесь русские творили свою систему географических названий, заимствуя лишь некоторые иноязычные имена или переводя их на свой язык. В районе Ферапонтова монастыря, по сравнению с другими территориями русского Севера, преобладают славянские по происхождению географические названия. В течение трех лет (с 1988 по 1990 г.) в село Ферапонтово были организованы летние и зимние топонимические экспедиции Московского педагогического института им. В.И. Ленина. За это время собрана большая часть географических названий Ферапонтовского сельсовета: названия деревень, озер и их островов, рек, ручьев, болот, полей, покосов и т.д.

1. *Населенные пункты*

В составе Ферапонтовского сельсовета сейчас считается чуть больше 60 деревень, из них около 20 — уже исчезнувшие деревни. Даже в недавнем прошлом эти деревни относились к разным волостям и приходам. Часть деревень, расположенных в южной и западной частях Бородаевского озера, относились с XVI в. вплоть до начала XX в. к волости Федосьин Городок, с 1917 г. они входили в состав Филипповского сельсовета. Это старое административно-территориальное деление еще сохраняется в памяти местных жителей и, кроме того, отражено непосредственно в названиях некоторых населенных пунктов. Тому свидетельство название д. *Сиверова* (в местном говоре, согласно его фонетическим особенностям, слово *север* произносится как *сивер*). Но эта деревня расположена юго-западнее села Ферапонтово и Ферапонтова монастыря. Почему же она «северная»? Да потому, что она относилась к группе деревень Федосьина Городка и была севернее других его деревень. Позднее она вошла в состав Ферапонтовской волости, затем — Ферапонтовского сельсовета, сохранив свое старое ориентированное название.

Ферапонтовская волость оформляется, видимо, в XIX в. Центром ее была подмонастырская *Ферапонтовская слобода*, так она названа уже в памятниках деловой письменности XVII в., и это ее наименование держалось вплоть до конца XIX в.: «Ферапонтовская слобода Кирилловского уезда при озере Бородавском и Ферапонтовском монастыре». Такое название в силу своей объемности существовать в живом общении не могло, поэтому чаще всего Ферапонтовская слобода называлась просто *Слобода*, а ее жители себя называли и называют до сих пор *слобожанами* или *слободскими*.

Следует заметить, что современное административно-территориальное деление произвольно, оно не соответствует историческим традициям. Возьмем *Москву*. Она строилась и жила замкнутыми районами: *Кремль*, *Великий (Большой) посад*, позднее на его месте — *Китай-город*, дальше — *Белый город*, *Земляной город*... А внутри их профессиональные и этнические слободы хамовников, скатертников, кожевников, сыромятников, каменщиков, кузнецов; немцев (всех, кто «немгует», т.е. не понимает и не говорит по-русски), малороссов (малорусов) — отсюда *Маросейка* и т.д.

Сейчас Москва разделена по колониальному при знаку на сегменты, поэтому одна сторона улицы может относиться к Октябрьскому району, а другая — б. Москворецкому. То же самое можно встретить и в Подмосковье, к примеру в районе древнего Радонежа: часть деревень относится к Пушкинскому, другая — б. Загорскому району. Исторически же все эти деревни тяготели либо к Троице-Сергиеву, либо к Хотьковскому монастырю. Одно время они входили даже в Радонежское княжество. Та же картина, как видно из примеров, и на русском Севере.

В большинстве своем названия севернорусских деревень образованы от имен или прозвищ первопоселенцев, владельцев. Названия деревень и в целом названия населенных пунктов чаще всего представляют собой прилагательные (притяжательные), отвечая на вопрос «чей?» (город, посад), «чья?» (деревня, слобода), «чье?» (село).

Древнерусские личные имена делились на исконные, восходящие еще к эпохе язычества, и на заимствованные, пришедшие на Русь вместе с принятием христианства. Первые были именами-характеристиками, они могли указывать на те или иные черты характера, внешность их носителей. Например: *Мал, Малой, Чернавка, Ломонос, Кривой, Дурной* и т.п. Христианские (канонические, церковные) имена приспосабливались к русскому языку, «обрусевали», при этом меняли свой первоначальный вид и звучание. Они не только подстраивались под русскую фонетику, утрачивая не свойственные русскому языку отдельные звуки и звуковые сочетания, но также внешне, по форме своей, походили на славянские имена, получали такие же концовки, как и исконные славянские имена: *Данило* как *Томило*, *Ваньша* как *Путьша*, *Ерёма* как *Истома*, *Леушко* как *Чернышко* и т.п.

В жизни некоторых христианских имен отразились не только общерусские языковые особенности, но и диалектные, так, например, те имена, которые начинались с безударного *a*, по-разному произносились на севере и юге: *Авдей — Овдей, Арина — Орина, Андрей — Ондрей, Акила — Окула, Окуло, Акилина — Окулина*. Превращение имен *Акила* и *Акилина* в *Акулу* и *Акулину* можно объяснить тем, что по-славянски они писались с ижицей, где ижица часто прочитывалась как [y]. Таким образом, христианские имена в живой народной речи трансформировались, приобретали народные формы и в этих народных формах закреплялись в названиях населенных пунктов.

Приведем наиболее интересные примеры названий деревень Ферапонтовского сельсовета, образованных от имен: *Артюшенское* от *Артюша (Артамон)*, *Васнякóво* от *Васняк (Василий)*, *Ерёминское* от *Ерема (Иеремей)*, *Емешóво* от *Емеша (Емельян)*, *Евсюнино* от *Е(в)сюня*, *Леушкино* от *Леушко (Лев)*, *Нефёдьёво* от *Нефедей, Нефедя (Мефодий)*, *Окулово* от *Окула, Окуло (Акила)*. Правда, Ю.И. Чайкина считает, что *Окулово* образовано от имени-прозвища *Окула*. В подтверждение этого она приводит русское диалектное слово *окула* 'обманщик, плут'. Также отыменными будут следующие названия деревень: *Панькóво* от *Панька*,

Паня (*Пантелеймон*), *Роди́но* от *Родя* (*Родион*), *Фёфелово* от *Фефел*, *Фефил* (*Феофилакт* и *Феофил*), *Мелюшино* от *Меля*, *Мелюша* (*Емельян*), *Федóсово* от *Федос* (*Феодосий*). На закрепление названия *Ферапо́нтовой* слободы, позднее — села *Ферапо́нтова*, а не *Фарафонтово* (что до сих пор сохраняется в народной речи), видимо, повлияла письменная традиция. Еще в XV в. отмечалась народная форма: «... кто будет... в Ферафонтиевой пустыни». Можно привести пример, когда имя *Ферапонт* закрепилось в географическом названии именно в народной форме, а не в книжной — это д. *Фарафоново* в Орловской области (близ г. Мценска). Причем это личное имя с еще большим изменением конца слова — *Фарафон* (упрощение группы согласных в конце).

Наиболее интересные прозвищные названия деревень: *Горя́ева* от *Горяй*, *Дерга́ево* (официальная форма *Дергаево*) от *Дергай*, *Теря́ево* от *Теряй*, *Балу́ево* от *Балуи*, *Гуля́ево* от *Гуляй*, *Яршево* от *Ярыш* (скорее всего, здесь тот же корень, что и в имени *Ярило*), *Кнышо́во* от *Кныш* (в вологодских говорах *кныш* может употребляться как слово-характеристика человека небольшого роста), *Кура́кино* от *Курака*, *Шульги́но* от *Шульга* (*шуя*, *шуйца*, *шульга* 'левая рука'), *Са́жинская* от *Сажа*, *Цыпи́но* от *Цыпа*, *Кра́сново* от *Красный*.

Несколько названий условно отнесено нами к ориентированным. Они указывают на местоположение деревни относительно других объектов, отражают особенности рельефа местности: *Си́верово* — букв. 'северная'; *Го́рка* (она же *Го́рка Борода́евская*) — бывшая деревня на высоком крутом южном берегу Бородаевского озера; *Го́ры* — бывшая деревня, расположена была к востоку от Цыпиной горы; *Заго́рье* — расположена по дороге от Ферапонтова за Цыпиной горой; *Усково* — расположена на берегу самой узкой части Бородаевского озера (см. подробнее ниже). Это место называется также *Уски*. Вот запись речи местных жителей: «На Усках были? Там мост раньше был. За Уски перейдешь, там Ферапонтовско озеро, а наше Борода́вско».

Название отражает особую примету местности, что также характерно и для следующего названия — *Мур-*

гáны (бывшей деревни). Это имя, возможно, соотносится с диалектным словом *мўрга*, *мурга́* 'воронкообразная впадина, провал (обычно в месте залегающего гипса)', 'овраг'. Скорее всего, сюда же можно отнести и старое название д. Лёсово — *Плешево*. В памятнике деловой письменности XVI в. эта деревня обозначается как *Плешево*. Для местного говора характерна такая черта, как шепелявость, т.е. произношение [ш] вместо [с]: *все* [фше], *сестра* [шештра́] и т.п. Возможно, картографы «исправили» такую ошибку, обозначив на карте деревню *Лесово* вместо *Плешево*. В начале слова из сочетания согласных глухой [п] выпадает.

Интересно отметить еще и такое явление, как бытование общего названия для нескольких деревень: *Ба́рщина*, *Заозе́рица* и *Ра́менье*. В Барщину входили деревни, расположенные в юго-западной и западной частях нынешнего Ферапонтовского сельсовета, которые в XIX в. были помещичьими. В конце XIX — начале XX в. возле бывшей деревни Горка стояла усадьба помещика Николаева. *Заозерицей* называются все деревни по северному берегу Ферапонтовского и Бородаевского озер (ориентация «от монастыря»). К *Раменью* (был Раменский приход) относились все бывшие деревни, расположенные к северу от Ферапонтова монастыря. Жители Раменья при ликвидации «неперспективных» деревень были переселены в Ферапонтово и другие населенные пункты.

На территории Ферапонтовского сельсовета записано от местных жителей три названия *Поповка*: первая — часть Слободы (дома стояли над монастырем в сторону Заозерицы); вторая *Поповка* — часть деревни Цыпино; третья — одна из деревень в Раменье. Старожилы так объясняют происхождение этого названия: «Поповка, по́п да́к жи́л, е́е прозва́ли, это Ра́менской прихо́д». Сюда же следует отнести и название *Дьяконовская*, исчезающая деревня в 1,5 км к юго-западу от села Ферапонтова.

2. Озера и заливы

Озеро, простирающееся к западу от Ферапонтова монастыря, называют *Борода́вским* или *Борода́евским*. Названия соотносятся с именем реки *Борода́вы* (*Боро-*

даёвы). Именно так оно обозначается в последнее время во многих справочниках и путеводителях, хотя следует отметить, что более частотной в настоящее время является форма *Бородаёвское*, поэтому ей мы и отдаем предпочтение. В памятниках деловой письменности XVI в. озеро именовалось так: «Озерко Бородавское у Ферапонтова монастыря...». Это же название регулярно употреблялось и в XIX в.

Бородаевское озеро состоит из нескольких озер, каждое из которых имеет самостоятельное название. Так, в «Описании Ферапонтовской волости» архимандрита Макария отмечается не одно озеро, а два: «Озеро Ферапонтовское простирается на запад от монастыря и соединяется узким проливом с Бородавским озером, простирающимся далее на запад... За соединенными озерами Ферапонтовским и Бородавским, имеющими в длину до 7 верст, а в ширину не более версты..., виднеются крестьянские... деревни...».

Первое, ближнее к монастырю, озеро — *Ферапо́н-товское*, его и сейчас так называют местные жители. У него есть и второе название — *Монастырское*. Оба имени указывают на близость Ферапонтова монастыря. Название же *Бородаевское* относится к дальнему, уходящему далеко на запад, озеру. Из него, в свою очередь, выделяется еще четыре озера: *Горско́е* (залив у бывшей деревни Горка), *Мысо́вско́е* (залив у деревни Мыс), *Луки́нское* (залив у деревни Лукинское), *Нико́льское озеро* (залив у д. Зайцево; название дано по церкви Николы).

Бородаевское и Ферапонтовское озера соединяет узкий пролив, называемый местными жителями *Уски*. Деревня, расположенная на Усках, именуется *Усково*. Через этот пролив был проложен деревянный мост, существовавший до 50-х гг. XX в. Мост был разобран, берега пролива взорваны: все это было сделано для молевого сплава леса. Поэтому сейчас здесь местные жители видят озеро и называют его *Уско-Бородаёвским* или *Уско́вским*.

Таким образом, с запада к монастырю подходит целая система озер, которая соединяется узким протоком (речкой) под названием *Па́ска* с другим озе-

ром, расположенным к юго-востоку от монастыря, — *Слободским (Паским, Спасским)*.

Следует отметить такую важную особенность озер, расположенных к западу и юго-востоку от монастыря: они находятся на разных уровнях, между ними естественный перепад — 2-3 м. Речка *Паска* имела и до построения плотины вид горной реки. Вот как описывает ее архимандрит Макарий: «Из этого [Ферапонтовского] озера на восток протекает глубоким ровом быстрая речка, подле полуденной стороны бора монастырского, и через 150 сажен вливается в Слободское озеро, находящееся на юго-восток от монастыря».

Название озера, в которое впадает речка Паска, — *Слободское*. Это имя известно современным жителям села Ферапонтово, по-старому — *Слободы*. Однако чаще всего озеро называют *Паским* и даже *Спасским*. Последнее название встречается во многих путеводителях и справочниках, и оно представляет собой народно-этимологическую форму. Если бы озеро называлось Спасским, на его берегах должна бы быть церковь Спаса или деревня (село) Спасское. Для примера можно привести названия близлежащих озер — Ильинское, Никольское, Пятницкое, которые повторяют имена церквей Ильи Пророка, Николая Угодника, Параскевы Пятницы, поставленных на их берегах. Правильная форма — *Паское озеро*, названное так по реке, впадающей в него. С точки зрения словообразовательной, название должно бы писаться *Пасским*, но в русском языке много случаев, когда орфографическая форма отражает фонетические изменения в слове.

Озеро Паское соединяется с другим (вернее, еще одной системой озер) длинной речкой-протокой по имени *Речка* или *Яршевка* (по д.Яршево на ее берегу). Озера, входящие в следующую систему, называются по деревням или церквям, расположенным вдоль береговой линии. Сложность описания этой системы озер заключается в том, что она начинается р. *Итклой* (к северо-востоку от Ферапонтова, примерно в 6-7 км), которая разливается несколькими озерами, а ниже д.Глебовское все воды снова текут в виде реки

(под тем же названием Иткла), впадающей дальше в Северо-Двинский канал и р.Порозовицу.

Официальных названий для озер, имеющих протяженность с севера на юг, — два: *Воробино* и *Пятницкое*. В действительности же здесь имеется тоже система озер, в которую включаются и большие заливы, так как местные жители их считают озерами.

Начинается эта система озером *Воробинским* (по д.Воробино), далее следуют: *Митинское* озеро (по д.Митинское); *Емешовское* озеро (по д.Емешово), оно же может называться и *Мурганским* озером (по бывшей д.Мурганы, располагавшейся от Емешова в противоположном, южном конце этого озера). Именно в Мурганское (Емешовское) озеро и впадает Речка, она же Яршевка. Далее на юг — *Бяковское*, или *Ереминское*, или *Итклинское* озеро (по д.Бяковская и Ереминское, которые расположены на противоположных берегах этого озера и р.Иткле); *Пятницкое* (по деревянной церкви Параскевы Пятницы, которую разобрали для ремонта моста в 50-е гг.); *Глебовское* озеро (по д.Глебовское).

Итак, озера *Воробино* и *Пятницкое*, которые под такими названиями нанесены на физико-географические карты и схемы (по данным нашей экспедиции), включают в себя по крайней мере по три озера. Причем название *Пятницкое* действительно местными жителями иногда употребляется как общее для пяти озер. При этом дается и мотивировка имени: «Пятницкое озеро, дак там пять озер» — это еще один пример народного осмысления названия. Кроме того, местные жители приводят и второе по отношению к нему общее название — *Иткло-Бобровское*: «По писанью оно Иткло-Бобровское, от стариков слышал, а мы зовём Пятницкое озеро».

В окрестностях Ферапонтова монастыря имеется несколько лесных озер. Они или связаны между собой (например, *Плахинское* и *Ильинское*, оно же *Цылинское*), или соединяются речками-протоками с большими озерами: *Окуловское* озеро речкой Окуловской соединено с озером Бородаевским; *Буёрко* речкой Буёркой — также с Бородаевским, озеро *Тярбало* речкой Тярбалкой соединено с Бородаевским озером;

озеро *Кáстромка* соединяется речкой Дыморкой с Глебовским озером. Часть из них получила название по деревням, расположенным на их берегах: *Плахинское*, *Цыпинское*, *Окуловское*. Озеро *Ильинское* названо, скорее всего, не по деревянной церкви Ильи Пророка, построенной на берегу этого озера в 1755-1756 гг., а по Ильинскому, что на Цыпине, погосту, центром которого и была Ильинская церковь.

Несколько названий озер в окрестностях Ферапонтова монастыря являются заимствованиями. К ним относятся *Буёрко* (*Буярко*), *Рындуч* (варианты: *Рынбач*, *Рынгач*, *Рынгуч*), *Тярбало* (варианты: *Тярболо*, *Тярбольское*). Они, как правило, построены по финно-угорской модели: словосложение со вторым компонентом «озеро», «река», «ручей» – в противоположность суффиксальному типу, который обычно встречается в славянских географических именах. Правда, эта структура слова не всегда сохраняется. По мнению Л.А. Субботиной, занимающейся изучением заимствованной белозерской топонимии, название *Буёрко* буквально значит «канава (ручей) – озеро» (действительно, это озеро с протокой, из него вытекает речка с тем же названием), *Тярболо* – «смоляная (дегтевая) река» (это озеро тоже с протокой, поэтому вторым компонентом названия и является термин «река»). *Рындуч* Л.А. Субботина соотносит с карельским *ganta, ganda* 'берег' и считает, что это белозерское географическое название существует в саамской огласовке.

3. Острова

В озерах близ Ферапонтова монастыря насчитывается чуть больше сорока островов. Одни из них довольно большие и служат как сенокосные угодья, к примеру *Большой* (вариант: *Великий*) остров в Бородавском озере. Этот остров площадью примерно 7 га: «Там были покóсы, пять стогóв там накашивали». Есть *Большой* остров и в Паском озере. Некоторые острова оголяются лишь в середине лета, весной и осенью они под водой, поэтому в названиях таких островов, как правило, отмечается эта особенность, т.е. они часто называются словами со значением «мель,

мелкое место». В говоре окрестностей Ферапонтова монастыря для обозначения мели употребляется слово *змильё*. Именно с таким названием в описываемом нами районе встречается четыре острова: у д.Захарьино, у д.Лукинское. Вот как о последнем рассказывают местные жители: «Золотое змильё — остров каменной, в половодье не видно, а как камни обсохнут, дак Золотое змильё, хорошо там клюёт». Этот остров называют еще просто *Золотым*, вероятно, за то, что там золотой, т.е. «богатый», клев рыбы.

Название острова *Кáргач*, что в Бородаевском озере, возможно, соотносится с севернорусским словом *ка́ргач* 'заросшее травой место на озере'. Интересно, что местные жители, пытаясь объяснить название этого острова, связывают его с криком грачей или ворон (карканьем?), что, конечно же, является простым переосмыслением названия. И в основе названия острова *Куст* (в Бородаевском озере) некоторые исследователи также видят географический термин (неславянский по происхождению) со значением 'мель, перекат'.

В некоторых названиях островов есть указание на характер растительности: *Берёзовец* (варианты: *Берёзов*, *Берёзовый*), *Осиновец*, *Ольховец*, *Чищенный* (вариант: *Чищин*).

С пребыванием в Ферапонтове монастыре опального патриарха Никона связывает название острова *Чайный* (в Ферапонтовском озере). По легенде, Никон любил ходить туда пить чай, шел якобы по дорожке, насыпанной по озеру. Однако название объясняется тем, что на острове много гнездовой чаек. «Чайных» островов несколько: *Чайный*, он же *Чайкий* в Ферапонтовском озере, *Чайный* — в Паском озере, *Чаечный* — в Бородаевском озере.

Определенный интерес представляет название острова *Чёртов*, расположенного в центре Бородаевского озера. По рассказам местных жителей, вокруг острова очень много валунов, камней, которые как будто накиданы чертом. Поскольку подводная каменная гряда представляет опасность для рыбаков, на нее в непогоду, при сильном ветре, часто натыкались, то можно

предположить, что название это пейоративного, т.е. уничижительного, неодобрительного, характера.

4. Реки

Описание рек следует начать с *Бородавы*, которая вытекает из Бородаевского озера. В «Описании Нило-Сорской пустыни», приводятся различные ее наименования: «*Брѡдя, Брѡдавица, Бородава*. Известен еще один вариант названия — *Бородава*. По-видимому, сама река и озера Бородаевское, Ферапонтовское и Паское были местами рыбной ловли. Скорее всего, название *Бородавы* следует сопоставлять со словом *брод, бродить* (бродить рыбу, то есть ловить рыбу бреднем), отсюда — *Бродя, Бродава, Бродавица*. Остальные формы вторичные, более поздние, переосмысленные: неясное *Бродя* преобразуется в *Бород-*.

Наибольший интерес и трудность в объяснении названия представляет имя *Паска*. Сами местные жители связывают это название с праздником Пасхи, но в гидронимии нет примеров, чтобы река или ручей назывались по тому или иному празднику. Таким образом, перед нами типичный пример народной этимологии.

Известно, что в названиях рек может отражаться характер течения воды (*Быстрая, Гремучий ручей*), особенности русла, почвы (*Каменка, Болотная*), цвет, вкус, запах, температура воды (*Белая, Желтая, Пресня, Гнилой ручей, Зяблой ручей, Студенец*). Известно также, что многие слова, которыми обозначают текущие воды (*река, ручей, пролив, протока* и т.п.), являются отглагольными образованиями, так как они указывают на движение, течение.

Если учесть все эти типологические особенности, то можно предположить, что слово *Паска* — отглагольное, так как оно должно обозначать характерный признак этой речки: «падение» воды с большой высоты, вытекание ее из одного озера в другое, что соответствует русским литературным словам *пролив, протока*, а также диалектным *выпад, вылив, падун, впадина, выпадок, вал* (от *валить* 'падать'), *патоца* (от *потечь*) и др. Однако в русском языке и его говорах

нет слов с корнем *паск-*, имеющих значение 'течь', 'падать', 'литься' [упрощенное *пад-ск-?*— Прим. ред.].

Можно предположить, что это название восходит к одному из языков прибалтийских финнов. Поскольку в районе Белозерья в летописные времена да и сейчас проживают вепсы (древнерусское *весь*), то следует обратиться к словарю вепского языка. Вепский глагол, который можно привлечь в качестве этимона, многозначен: *pästta, pästtä* 1) 'отпускать, выпускать'; 2) 'выпускать (давать вытечь)'; 3) 'опорожнить'; 4) 'выбрасывать, выкидывать'. Таким образом, речка *Паска* — река, выпускающая воду, дающая вытечь (озеру), «опорожняющая» озеро Ферапонтовское.

Многие названия рек в окрестностях Ферапонтова монастыря повторяют названия деревень: *Малинская* (д.Малино), *Окуловская* (д. Окулово), *Лещёвка* (д.Лещево), *Дергяева* (д.Дергяево), *Есюнинская* (д.Евсюнино), *Кнышовка* (д.Кнышово), *Лукинская* (д.Лукинское), *Новская* (д.Нова), *Сиверова* (д.Сиверово).

В группе речных названий встречаются и такие, как *Река* (соединяет Плахинское озеро с Ильинским-Цыпинским), *Речка*, она же *Яршевка* и *Мурганская* речка (соединяет озеро Паское с Мурганским), *Ручьевинка* (протекает через д.Сиверово). Это очень распространенный случай — переход слов, именуемых в языкознании местными географическими терминами, в имена собственные. Примеры такого рода можно встретить в разделах *Озера*, *Острова*, *Элементы рельефа*.

Несколько названий рек с очень прозрачной мотивацией: *Большая* и *Малая* речки (у д.Емешово), *Большой* ручей (у д.Раменье), *Вязовка* (у д.Окулово), *Берёзовка* (у д.Емешово), *Засериха* (у д.Плахино), *Каменка* (протекает по селу Ферапонтово и впадает в Паское озеро), *Моховка* (у д.Лесово), *Рябиновка* (впадает в озеро Ильинское), *Спорный* ручей (у д.Лещево), *Средний* ручей (у д.Лещево впадает в Ферапонтовское озеро), *Чёрные* речки (у д.Емешово и у д.Сиверово). Интересно объяснение названия реки *Лимоновки* (у д.Родино) самими жителями: «Лимоновка, потому что вода в реке желтая». Скорее всего, название отыменное (от народной формы *Лимон* канонического имени

Филимон). Такого же происхождения, возможно, и название речки *Ма́рковки* (варианты: *Ма́ртовка*, *Маркёловка*, *Мартёловка*) у д.Усково. Один из местных старожилов связывает ее название с именем своего отца, жителя д.Усково, возле которой протекает река. Известно, что имена Марк и Маркел в народной речи воспринимались как варианты одного имени. Для говора также характерна мена *к* в *т*.

Займствованных названий рек, считая и Паску, на территории Ферапонтовского сельсовета немного.

Река *Кёрбовка* берет начало из Ильинского озера и впадает в речку Каменку. Первая часть этого имени соотносится с финским *kiegä* 'скрученный', *kiegge* 'виток, крутка', вепским *ker* 'скрученный', эстонским *keer* 'поворот', а вторая — представляет собой географический термин *бав* (*бой/бол/буй*) со значением 'канавы, ручей'. Действительно, эта река очень петляет, имеет ярко выраженное искривление русла.

В Бородаевское озеро возле д.Усково впадает речка *Курган*. Название речки включает широко распространенный в говорах русского Севера местный географический термин *курган*, который, по мнению О.В. Вострикова, восходит к каким-то вымершим финно-угорским языкам.

С севера в Бородаевское озеро впадает речка *Ла́пач* (вариант *Ланоч*). Это название можно соотнести с фин. *lorri* 'конец, окончание', вепским *lor* 'конец, остаток'. Конечное *-ч* в русском языке имеет собирательное значение (по типу *кедр* — *кедрач*).

Левым притоком Бородавы является река *Сора*. В этом названии, по мнению Л.А. Субботиной, «отражен прибалтийско-финский, скорее всего вепский (ср. вепс. *saga* — 1. развилина (раздвоенный ствол или сук); разветвление; 2. развилье сохи) вариант термина *сора-сара*».

Дыморка («Дыморка речка олешнягом заросла»).

5. Элементы рельефа

Гор, возвышений как таковых в районе Ферапонтова монастыря немного, хотя в речи местных жителей для обозначения холмов, возвышенностей регулярно употребляются *горá*, *горушка*. Следует отметить,

что и высокий берег озера (реки) в древнерусском языке и в современных севернорусских говорах часто обозначается словом *гора*. Как географический термин, закрепившийся в топонимии, здесь встречается еще *завал*.

Самая высокая точка в окрестностях Ферапонтова — *Цыпина гора*. Вот как о ней пишет архимандрит Макарий: «Высшая из местных гор, Цыпина, красующаяся среди волости, составляет замечательное звено в отрасли Олонецких гор. Вся эта гора, с прилежащими к ней холмами и отлогостями, простирается не менее 6 верст с северо-востока на юго-запад по направлению к г.Кириллову».

К северу от Ферапонтова (примерно в 8-10 км) «возвышается величественная, огромнейшая, круглая гора *Раменье*». Именно по горе, скорее всего, и появилось общее название бывших деревень (и в прошлом их прихода) — *Раменье*. Такое название широко распространено на территории России, по происхождению оно славянское и представляет собой отглагольное образование (от глагола (*о*)рати 'пахать, рыхлить, возделывать землю'). Первоначально этим именем называли поля, расположенные на ровном месте и на возвышенном, покосы (на месте заросших полей). Далее это имя могло переходить (по принципу метонимии) на находящиеся рядом холм, лес, деревню.

Несколько названий возвышенностей, описанных в окрестностях Ферапонтова монастыря, метафорического происхождения: *Коврига* (вариант: *Коврижка*, *Коврига Зайцевская*) — у д.Зайцево, *Гармониха* у д.Леушкино, *Полати* у д.Оденьево, *Опорки* у д.Балуево, *Пуп* у д.Бяковская.

Особенности рельефа отражены в следующих названиях: *Высокая* (вариант: *Высокое*) у д.Леушкино, *Высокие* у д.Филиппово, *Плоские* (вариант: *Плоское*) у д.Щелково, *Белая гора* у д.Дьяконовская, *Большая гора* у д.Лещево, *Вшивая горушка* (где *вшивый* 'несущественный, незначительный') у д.Кнышово, *Каменистая горушка* у д.Леушкино, *Камешник* у д.Бяковское и у д.Плахино, *Крутая гора* у д.Емешово, *Маленькая горка* у д.Глебовское, *Озерная гора* — возвышенный крутой

берег озера у д.Лещево, *Покло́нная гора* у с.Ферапонтово, *Тренóжье* у д.Яршево, *Косая гора* у д.Родино, *Крю́ча* у д.Емешово, *Ленивая гора* у д.Родино, *Баси́ха*, крутой берег озера Ферапонтовского. Последнее, скорее всего, образовано от русского диалектного слова *баса́*, ср.: *баси́ться* 'наряжаться, украшать себя', *набаси́ться* 'нарядиться в красивые одежды', *баса́* 'праздничный наряд', *баско́* 'красиво', 'хорошо', *баско́й* 'пригожий' и др. И сами жители об этой реалии рассказывают так: «Место там баско́е, высоко́е, весело́е, сухо́е, яго́дное». Это название, правда, по легенде, связывают с пребыванием в Ферапонтовом монастыре патриарха Никона: он любил здесь гулять и петь, «басить» псалмы. Такое объяснение носит народно-этимологический характер.

Связано с местной легендой и название бывшей *Разбо́йничьей (Разбо́йничной) горушки*, которую разрыли и вывезли (она была песчаной) на строительство дорог. Разбойничья горушка находилась между деревнями Усково и Щелково, т.е. на Усках — там, где теперь Усковское озеро. Мимо нее раньше проходила торговая дорога, соединяющая Кириллов — Чарозеро. Это был крутой берег озера. «Разбо́йнишна гóрка под озеро сильно крута́ была, горы́ нет, весь песок взяли, вишь. Там жили разбо́йники, зóлото спрятали...».

К группе рельефных названий можно отнести и названия частей береговой линии озер. Большая их часть включает в состав имени географический термин *мыс*, широко распространенный в севернорусских говорах.

Гри́шин мысок у д.Захарьино. Этот мыс каменистый, появляется в середине лета, когда снижается уровень воды в озере, «вода опадает». Местные жители объясняют так это название: «Та́м была́ ку́зница, а кузнéц — захарьинский мужи́к Гри́ша»; *Гу́льбище* — у д.Шишкино. На нем, как рассказывают сами жители, устраивались гулянья; *Коровий мыс* — у д.Щелково (на северном берегу Бородаевского озера); *Лещёвский мыс* — у д.Лещево (в южной части Бородаевского озера); *Крути́ки* — на озере Ильинском: «Крути́ки — там зава́л круто́й, ти́нистое ме́сто, купа́лись с Крутико́в».

6. Болота

Среди названий болот на данной территории преобладают славянские. В основном они образованы от личных имен: *Андреево болото*, *Борисовское болото*, *Васинское болото*, *Веселовское болото*, *Ганино болото*, *Мишино болото*, *Севино болотце*. Однако некоторые из них соотносятся не с именами людей, а с названиями деревень, например, *Васинское болото* — с д.Васино, (на месте которой в XVII в., после польско-литовского нашествия, была построена новая деревня, получившая имя *Родино* (от *Родя*, *Родион*). Думается, что от последнего названия — *Родино* — пошло и название болота *Родимый Мох* (оно находится возле этой деревни).

Следует отметить, что в именовании болот отражаются и их физико-географические характеристики: 1) размер (*Долгий Мост*, *Круглое*, *Маленькое*); 2) характер почвы (*Дальние Грязи*, *Лужа*, *Сухое*); 3) растительность (и есть ли она вообще) — *Морóшечник*, *Морóшечно*, *Мошкí* (от *мох* 'болото'), *Пуховикí* (местные жители рассказывают, что на этом болоте нет бездонных ям, по-местному, *кринок*; вероятно, оно моховое, т.е. мягкое, «пуховое»), *Рогозíнино*, *Трестяно́е* [Трештяно́ё], *Чистое*, *Чистомо́шье* (видимо, болото без мелколесья и моховое); 4) обитание на них птиц (*Тетерье*, *Тетерник*, *Первый Тетерник*).

Поскольку современные болота чаще всего располагаются вокруг озер, то они именуются так же, как и озера: Гагарское оз. — *Гага́рское* (варианты: *Гага́ры*, *Когáрское*, *Когáры*) болото; Кастромка озеро — *Ка́стромское болото*; Окуловское озеро — *Оку́ловское болото*; Буёрко, Буярко озеро — *Буя́рко болото*; Тярбало озеро — *Тя́рбало* (варианты: *Тя́рбалово*, *Тя́рбольское*, *Тя́рболовское*) болото; Фозеро озеро — *Фозеро* (вариант: *Фозе́рское*) болото.

7. Поля, покосы

Славяне, придя на Север, осваивали территории, удобные для земледелия и не занятые местными племенами. Они занимались подсечным земледелием и лесным перелогом. Именно этим можно объяснить большое количество терминов подсечно-огневого

земледелия в составе микропонимов описываемой территории: *Долги Улёши, Новина, Новины, Перелёги, Пётрина Роздёрка* и др.

Очень часто поля превращались в покосные угодья, поэтому многие названия покосов и по форме (как правило, это существительные женского рода, так как соотносятся со словами *полоса, дрань, новина, роздира* и др.), и по семантике восходят к названиям полей: *Веселая, Волковна, Высокая, Глухая, Добáвошна, Коврига, Копылова, Сестрица, Слободская, Соко́льня, Сосно́вка, Тетёрха, Тóрбинка, Федóтиха*. В составе названий покосов отражены также и сенокосные термины *стожъе, сенокос, пожня, луг: Авгу́сино Стожъё, Барский Луг, Васи́но Стожъё, Гладкий Луг, Лобáнов Луг, Лу́жкй, Панин Луг, По́жня, Попово Стожъё, Сла́вушков Сенокос, Стожъё от Си́верова, Сорокоалтынный Луг, Теряевские Покосы, Ямной Луг*.

Сохраняются названия, которые указывают на то, что когда-то росло на полях; *Ржище, Репище*.

В группе названий полей и покосов много таких, которые отражают: 1) особенности почвы и поверхности земли — *Гладкой Луг, Крутые, Горка, Горúшка, Долгий Повáл, Зыбун, Кочевник, Крюча, Пески, Плоска Горúшка* (вариант: *Плоски Полосы*), *Поперешин Повáл, Троегонные, Угловая Чаща, Шáйма, Ямной Луг*; 2) соотношение с другими географическими объектами — *Возле Озера Полосы, За Большаком, За Грязью [За Грезью], За Конюшней, За магазином, За Овином, К Дору, Около Морошечника, От Озера, Стожъё от Си́верова, У Реки, У Ручья*; 3) образность видения объекта — *Полати, Станки* («Пóлосы Станкй шли́ попере́к доро́ги»), *Цыпина Нога, Портки, Соединённые Шта́ты, Пьяна Ямка*.

8. Леса

В окрестностях Ферапонтова монастыря леса хвойно-мелколиственные. В названиях лесных участков встречаются термины лесоводческого характера (*дача, бревенник, лес, ро́ща, бор*), а также слово *óстров*, которое в русских народных говорах, по сравне-

нию с литературным языком, имеет не только значение 'часть суши, омываемая со всех сторон водой', но также 'сплошной лесной массив', 'лес на высоком месте': *Болдинский Лес, Бор, Бревенник, Ольгина Роща, Остров, Роща*. Довольно часто участки леса получают название по имени другого географического объекта, расположенного поблизости: лес *Веселá* рядом с Веселовским озером, *Горско́й Лес* — у д.Горы, лес *Лима́новская* (вариант: *Лимановское* — по берегам речки Лимоновки, *Ра́мень* (вариант: *Раменский Лес*) в Раменье, *Тя́ربولский лес* рядом с болотом и озером Тяربول, *Ферапонтовский Лес* — рядом с селом и монастырем. Встречаются среди названий лесов и отыменные: *Андреева Дача, Ипатова Роща, Козловский Лес* (вариант: *Козловское*), *Степаново*. Интересное название записано от жительницы бывшей деревни Емешово Г.Я. Забелиной — лес *Госты́н*. Она объясняет происхождение имени так: в этом лесу, когда шли из Ферапонтова в Емешово, отдыхали, «гостили».

Территория современного Ферапонтовского сельсовета осваивалась первопоселенцами-славянами самостоятельно, так как основная часть географических объектов имеет исконные славянские по происхождению имена. Незначительное количество топонимов (в основном гидротопонимов) было заимствовано из языков прибалтийско-финской группы.

Географические названия данной территории включают в себя самые разнообразные географические термины, что является закономерным в образовании не только русских, но и вообще топонимов. Велика роль в создании географических названий и личных имен. И это тоже оправдано: человек осваивает природу и оставляет свое имя там, где он прошел, где стал возделывать землю, строить дома. Следует также отметить, что в географических названиях отражена образность в осмыслении окружающей среды, тонкое чувство суровой красоты северного края.

Л и т е р а т у р а: 1. *Алексеева М.А. Из истории деревень вблизи Ферапонтова монастыря//Ферапонтовский сборник. Вып. 2, М., 1988. С. 231-236.* 2. *Архимандрит Макарий (Миролюбов). Описание Фера-*

понтховской волости//Вестник Императорского Русского Географического Общества. Ч. II. СПб., 1854. С. 129-152. 3. Востриков О.В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья//Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 3-45. 4. Матвеев А.К. Об отражении одного финно-угорского фонетического соответствия в субстратной топонимике русского Севера//Советское финно-угроведение. 1968. № 2. С. 121-126. 5. Описание Нило-Сорской пустыни. М., 1913. 6. Переписная книга Белозерского уезда. 1678-1679.//Летописи занятий Археографической комиссии. Вып. 8. СПб., 1888. 7. Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда. 1585 г. М.; Л., 1984. 8. Субботина Л.А. Географическая терминология Белозерья и ее отражение в топонимии//Методы топонимических исследований. Свердловск, 1983. 9. Субботина Л.А. Субстратные географические термины в топонимии Белозерья//Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С. 95-109. 10. Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области. Архангельск, 1988. 11. Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья//Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. 12. Max Vasmer. *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde. I. Band.* Berlin, 1971.

В.Я. Дерягин,
З.С. Дерягина

Х

ХОЛОПИЙ ГОРОДОК — название места, где в XIV-XVI вв. действовала многомесячная ежегодная ярмарка, привлекавшая к себе русских и иноземных купцов. Это место было в 80 км от г. Углича на р. Мологе в пределах Угличского удельного княжества, упоминается в различных памятниках XVI-XVII вв., сейчас оказалось на дне Рыбинского водохранилища. Пространная характеристика Х.Г. имеется в «Записках о московских делах» С. Герберштейна (1549): «... в городе по имени Холопигород... собирается во время ярмарок различный люд из самых отдаленных мест... Холопигород... крепость, ныне разрушенная, на р. Мологе... В этом месте бывает самый многолюдный из всех существующих во владениях московита базар... Кроме шведов, ливонцев и московитов туда стекаются татары и другие многочисленные народы

из восточных и северных стран». В XVI в. ярмарка в Х.Г. пришла в упадок, не выдержав конкуренции с новыми ярмарками по р. Мологе — в Веси Егонской и на Мологе-Посаде и с новой же ярмаркой в Нижегородском Поволжье — около Макарьевского Желтоводского Монастыря.

Происхождение названия *Холопий Городок* не выяснено, но имеется правдоподобная легенда, что оно возникло потому, что Х.Г. был в древности основан беглыми новгородскими холопами. В памятниках XVI в. Холопий Городок именуется еще и как *Старый Холопий*, вероятно, в связи с тем, что новым в XVI в. считался Молога-Посад, так как в духовной грамоте великого московского князя Ивана III от 1504 г. сказано: «А что есми свел торгъ с Холопья Городка на Мологу и тот торг торгуют на Молозе съезжаяся».

Л и т е р а т у р а: 1. Бережнов М.Н. *Старый Холопий Городок на Мологе и его ярмарка*//Труды VII археологического съезда. Т.1. М., 1890. 2. Герберштейн С. *Записки о Московии*. М., 1988. 3. Кисель Ф.Х. *История г. Углича*. Ярославль, 1844. 4. Смирнов П.П. *Сказание о холопий войне в Древней Руси*//Учен.зап. Моск. гос. пед. ин-та. Каф. ист. СССР. 1947. Т.2. вып. 2 5. *Акты феодального земледелия и хоз-ва: Акты Симонова монастыря (1506-1513)*. Л., 1983. 6. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв.* М.; Л., 1950.

Н.Д. Русинов

Ч

ЧАСОВАЯ ГОРА — название одной из *Дятловых гор* в пределах Нижнего Новгорода. На этой горе расположен современный *Нижегородский кремль* (см.). Ее наименование *Часовая*, видимо, связано с тем, что на одной из кремлевских башен в XVI в. были установлены часы с боем.

Л и т е р а т у р а: Мельников-Печерский П.И. *О старом и новом Нижнем Новгороде*//Труды Археологического съезда в Казани. 1884. Т.1.

Н.Д. Русинов

Ш

ШАРАПОВ ФЁДОР КЛЕМЕНТЬЕВИЧ (см.: *Федор Клементьевич Шаратов*).

ШЕЛДОМЕЖ — название села в Бежецком р-не Тверской обл. вблизи р. Сити, неподалеку от д. *Боженьки* (см.), на границе с Ярославской обл. По одной из легенд, именно возле Ш. в 1238 г. произошла битва между войском владимиристо-суздальского князя Юрия Всеволодовича и войском хана Батыя. Это якобы подтверждается названием села *Шелдомеж*. Его местная народная этимология ложно толкует как словосочетание *шел до меж*: будто бы Батый дошел до меж этого села, а дальше продвинуться не смог. На самом же деле название *Шелдомеж*, имея исход *-еж*, входит в обширный ареал наименований населенных пунктов Верхневолжья и всей Восточно-Европейской равнины на *-еж* с предшествующими производящими основами явно неславянского происхождения. Ср.: *Вилеж* и *Пучеж* в Ивановской обл., *Малибежи* и *Сахареж* в Ярославской обл., *Себеж* в Псковской обл., *Вареж* и *Шалдеж* в Нижегородской обл. и др. (см. *Китеж*). При этом основа *Шелдом* по элементу *-дом*, возможно, родственна таким топонимам, как *Талдом* (в Подмосковье). [По всей вероятности, *Шелдомеж* — западно-финское (прибалтийско-финское) субстратное название, близкое этимологически к фин. (суоми) *Silta-mäki* (род. п. *Silta-mäGen*, букв. 'Мостовая гора'. Начальное *ш-* (при фин. *S-*) говорит о близости к карельским диалектам. — *Прим. ред.*]

Литература: 1. Гацкий А.С. *О месте битвы на берегах реки Сити//Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н.Новгород. Т.1. 1888.* 2. Русинов Н.Д. *Углич — древнейший русский город на берегах Волги//Материальная и духовная культура феодальной России/Межвуз. сб. Горький, 1990.*

Н.Д. Русинов

Э

ЭТНОНИМИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ. Древнерусские названия племен и народов — этнонимы (от гр. *ἔθνος*

'племя, народ' и ѿѿца 'имя собственное') — это сплав древних, почерпнутых еще в эпоху индоевропейской общности названий, и новых, созданных на общеславянской и восточнославянской почве. Среди этнонимов Древней Руси следует различать два типа. К первому относятся этнонимы, обозначающие славян (такие названия, как правило, близки к самоназваниям). Наиболее полным источником, где они встречаются, можно считать «Повесть временных лет». Ко второму относятся этнонимы, обозначающие неславянские народы и племена (такие названия крайне редко совпадают с самоназваниями этих этносов). Наилучший источник — древнерусский перевод хроники Георгия Амартола (Мниха).

По структуре все славянские этнонимы Древней Руси представлены тремя неравномерно распределенными группами: 1) этнонимами, производными с точки зрения др.-рус. языка: *сърби*, *хрвати* (хорваты), *дулѣби*, *ляхы*, *чехы*, *сѣверь*; 2) немногочисленной группой этнонимов, обозначающей славянские народы собирательным именем: *роусь*, *серебрь*, *моравя*; 3) этнонимами, обозначающими множественность с помощью общеславянских формантов *-ичи* и *-ѣне*, *-ане* (*-яне*): *вятичи*, *радимичи*, *кривичи*, *дреговичи*, *лутичи*, *уличи*, *деревляне*, *поляне*, *мазовшане*, *поморяне*, *моравляне*, *хорутане* (*словенцы*), *полочане*, *бужане*, *вельняне* и т.д.

Только этнонимы последней группы позволяют прояснить их историю. Так, часть названий образована от имен гидронимических объектов: *бужане* — по р. Буг, *полочане* — по р. Полота, *поморяне* — по жительству в прибрежных районах Балтики, *моравляне* — по р. Морава. Названия на *-ичи*, возможно, отражают еще древнейшую общинно-родовую структуру славянского общества. В летописи говорится, что родоначальниками радимичей и вятичей были два брата, пришедшие «от ляхов» (т.е. с запада). Это можно рассматривать лишь как обычную для средних веков династическую легенду. Радимичи скорее всего были тесно связаны до переселения на восток с территорией Восточной Польши, где отчетливо просматриваются следы корня *рад-* (*Радзимин*, *Радом* и т.п.) в топонимике. Этноним *дреговичи* этимологизируется как

«жители болот, дрегвы». Этнонимы *поляне* и *деревяне* объяснялись еще автором «Повести временных лет» как «жители полей» и «жители лесов (деревы)». Труднее с *кривичами*. Неудовлетворительна этимология от собственного имени жреца *Крива*. По гипотезе З. Голломба, *кривичи* — это синоним «украинцев», от *край*, *кroitи* — со значением «пограничные».

Названия неславян имеют строгие рамки оформления. Ближайшие к восточным славянам финно-угорские и балтийские племена и народы называются исключительно собирательными именами: *литва*, *жмудь*, *чюдь*, *черемиса*, *зимегола* и т.п. Другие неславяне называются именами на *-ане*, *-яне*: *агняне*, *асуряне*, *персяне*, *галичане*, *иудеяне* и т.п. И только ряд древних народов называются производными именами: *греки*, *гѣтѣ*, *латины*, *обърѣ*, *пруси* и т.п. Этнонимия Древней Руси охватывала практически все народы Европы, библейские народы и наиболее крупные этносы Азии. В наименовании народов могла быть вариантность: *греки*, и *елини*, *гурзи* и *ивери*, *урмане* и *свеи* и т.п., но никогда не было случаев презрительного обозначения народов. Примеры с *немцами* (якобы от «немые») и *чудью* (якобы от «чудаковатые») являются образцами поздней народной этимологии.

Литература: Попов А.И. Названия народов СССР. Введение в этноимику. Л., 1973. Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979. Ковалев Г.Ф. История русских этнических названий. Воронеж, 1982.

Г.Ф. Ковалев

Я

ЯМАЛ — полуостров на Карском море в северо-западной части Тюменской обл., расположен между Байдаракской губой на западе и Обской губой на востоке, площадь 122 тыс. кв.км, длина с запада на восток — 700 км; лесотундра и тундра. Главные отрасли хозяйства — разработка и добыча газа, оленеводство, рыболовство, охота.

В русских источниках название *Ямал* как этническое имя родовой группы ненцев известно с конца XVII в. Толкуется в связи с ненецким словосочетанием *я* 'земля', 'суша', 'материк', *мал* 'вершина', 'исток реки', 'конец', откуда ненецкое *Ямал* 'конец земли'.

Н.К. Фролов

ЯМБУРГ — полуостров в северной части Тюменской области, расположен между Обской губой на западе и Тазовской губой на востоке. Это крупнейший в мире центр нефтегазодобычи (месторождение открыто в 1969 г.). Название *Ямбург* носит и северный поселок Надымского р-на; здесь развиты оленеводство, рыболовство, охота.

Название представляет собой адаптацию ненецкого словосложения *Ямп/Ямб* 'длинный, долгий', *бург* из *лурх* 'плесень', 'ржавчина'. Территория полуострова из-за выходов на поверхность метана отличается скудностью флоры, этимологическое значение топонима согласуется, таким образом, с географическим критерием.

Н.К. Фролов

ЯН ПЛЕСКОВИТИН (ПЛЕСКОВИЧ) — легендарный основатель г. Углича (см.). Угличская Серебрянниковская летопись (Российская гос. биб-ка в Москве, инв. № М-937) конца XVIII в. сообщает о нем следующее: родился в конце IX в. во Псковской (Плесковитской) земле, прибыл в Киев ко князю Игорю в свите княгини Ольги («ю же приведе въ жену князю ... Игорю»), был ее родственником и советником, ок. 937 г. послан князем Игорем на Волгу для основания г. Углича. В 962 г. Я.П. принял христианство, ездил вместе с княгиней Ольгой в Византию, дожил до 70 с лишним лет, умер в 965 г. в Киеве и похоронен в Киевской соборной церкви. Откуда взяты эти сведения составителем Серебрянниковской летописи Григорием-Фокой Дмитриевым Серебрянниковым — неизвестно. Сам он на полях своей рукописи дал такую ссылку: «Зри: выписано сие из древней-

шего переславского летописца... писанного пространно о городе Угличе» (лл. 13 и 240).

Литература: Киссель Ф.Х. *История города Углича. Ярославль, 1844.* Критский П.А. *Наш край. Ярославль, 1907.* Русинов Н.Д. *Лингвистический очерк истории средневековой культуры в Угличском Верхневолжье. Горький, 1988 (депонировано в ИНИОН АН СССР. № 37964 19 мая 1989).*

Н.Д. Русинов

ЯРИЛО — название высокой горы и простирающейся у ее подножия в южном направлении равнины, справа от устья р. Оки в Нижнем Новгороде. Гора как составная часть этого Ярила когда-то именовалась *Ярилиной*, теперь известна как *Гребешок* (см.). А равнинно-низменная часть Ярила называлась *Ярилово Поле* или *Ярилино Поле*. Теперь это название забыто, но следы его в первой половине XX в. еще сохранялись: поселок, возникший здесь и существовавший до поглощения Нижним Новгородом, именовался *Ярило*.

Нижегородские топонимы *Ярило*, *Ярилова* (*Ярили-на*), *Ярилово* (*Ярилино*) восходят к названию восточнославянского языческого бога Ярила, которого нижегородцы чтили до второй половины XIX в., сближая, а потом и отождествляя с христианским Иоанном Крестителем — Купалой.

Языческий миф о Яриле в нижегородской интерпретации XIX в. — это легенда о боге солнца, любви и плодородия. Она гласит: в незапамятные времена Земля пребывала во мраке и стуже, но юный бог любви Ярило озарил ее своим светом и согрел своим теплом. Тогда из недр Земли родился Человек. Сначала он оставался несмышленышем, но Ярило просветил его разум своей молнией — и стал Человек господином над всем живым на Земле.

Литература: 1. Мельников-Печерский П.И. *В лесах [роман]. Горький, 1956.* 2. Храмцовский Н. *Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н.Новгород, 1859. Т.2. С.24-29, 112 и др.*

Н.Д. Русинов

ЯРИЛИНА (ЯРИЛОВА) ГОРА — название местности в Нижнем Новгороде (см. *Гребешок*, *Ярило*).

ЯРИЛИНО (ЯРИЛОВО) ПОЛЕ — название местности в Нижнем Новгороде (см. *Ярило*).

Учебное издание

РУССКАЯ ОНОМАСТИКА
И ОНОМАСТИКА РОССИИ

Под редакцией Олега Николаевича Трубачева

Редактор *А.П. Грачев*
Художественный редактор *Н.Д. Горбунова*
Технический редактор *Э.С. Соболевская*
Корректор *В.С. Антонова*

ИБ № 36

ЛР № 020513 от 15.04.92
Сдано в набор 24.01.94. Подписано в печать 18.04.94.
Формат 84 × 108/32. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 17,0.
Тираж 50 000. «С»-50. Заказ № 84

Издательство «Школа-Пресс»
119034, Москва, Смоленский б-р, 4

При участии ПКФ «Печатное дело»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Комитета Российской Федерации по печати.
198052, С.-Петербург, Измайловский пр., 29

